

Фрагменты сочинений киников и кинизирующих писателей

- Антисфен Афинский
- Диоген Синопский
- Кратет Фиванский
- Моним Сиракузский
- Телет
- Феникс из Колофона
- Анонимные холиямбические поэты
- Керкид из Мегалополя
- Демонакт
- Эномай Гадарский. Из сочинения «Обличение обманщиков» («Против оракулов»)
- Дион из Прусы (Хрисостом). Речи
- Максим Тирский. Предпочитать ли кинический образ жизни?
- Лукиан из Самосаты. Киник

Антисфен Афинский

Из сочинений и бесед

Из «Геракла»

1. Они утверждали, что конечная цель философии — «жить в согласии с добродетелью», как об этом говорит Антисфен в своем «Геракле» (Диог. Лаэрт., VI, 104).

2. Они полагали также, что добродетели можно научиться и её нельзя утратить, как пишет Антисфен в «Геракле»; только мудрец достоин любви, безгрешен, друг себе подобных и ни в чём не полагается на судьбу (Диог. Лаэрт., VI, 105).

3. Для мудреца нет ничего чуждого или невыполнимого. Добродетельный человек достоин любви. Все достойные люди — друзья. Своими союзниками следует делать людей мужественных и справедливых. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять (Диог. Лаэрт., VI, 12).

4. Тогда Антисфен ответил: «В таком случае разве не лучше этому сиракузянину показать свою танцовщицу всему городу и заявить во всеуслышание, что, если афиняне заплатят ему, он сделает так, что они все смело бросятся копьям наперерез?» (Ксенофонт. Пир, II, 13).

5. Он был так неуязвим и неподкупен в подобных обстоятельствах, ибо придерживался того принципа, которым руководствовался и антисфеновский Геракл, учивший мальчиков не испытывать благодарности к тем, кто их хвалит. В этом был только один смысл, — чтобы они не смущались и не чувствовали себя обязанными льстить в ответ на похвалу (Плутарх. О ненужном стыде, 18).

6. Таким, кажется, был Хирон, который жил на Пелионе, превзошёл справедливостью всех людей и воспитал Асклепия и Ахилла. Кажется, к нему пришёл Геракл, испытывая жажду в знаниях, и жил с ним в пещере, воздавая почести Атланту. Только этого одного кентавра он не убил, а слушал его, как рассказывает сократик Антисфен в своём «Геракле» (Эратосфен. Катастеризмы, гл. 40. — Шаубах, с. 40).

7. Поэтому и антисфеновский Геракл говорит о каком-то юноше, воспитывавшемся у Хирона: он высок, красив и в расцвете сил. Кого полюбит, тот будет счастлив (Прокл. Комментарий к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 98).

Из «Кира»

8. В качестве нормы, эталона и наилучшего образца чистоты истинной аттической речи он приводит в пример Платона и Демосфена, а также Крития, сына Каллесхра, и Антисфена с его двумя подлинными книгами, посвящёнными Киру и Одиссею (Фриних Араб у Фотия. —

Библиотека, 101Ь9).

9. Антисфен во втором «Кире» бранит Алкивиада и обвиняет его в том, что он презирает обычаи как по отношению к женщинам, так и в остальных областях жизни (Афиней, V, 220с).

10. Поэтому и сократик Антисфен, как будто бы он сам видел Алкивиада, говорит, что в юности тот был сильным, мужественным, грубым, дерзким и красивым (Там же, XII, 534с).

11. Итак, что же говорит Антисфен? Ты ещё не слышал? — «О Кир, это удел царей — поступать благородно и выслушивать поношения» (Арриан. Беседы Эпиктета, IV, 5; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 3).

12. Он доказывал, что труд — благо, приводя в пример великого Геракла и Кира, одного — из эллинов, другого — из варваров (Диог. Лаэрт., VI, 2).

13. Нам известна кормилица Алкивиада, лаконянка родом, по имени Амикла, и наставник его Зопир. О первой сообщает Антисфен, о втором — Платон (Плутарх. Алкивиад, I).

14. О том, что Алкивиад был высок и красив, свидетельствует, во-первых, то, что его называли любимцем всей Эллады, во-вторых, слова Антисфена, что если Ахилл не был похож на Алкивиада, то он не был истинно прекрасным (Прокл. Комментарий к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 114)[80].

Из «Аспасии»

15. Аспасия питала неприязнь к сыновьям Перикла Ксантиппу и Паралу. Она говорила, что один из них был сожителем Архестрата, который вёл себя наподобие обитательниц домов терпимости, другой — друг и близкий приятель Эвфима, который задевал на дорогах встречных своими грубыми и неумными шутками (Афиней, V, 220d).

16. Сократик Антисфен рассказывает, что [Перикл] сильно любил Аспасию и дважды в день, уходя и возвращаясь, целовал её. Однажды, когда её обвинили в нечестии, он взял на себя её защиту и проливал обильные слёзы, будто дело шло о его собственной жизни и состоянии. Когда же Кимон, нарушив все законы, сошёлся со своей сестрой Эльпиникой, вышедшей позже замуж за Каллия, и был изгнан, Перикл взял в награду за его возвращение возможность сойтись с Эльпиникой (Афиней, XIII, 589е, ср.: Плутарх. Перикл, 10—24).

Из «Протрептика»

17. Сначала он был учеником ретора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно оцутимая в «Истине» и в «Протрептиках» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

18. Бомбилий — это сосуд с узким горлышком, в котором во время питья жидкость булькает, как сообщает Антисфен в «Протрептике» (Поллукс, VI, 16, 98; ср.: Там же, X, 19, 68).

19. Антисфен ...и в «Протрептике» говорит: «...откармливаться вместо поросят» (Афиней, XIV, 656р).

20. Ночным горшком хотел быть Ксенофонт, вместилищем мочи — Антисфен (Фотий, р. 361, 21).

Из «Архелая»

21. «Архелай» содержит нападки на риторика Горгия (Афиней, V, 220).

Из «Политика»

22. Его диалог «Политик» содержит нападки на всех афинских демагогов (Афиней, I, 220d).

Из «Физиогномика»

23. Антисфен же в «Физиогномике» говорит: «Ведь и они по принуждению откармливают свиней» (Афиней, XIV, 656).

Из «Физика»

24. И Антисфен о боге всего сущего провозглашает: его нельзя узнать на изображениях, глазами его нельзя увидеть, он ни на что не похож. Поэтому никто не может узнать его по изображению (Феодорет. Излечение греческих страстей, I; Климент Александрийский. Протрептик, VI, 71; Лактанций. О гневе Божиим, XI; Он же. Божественные установления, I, 5; Минуций Феликс, 19)[81].

Из сочинений о Гомере (Homeric)

25. «А разве тебе не известно, — сказал Антисфен, — что и все рапсоды знают эти поэмы?» — «Как мне этого не знать, когда я слушаю их почти каждый день?» •—ответил он. «Тогда знаешь ли ты людей глупее рапсодов?» — «Должно быть, нет, клянусь Зевсом», — ответил Никерат. «Нет сомнения, — заметил Сократ, — что они не понимают сокровенного смысла» (Ксенофонт. Пир, III, 6; ср.: Там же, IV, 6; Юлиан, VII, 215).

26. Антисфен говорит, что Гомер хвалит Одиссея не больше, чем порицает, называя его «многохитростным». Ахилла и Аякса поэт менее всего изобразил «многохитростными», но простыми и благородными. Также и мудрого Нестора, клянусь Зевсом, не хитрым и лицемерным, а ведущим с Одиссеем и со всеми другими простые речи. Если у него были какие-нибудь полезные мысли, он их высказывал войску и ни от кого не скрывал. Ахилл был настолько простодушен, что считал того смертельным врагом, кто одно держит на уме, а говорит другое. Решая данную проблему, Антисфен говорит: «Что же, Одиссей дурной человек, раз он назван многохитростным? А не потому ли, что он был мудрым, так назвал его Гомер? Может быть, „хитрость“, „ловкость“ (tropos) здесь означает то ум, то умение пользоваться речью? Ведь благодетельный (eutropos) тот, у кого ум расположен к добру». Но причиной стилистического различия речи является различие в вымысле. Поэт пользуется разнохарактерной речью в зависимости от изменения голоса и действующих лиц, когда, например, описывает соловья, который, «постоянно меняя голос, льёт свою переливчатую песнь»[82]. Если мудрые люди искусны в речах, то они умеют одну и ту же мысль выразить

разными способами. Поэтому те, кто умеет говорить об одном и том же по-разному, и могут, пожалуй, быть названы «многохитростными», «ловкими» (polytropos). А мудрые люди в то же время и добродетельные. Гомер называет Одиссея, человека мудрого, и «многохитростным», именно потому что он умеет находить к разным людям разный подход. Рассказывают, что и Пифагор, разговаривая с детьми, применялся к детской речи, беседуя с женщинами, приспособлялся к ним, общаясь с властями, приносивался к ним, обращаясь к юношам, — к юношам. Ибо характерным для мудрости является умение найти для каждого свой род мудрости, а невежеству свойственно к разным людям обращаться с однообразной речью. Так обстоит дело и в медицине, когда она успешно применяет свое искусство, предписывая разнообразное лечение в соответствии с различием в состоянии больных. Таким образом, характеры бывают разными и означают изменчивость душевного склада. А многообразие в речах и употребление различных средств речи порождают у различных слушателей единообразие в восприятии, ибо каждому свойственно своё, единственное. Поэтому своеобразие каждую собирает пёстрое различие речей в одно, подходящее только для него. С другой стороны, единообразное несоответствие[83] порождает в восприятии различных людей впечатление разнообразия речи, отвергаемого многими, так как они считают неприемлемой и саму речь (Схолии к «Одиссее», I, 1. — Буттманн, с. 9).

27. Антисфен говорит, что понял мудрость Одиссея, так как влюблённые часто обманывают и обещают невозможное (Схолии к «Одиссее», V, 211. — Буттманн, с. 193).

28. Антисфен говорит, что влюблённые не выполняют своих обещаний. Но «она [Калипсо] не могла делать этого без воли Зевса» (Схолии к «Одиссее», VII, 257. — Буттманн, с. 267).

29. Почему Одиссей так неразумно и пренебрежительно отзывается о Посейдоне, говоря, что он и глаза не вылечит, хотя и колеблет землю? Антисфен разъясняет: известно, что врачеватель не Посейдон, а Аполлон (Схолии к «Одиссее», IX, 525. — Буттманн, с. 328).

30. Антисфен объясняет, что здесь речь идёт не о силе рук, а о том, что он (Нестор. — И. Н.) не пьянел, а легко переносил вино (Венецианские схолии к «Илиаде», IX, 636).

31. В связи с этим Антисфен говорит, что мудрый человек всегда действует, учитывая все стороны поступков. Поэтому и Афина трижды предостерегает Ареса (Лейпцигские схолии к «Илиаде», XV, 123).

32. Правильно говорит Антисфен, что мы должны желать врагам все блага, кроме доблести, потому что ею не просто владеют, а добиваются победы (Плутарх. О счастье или доблести Александра, II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 56).

33. В связи с этим Антисфен говорит, что души схожи с телами, в которые они заключены (Венецианские схолии к «Илиаде», XXIII, 65).

Из книги «Об употреблении вина»

34. Так как он имел опыт и по этой части, то разрешает им пить, исходя из своих возможностей, говоря в шутку, что безрассудны те люди, которые, имея всё необходимое в избытке, не осмеливаются им свободно пользоваться, и что эта самая книга представляет собой, как кажется, сочинение Антисфена «Об употреблении вина». В ней рассказывалось о вине и о некоторых признаках Диониса (Аристид. Речи, XXV, 560. — Диндорф, т. 1, с. 496).

Из книги «О любви»

35. Я согласен с Антисфеном, который говорит, что, если бы ему попалась сама Афродита, он пронзил бы её стрелой, потому что она погубила много наших прекрасных и достойнейших женщин, а также называет любовь пороком природы. Несчастные, попав под её власть, называют болезнь божеством. Таким образом доказывается, что невежественные люди из-за незнания подчиняются наслаждению, которое не следует допускать, хотя оно зовётся божеством и дано богами для потребностей продолжения рода (Климент Александрийский. Строматы, II — Поттер, с. 485).

36. Жениться следует для воспроизведения рода, сходясь для этого с самыми прекрасными женщинами. И любви не должен чуждаться мудрец, ибо только он знает, кто достоин её (Диог. Лаэрт., VI, 11).

37. Следует сходитья только с такими женщинами, которые будут вам за это признательны (Диог. Лаэрт., VI, 3).

38. — Ну, хорошо, — сказал Каллий. — А ты, Сократ, что можешь сказать, почему ты вправе гордиться таким бесславным искусством, которое ты назвал?

— Уговоримся сперва, — сказал Сократ, — в чём состоит дело сводника. На все мои вопросы отвечайте без замедления, чтобы нам знать всё, в чём придём к соглашению. Вы тоже так думаете?

— Конечно, — отвечали они. Сказавши раз «конечно», после этого все давали ответ этим словом.

— Итак, — начал Сократ, — задача хорошего сводника — сделать так, чтобы тот или та, кого он сводит, нравился тем, с кем он будет иметь дело, не правда ли?

— Конечно, — был общий ответ.

— Одно из средств нравиться не состоит ли в том, чтобы иметь идущий к лицу фасон причёски и одежды?

— Конечно, — был общий ответ.

— Не знаем ли мы и того, что человек может одними и теми же глазами смотреть на кого-нибудь дружелюбно и враждебно?

— Конечно.

— А что? Не бывает ли так, что одни речи возбуждают вражду, другие ведут к дружбе?

— Конечно.

— Хороший сводник не будет ли из всего этого учить тому, что помогает нравиться?

— Конечно.

— А какой сводник лучше, — который может делать так, чтобы его клиенты нравились одному, или который — многим?

Тут голоса разделились; одни сказали: «Очевидно, который очень многим», — а другие: «Конечно».

Сократ сказал, что и относительно этого все согласны, и продолжал:

— А если бы кто мог делать так, чтобы люди нравились даже целому городу, не был ли бы он уже вполне хорошим сводником?

— Несомненно, — был общий ответ.

— Если бы кто мог делать такими людей, во главе которых он стоит, не был ли бы он вправе гордиться этим искусством и не был ли бы вправе получать большое вознаграждение?

Когда и с этим все согласились, он продолжал:

— Таков, мне кажется, наш Антисфен.

— Мне передаешь ты, Сократ, это искусство? — сказал Антисфен.

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал Сократ, — я вижу ты вполне изучил и родственное этому искусство.

— Какое это?

— Искусство завлечения, — отвечал Сократ.

Антисфен, ужасно обидевшись, спросил:

— Какой же поступок такого рода ты знаешь за мной, Сократ?

— Знаю, — отвечал он, — что ты завлёл нашего Каллия к мудрому Продику, видя, что Каллий влюблён в философию, а Продику нужны деньги; знаю, что ты завлёл его к Гиппию из Элиды, у которого он научился искусству помнить, и оттого с тех пор стал ещё более влюбчивым, потому что никогда не забывает ничего прекрасного, что ни увидит. Недавно и мне ты расхваливал этого проезжего из Гераклеи и, возбудив во мне страсть к нему, познакомил его со мною. За это я, конечно, тебе благодарен: человек он, мне кажется, в высшей степени благородный. А Эшила из Флиунта разве ты мне не расхваливал, а меня —

ему? И не довёл ли ты нас до того, что мы, влюбившись под влиянием твоих речей, бегали, как собаки, разыскивая друг друга? Так, видя, что ты можешь это делать, я считаю тебя хорошим завлекателем. У кого есть талант узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонить к дружбе, и браки устраивать подходящие: он был бы дорогим приобретением и для города, и для друзей, и для союзников. А ты рассердился, как будто я обругал тебя, назвав тебя хорошим завлекателем.

— Теперь нет, клянусь Зевсом, — сказал Антисфен. — Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уже совсем набита будет богатством (Ксенофонт. Пир, IV, 56 — 64/Пер. С. И. Соболевского).

Из книги «О воспитании, или О словах»

39. Антисфен говорит, что начало образования состоит в исследовании слов (Арриан. Беседы Эпиктета, I, 17).

40. Антисфен часто говорил, что здравомыслящие люди не должны изучать литературу, чтобы не подвергаться чуждому влиянию (Диог. Лаэрт., VI, 103).

Из «Сатона»

41. Мерзко и похабно переименовав Платона в Сатона, он (Антисфен. — И. Н.) издал под таким названием диалог, направленный против Платона (Афиней, V, 220d; ср.: Там же, XI, 507a).

42. Он (Протагор. — И. Н.) также первым, по словам Платона в «Эвтидеме», стал употреблять в дискуссиях положение Антисфена, которым он старался доказать невозможность противоречия (Диог. Лаэрт., IX, 53; ср.: Платон. Эвтидем, 280C).

43. Рассказывают, что Антисфен намеревался прочесть одно из своих сочинений и пригласил Платона. Когда тот спросил, что он собирается читать, Антисфен ответил: «О невозможности противоречия». Тогда Платон сказал: «Как ты вообще можешь что-нибудь написать об этом?» — и стал доказывать, что он сам себе противоречит. После этого Антисфен написал диалог под названием «Сатон», направленный против Платона, и оба философа отныне стали врагами (Диог. Лаэрт., III, 35; ср.: Там же, VI, 7).

44. Говорят, что есть три вида идей. Антисфен называет их пустыми выдумками, прибавляя: «Человека и лошадь я вижу, а человечности и лошадности не вижу» (Цец. Хилиады, VII, 606; ср.: Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 66).

45. Однажды Зенон, снова защищая того же самого учителя (Парменида. — И. Н.), утверждавшего, что сущее неподвижно, приводил пять доказательств этого положения. Киник Антисфен, не зная, как возразить на это, встал и начал прохаживаться, считая, что сильнее всякого словесного опровержения практическое доказательство (Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 22).

Из книги «Истина»

46. Сначала он был учеником ратора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно ощутимая в «Истине» и «Протрептиках» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

47. А ложное высказывание вообще ни к чему не относится. Поэтому Антисфен простодушно полагал, что ничто не может обозначаться ничем другим, кроме присущего ему слова (logos), по только одним об одном. Отсюда вытекало, что противоречие невозможно, а также, пожалуй, невозможно и ложное высказывание (Аристотель. Метафизика, V, 29, 1024b26—1025a1).

48. Он первый дал определение: «Понятие есть то, что выражает, чем предмет был или что он есть» (Диог. Лаэрт., VI, 3).

49. Поэтому не без основания возникало затруднение, смущавшее антисфеновцев и других столь же необразованных людей: нельзя-де дать определения того, чем является вещь (ведь такое определение — только её длинное описание), но возможно научить, какова она в качественном отношении. Нельзя, например, сказать, в чём сущность серебра, но можно сказать, что оно похоже на олово (Аристотель. Метафизика, VIII, 3, 1043b23).

50. Логика бесплодна — мы ещё рассмотрим этот вопрос. Итак, если кто-нибудь согласится с этим, то этого достаточно, чтобы остальное различить, рассмотреть и, так сказать, измерить и взвесить. — Кто так думает? — Только Хрисипп, Зенон и Клеанф. Антисфен такую мнения не придерживался (Эпиктет. Беседы, I, 17, 10).

51. Антисфен Аристиппу.

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пирах. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный человек должен уметь сколотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путем, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Сиракузы и Сицилию. Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся-ка в Антикиру — там тебе поможет отвар из чемерицы. Он гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведёт к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров (Письма сократиков. — Орелли, с. 15; Герхер, письмо VIII).

Недостоверное

52. Он доказывал, что добродетели можно научиться (Диог. Лаэрт., VI, 10).

53. У мужчин и у женщин добродетель одна и та же (Там же, 12).

54. И Сократ сказал: «Как во многом другом, так и в том, что делает эта девушка, видно, друзья, что женская природа ни в чем не уступает мужской, но она нуждается в знаниях и в силе. Поэтому, если у кого из вас есть жена, пусть смело учит её тому, чему бы он хотел». Тогда Антисфен спросил: «Как же ты, Сократ, придерживаясь такого мнения, не воспитываешь Ксантиппу, а живёшь с женщиной самой несносной, как я думаю, из всех, которые есть, были и будут?» (Ксенофонт. Пир, II, 9—10).

55. Безвестность, как и труд, — благо (Диог. Лаэрт., VI, 11; ср.: Эпиктет. Беседы, I, 24; ср. также: Диог. Лаэрт., VI, 72; 83; 93).

56. Мудрец сам себе довлеет, ибо всё, что принадлежит другим, принадлежит и ему (Диог. Лаэрт., VI, 11, ср.: Там же, VI, 72).

57. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять... Разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов (Там же, 12— 13).

58. Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благородство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках. . . Мудрец живёт не по законам государства, а по законам добродетели... Диокл приписывает ему также следующие мысли... Лучше с немногими добродетельными сражаться против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого... Добро прекрасно, зло безобразно. Всё дурное считай чуждым себе (Диог. Лаэрт., VI, 11 —12).

59. Снова и снова Антисфен говорит, что целью жизни является непритязательность (Климент Александрийский. Строматы, II. — Поттер, с. 498).

60. «А ты, — спросил он, — чем ты гордишься, Антисфен?» — «Богатством», — ответил он. Тогда Гермоген спросил, а много ли у него денег. Тот поклялся, что у него нет ни обола. «Тогда много ли у тебя земли?» — снова спросил тот. «Может быть, нашему Автолику хватило бы для того, чтобы натереться песком» (Ксенофонт. Пир., III, 8).

61. — А ну-ка, — сказал Сократ, — ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством?

— По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капиталом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, но у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой нуждается во всём. Я слышал и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям, гораздо более преступным, чем люди, самые неимущие, — из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены, иные похищают людей, а тираны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег обращают в рабство.

Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, по никогда не был сыт. А у меня столько всего, что сам я насилу нахожу это; но всё-таки у меня в барышах остаётся, что, евши, я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши — до того, что не чувствую жажды, одеваюсь так, что на дворе не мёрзну нисколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю дома, то очень тёплыми хитонами кажутся мне стены, очень тёплыми плащами — крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, поскольку никто другой не хочет иметь с ними дела. И всё это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а напротив, меньше: до такой степени некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно.

Но самым драгоценным благом в моём богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне пропитание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что начётисто, а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употребляешь дорогие продукты, как, например, теперь, когда я пью это фасосское вино, не чувствуя жажды, а только потому, что оно попало мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешевищу, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть, тем меньше он зарится на чужое.

Следует обратить внимание еще на то, что такое богатство делает человека более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счёта, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а, кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время. Так говорил Антисфен (Ксенофонт. Пир, IV, 34—43 / Пер. С. И. Соболевского) .

62. Ибо вижу у вас большие приготовления для варки чечевицы, и, присмотревшись к ним, я посоветовала бы вам, как говорит сократик Антисфен, покончить жизнь самоубийством, прежде чем съесть такое (Афиней, IV, 157б).

63. Что касается Антисфена-сократика, то он говорит о наградах за доблесть то же самое, что и Платон. Правда, данный рассказ не может считаться истинным, так как этот киник многое делал, чтобы понравиться Сократу. Поэтому не следует верить ни тому, ни другому, когда мы имеем свидетельство Фукидида. Антисфен добавляет к уже существующим неправильным описаниям следующее: «Мы знаем, что в битве с беотийцами ты получил награду за доблесть». — «Молчи, чужестранец. Это заслуга Алкивиада, а не моя». — «Как мы видим, ты соглашаешься» (Афиней, V, 216б).

64. Антисфен утверждал, что удовольствие — благо, но, добавлял он, когда оно не вызывает раскаяния (Там же, XII, 513а).

65. Антисфен, человек с гераклитовским складом ума, говорил, что лучше быть безумным, чем наслаждаться. Поэтому он убеждал своих учеников, чтобы они для достижения удовольствия не шевельнули и пальцем (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XV, 13; Диог. Лаэрт., IX, 101; Авл Геллий, IX, 5; Климент Александрийский. Строматы, II, 20, 492а; Цицерон. О границах добра и зла, V, 31, 93).

66. Отсюда вытекает, что законодательство по необходимости устанавливается в интересах людей, равных как по рождению, так и по могуществу. Для таких людей законы не пишутся: они сами себе законы. И был бы смешон тот, кто пытался бы писать для них законы. Ведь они, пожалуй, скажут так, как говорил Антисфен: львы взяли слово, когда, собравшись на совет, зайцы потребовали для всех равноправия (Аристотель. Политика, III, 13, 1284a15 — 16; Ср.: Эзоп, 241).

67. Речи придаётся выразительность и тем, что самое важное слово ставится в конце; поставленное же в середину, оно как бы притупляется, как, например, у Антисфена: «Почти что больным человек, спавший на хворосте, встанет». Если изменить порядок слов и сказать: «спавший на хворосте человек встанет почти что больным», — то хотя будет сказано одно и то же, но возникнет впечатление, что сказано не одно и то же (Деметрий Фалерский. О стиле, 249).

68. И как Антисфен изысканность Кефисодота сравнил с ладаном: он доставляет удовольствие, когда убывает (Аристотель. Риторика, III, 4, 1407а).

69. Пёс называл харчевни аттическими фидитиями (Там же, 10, 1411а. Псом Аристотель, вероятно, называл Антисфена).

70. Поэтому Антисфен справедливо отвечал нищенствующей братии: Не собираюсь кормить мать богов, которую кормят боги (Климент Александрийский. Протрептик. — Поттер, с. 64).

71. Общаясь с мудростью других,
Становятся тираны мудрецами

(этот стих вместе с Платоном Антисфен приписывает Еврипиду, в то время как другие авторы утверждают, что он взят из трагедии Софокла «Аякс из Локр». См.: Схолии к Фесмофориадзусам, Аристофана, 21; Аристид. Речи, II, 288; Платон. Государство, VIII, 568А; Он же. Феаг, 125В, и др.).

72. Поэтому не так уж плохи поправки, сделанные Клеанфом и Антисфеном. Когда он (Антисфен. — И. Н.) увидел, что афиняне, находившиеся в театре, пришли в страшное волнение, услышав стих:

Что за позор, коли его позором не считать,

тут же его переделал:

Позор позором останется, хочешь того или нет.

(Плутарх. Как юноше должно слушать произведения поэтов. — Гуттен, т. 7, с. 115. Указанный стих принадлежит Еврипиду («Эол»), как указывает схолиаст к стих. 1523 «Лягушек» Аристофана).

73. Если бы он любил не только сельское хозяйство, но и людей, то предпочел бы засеять поле, которое могло бы прокормить много народа, а не такой клочок земли, о котором говорил Антисфен, что его хватило бы только на то, чтобы натереться Автолику песком. А я, собираясь возделывать поле, хочу обратить в него весь мир (Плутарх. Философу следует беседовать прежде всего с сильными мира, 3. — Гуттен, т. 12, с. 86; ср.: Ксенофонт. Пир, III, 8; Плутарх. Об изгнании, т. 10, с. 370; Диог. Лаэрт., VI, 98; Цицерон. Тускуланы, V, 37).

74. Рассмотрев этот вопрос, Антисфен сказал, что образованного и умного человека трудно переносить, так как неразумие — вещь легкая и необременительная, а разум непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима (Филон Алекс. О том, что всякий добродетельный человек свободен. — Гешель, с. 869).

75. «С того времени, как Антисфен меня освободил, я перестал быть рабом». — «Как он это сделал?» — «Послушай, что он говорит: он научил меня тому, что является моим и что мне не принадлежит. Богатства не мои, родственники, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с людьми — всё это чуждое». — «Что же принадлежит тебе?» — «Мои представления. Они, — учил он, — никому не подвластны, зависят только от меня, и никто не может им помешать, никто не заставит пользоваться ими иначе, чем я хочу» (Эпиктет. Беседы, III, 24, 67 сл.; ср.: Там же, IV, 1, 114).

Апофтегмы

76. На вопрос, что такое праздник, Антисфен ответил: повод для обжорства (Антоний и Максим. Беседа о невоздержанности и обжорстве, с. 299).

77. Как рассказывает Гекатон в «Хриях», Антисфен говорил: «Лучше достаться воронам, чем попасть к лъстецам. Те пожирают мёртвых, а эти — живых» (Диог. Лаэрт., VI, 4).

78. Спрошенный, почему у него так мало учеников, [Антисфен] ответил: «Потому что я гоню их от себя серебряной (может быть, *argiaí* — свирепой?) палкой» (Там же).

79. На вопрос, почему он так жесток с учениками, [Антисфен] ответил: «И врачи бывают жестоки с больными» (Там же).

80. Диоген Синопский скоро стал презирать остальных, к Антисфену же относился дружелюбно, не столько восхваляя его самого, сколько его речи, так как считал, что только они одни истинны и скорее всего могут помочь человеку. Сравнивая Антисфена с его речами, он иногда упрекал его самого за излишнюю мягкость и, бранясь, называл его трубой, потому что она, хотя и очень громко трубит, но себя не слышит. И Антисфен

выслушивал всё это и не возражал, ибо восторгался характером этого человека. Однако в свою защиту говорил, что похож не на трубу, а на осу: осы жужжат крылышками негромко, зато жало у них жалит очень больно. Ему доставляла удовольствие откровенность Диогена, подобно тому как всадник, получивший коня норовистого, но смелого и выносливого, тем не менее хвалит его горячность, а ленивых и медлительных ненавидит и не выносит. Таких иногда то шпорами колют, то плёткой понукают, как те, которые, натягивая струны, смотрят всё же, чтобы они не оборвались (Дион Хрисостом. Речи, VIII. — Рейске, с. 275; ср.: Стобей, Антология, XIII, 19).

81. Как пир без беседы, так и богатство без добродетели не приносит радости (Стобей. Антология, I, 30. Слова Антисфена).

82. На вопрос, почему не богачи идут к мудрецам, а наоборот, Антисфен ответил: «Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают: в ином случае они стремились бы скорее к мудрости, а не к деньгам» (Там же, III, 64).

83. Антисфен говорил, что удовольствия, которые не вошли через двери, не должны также выходить через них обратно. Их нужно или отсесть, или лечиться от них чемерицей[84] (Там же, VI, 2. Слова Антисфена).

84. Наслаждения, которые вошли не в двери, говорил Антисфен, нужно будет или отсесть, или лечить чемерицей, или заморить голодом, испытав тягчайшее возмездие за прежнюю ненасытность, связанную с маленьким и кратким удовольствием (Там же, XVIII, 27).

85. Кто боится других, тот раб, хотя он этого и не замечает (Там же, VIII, 14. Слова Антисфена).

86. Стяжатель не может быть хорошим человеком, будь он царём или просто свободным гражданином (Там же, X, 42. Слова Антисфена).

87. Антисфен говорил, что, подобно тому как гетеры желают своим любовникам всяких благ, кроме благоразумия и рассудка, так и льстецы хотят того же от тех, с кем они знают (Там же, XIV, 19).

88. Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами, а не перед трудами (Там же, XXIX, 65. Слова Антисфена).

89. Антисфен на вопрос, как следует обращаться с политикой, ответил: «Как с огнём: не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляться, чтобы не замерзнуть» (Там же, XV, 28).

90. Философ Антисфен говорил, что палачи благочестивее тиранов. Когда его спросили, почему, он ответил: «Палачи убивают преступников, а тираны — невинных людей» (Там же, XIX, 47).

91. Когда кто-то сказал, что война уничтожает бедняков, сократик Антисфен заметил: «Напротив, она их рождает во множестве» (Там же, L, 11).

92. Того, кто тебя опровергает, нужно не опровергать, а научить. Ведь одно безумство нельзя излечить другим безумством (Там же, XXXII, 8. Слова Антисфена).
93. На вопрос, кого следует брать в жены, [Антисфен] ответил: «Та, что всеобщий имеет успех, жена для всех, а та, что без внимания, сплошное наказание» (Диог. Лаэрт., VI, 3; ср.: Там же, IV, 48; V, 11).
94. Увидев однажды прелюбодея, спасавшегося бегством, он крикнул ему: «Несчастный! Какой опасности ты мог бы избежать всего за один обол» (Диог. Лаэрт., VI, 4; ср.: Афиней, XIII, 568).
95. Одному юноше с Понта, который хотел у нею учиться и спросил, что для этого нужно, он ответил: «Новая книжка, новый грифелёк, новая табличка да ум впридачу», — игрой слов подчёркивая значение ума (Диог. Лаэрт., VI, 3; ср.: Там же, II, 118).
96. Когда его попрекали тем, что не оба его родителя свободнорождённые, он сказал: «Но они и не борцы, а вот я — борец» (Там же, VI, 4).
97. Как-то один из знакомых пожаловался ему, что потерял свои ценные записи. На это он заметил: «Нужно было записывать не на табличке, а в сердце» (Там же, 5).
98. Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших (Там же, 5).
99. Как ржавчина съедает железо, так завистников — их собственный нрав (Там же).
100. Когда его однажды хвалили дурные люди, он заметил: «Боюсь, не сделал ли я чего-нибудь дурного» (Там же).
101. Он говорил, что совместная жизнь братьев-единомышленников прочнее всяких стен (Там же, 6).
102. Нужно, учил он, брать с собой в дорогу столько припасов, чтобы они уцелели даже при кораблекрушении (Там же).
103. Когда однажды его упрекнули в том, что он якшается с дурными людьми, он ответил: «И врачи вступают в контакт с больными, но не заражаются» (Там же).
104. «Не чудно ли, — говорил он, — очищать зёрна от плевел, не допускать к бою людей непригодных и в то же время мириться с мошенниками на государственной службе?» (Там же).
105. Когда его спросили, что дает ему философия, он ответил: «Умение оставаться наедине с собой» (Там же).
106. Во время пирушки кто-то предложил ему: «Спой!» — «А ты сыграй мне на флейте», — ответил Антисфен (Там же).

107. Когда Диоген попросил у него хитон, он предложил ему взамен сложить вдвое свой собственный гиматий (Там же).
108. Спрошенный, какая из наук самая важная, он ответил: «Та, которая учит отучаться от зла» (Там же, 7).
109. Тем, кому приходилось слышать о себе клевету, он советовал переносить её мужественнее, чем удары камнями (Там же).
110. Как рассказывает Фаний в сочинении «О сократиках», Антисфен на вопрос, как стать совершенным, ответил: «Научившись у людей знающих избегать пороков, сидящих в тебе» (Там же, 8).
111. Когда кто-то хвалил роскошь, он вознегодовал: «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» (Там же).
112. К юноше, старавшемуся принять перед скульптором позу покрасивее, он обратился со словами: «Скажи-ка мне, если бы бронза вдруг обрела голос, чем бы она, по твоему мнению, стала кичиться?» — «Своей красотой», — последовал ответ. — «Тогда не стыдно ли тебе чваниться тем же, чем и неодушевленный материал?» (Там же, 9).
113. Юноша с Понта обещал обогатить Антисфена, когда придёт его корабль с солёной рыбой. Философ захватил пустой мешок и попросил юношу пойти вместе с ним к торговке хлебом. Там он набил мешок и пошёл прочь. Когда же она потребовала плату, тот сказал: «Вот этот' молодой человек тебе заплатит, когда придёт его корабль с солёной рыбой» (Там же).
114. Кажется, он был причастен к изгнанию Анита и к казни Мелета. Встретившись с юношами, прибывшими с Понта, после того как они наслышались о славе Сократа, Антисфен отвел их к Аниту, сказав в насмешку, что этот человек мудрее Сократа. Как говорят, это вызвало такое негодование среди окружавших Сократа, что они настояли на изгнании Анита (Там же, 9-10).
115. Когда он где-нибудь видел роскошно одетую женщину, то отправлялся к ней домой и просил её мужа вывести коня и показать оружие. Если у него найдётся и то, и другое, то пусть её наряжается, так как этого ему достаточно для защиты. Если же у него ничего такого нет, то пусть заставит её отказаться от украшений и нарядов (Там же, 10).
116. Однажды его посвящали в таинства орфиков, и жрец сказал, что посвящённых в Аиде ожидают всякие блага, на что Антисфен возразил: «Почему же ты не умираешь?» (Там же, 4).
117. На вопрос, о чём человек должен мечтать, он ответил: «О том, чтобы умереть счастливым» (Там же, 5).
118. «Тот, кто хочет быть бессмертным, — говорил он, — должен вести благочестивую и праведную жизнь» (Там же).

119. «Поэтому правильно говорит Антисфен, что тем, кто хочет спастись, нужны или истинные друзья, или заклятые враги; первые образумливают ошибающихся, вторые — своей бранью отвращают их от ошибок» (Плутарх. О пользе, которую можно получить от врагов. — Гуттен, т. 7, с. 277; ср.: Цицерон. О дружбе, XXIV, 90).

120. Но мне помогают известные слова Антисфена. Когда кто-то удивился, что он, идя по рынку, сам несёт солёную рыбу, он ответил: «Но ведь я несу её для самого себя» (Плутарх. Наставления по управлению государством.— Гуттен, т. 12, с. 168).

121. И нет смысла разворачивать другие книги Хрисиппа, чтобы показать, как он борется сам с собой, но и в этих самых он иногда с похвалой упоминает изречение Антисфена о том, что нужно или приобрести разум, или надеть петлю на шею (Плутарх. Опровержение стоиков, XIV. — Гуттен, т. 13, с. 356).

122. Поэтому правильно сказал Антисфен, услышав, что Немений хороший флейтист: «Но человек он скверный, иначе он не был бы таким искусным флейтистом» (Плутарх. Перикл, 1. — Гуттен, т. 1, с. 379).

123. А вот сократик Антисфен, видя, как хвастаются фиванцы своей победой при Левктрах, сказал, что они ничем не отличаются от мальчишек, ликующих оттого, что избили своего наставника (Плутарх. Ликург, 30. — Гуттен, т. 1, с. 142).

124. Тому, кто хочет стать добродетельным человеком, следует укреплять тело гимнастическими упражнениями, а душу — образованием и воспитанием (Извлечения из флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734; ср.: Стобей. Антология, — Майнеке, т. 4, с. 198).

125. Когда какой-то человек спросил Антисфена, чему надо учить сына, он ответил: «Если он собирается общаться с богами, то философии, если же с людьми, то риторике» (Извлечения из Флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734).

120. Этот философ [Антисфен] был человеком хвастливым и заносчивым. Когда какой-то наглец дал ему пощечину, он написал на своём лбу, как на статуе, имя своего обидчика, чтобы ещё хлеще его изобличить (Схолии к Григорию Назианзину у Буассонада).

127. Нельзя считать достоверными слова Антисфена, который родился в Аттике, о том, что, отправляясь из Афин в Лакедемон, ты переходишь как бы из женской половины дома в мужскую (Феон. Прогимнасы, 5, 45: ср.: Диог. Лаэрт., VI, 59).

128. Как говорили, [он был) незаконнорождённый. С этим связан его ответ на чью-то насмешку: «И мать богов — фригиянка» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

129. И сам Антисфен с презрением говорил об афинянах, кичившихся своим происхождением, что они ничуть не благороднее улиток или кузнечиков (Там же).

Декламации[85]

Аякс

1 Я хотел бы, чтобы нас судили те, кто участвовал в сражениях. Я понимаю, что мне следовало бы молчать, но зато вот этот не знает устали в речах. Ныне тех, кто всё это сам пережил, здесь нет. Вы же собираетесь судить, сути дела не ведая. Какая же справедливость может восторжествовать, когда судьи фактов не знают, а только слушают речи?

2 А дело родилось из деяния. Итак, тело Ахилла спас и унес я, а он — доспехи, понимая, что троянцы будут скорее пытаться захватить тело погибшего героя, чем его доспехи. Если бы они овладели трупом, то надругались бы над ним, отомстив за Гектора. Что же касается доспехов, то они не стали бы посвящать их богам, а спрятали подальше.

3 Опасаюсь этого доблестного мужа, который уже раньше однажды ночью святотатственно похитил у них из храма статую богини и показал её ахейцам, словно свершив достославный подвиг. Я хочу получить оружие Ахилла, чтобы отдать его друзьям, а он — чтобы продать, ибо воспользоваться им, пожалуй, не посмеют. Ведь ни один трус не станет сражаться прославленным оружием, потому что понимает, что трусость его выдаст само оружие.

4 Дело обстоит примерно так: цари, командовавшие сражением, охотно предоставили другим право выносить решение о доблести, а вы, ничего не зная, обещаете вершить суд по поводу того, чего не знаете. По моему же мнению, ни один царь, действительно способный судить о доблести, не поручил бы этого дела другим, подобно тому как опытный врач никогда не доверил бы другому поставить больному диагноз.

5 Если бы у меня возник спор с человеком, похожим на меня, то проигрыш дела для меня ничего бы не значил. Но теперь нет двух людей, которые бы больше отличались друг от друга. Ведь этот ничего не делает явно, я же ничего бы не посмел сделать тайно. Я бы не вынес ни малейшего оскорбления или насилия, а этот разрешил бы себя даже повесить, лишь бы получить какую-нибудь выгоду.

6 Это он позволил рабам нанести ему удары бичом, бить палками по спине и кулаками по лицу, а потом, обрядившись в лохмотья, ночью проник во вражеский город и, ограбив храм, улизнул. И это он вновь согласится делать, да и других, пожалуй, станет убеждать, говоря, как прекрасно всё было сделано. После всего сказанного этот негодяй и святотатец хочет получить доспехи Ахилла?!

7 Слушайте мое слово вы, ничего не знающие судьи: когда вы выносите свой приговор, больше внимания обращайтесь на дела, а не на слова. Ведь и исход войны решается не словом, а делом. И с врагами нужно не состязаться в речах, а или побеждать сражаясь, или покоряться молча. Старайтесь судить хорошо, и тогда вы узнаете, что слово по сравнению с фактами не имеет никакой силы и но из-за недостатка фактов говорятся долгие и многословные речи, а пользу принесёт вам не тот, кто речист.

8 В противном случае говорите, что не понимаете того, что говорят, а уходите или же судите по справедливости. Обо всём этом нужно говорить громко, а не шепотком, чтобы вы

знали, что и тем, кто судит, если они поступают несправедливо, воздаётся по справедливости. Потом, может быть, вы поймёте, что заседаете здесь не как арбитры речей, а как люди, имеющие убеждения.

9 Я предоставляю вам право решать относительно меня и моего дела, но обо всём — запрещаю, особенно относительно человека, который прибыл под Троию не добровольно, а против своей воли[86], да и обо мне, который всегда впереди один и сражается не под защитой стен.

Одиссей

1 Не к одному тебе только обращена моя речь, ради которой я поднялся, но и ко всем остальным. Ведь для нашего войска я сделал больше, чем все вы, вместе взятые. Об этом я сказал бы даже при жизни Ахилла, а сейчас говорю это вам после его смерти. Нет ни одной битвы, в которой я не сражался бы вместе с вами, но никто из вас не разделял со мной всех моих опасностей, никто. Но в общих сражениях, даже если бы вы и нехрабро сражались, ничего страшного не случилось бы.

2 Если я благополучно выбирался из опасностей, которые выпали на долю только мне, всё это шло на пользу тому делу, ради которого мы сюда прибыли; если бы мне пришлось плохо, вы лишились бы в моём лице единственного в своём роде мужа. Мы пришли сюда не для того, чтобы воевать с троянцами, а чтобы вернуть Елену и взять Троию.

3 Всё это было целью моих испытаний. Ведь когда было получено предсказание, что Троию нельзя одолеть, пока мы, похитив, не завладеем статуей богини[87], кто доставил её сюда, как не я? А ты меня обвиняешь в святотатстве. Ты-то ничего не видишь и называешь нечестивым грабителем человека, который отвоевал статую богини, а не ограбившего нас Александра.

4 Вы все горячо желаете взять Троию, а меня, придумавшего, как это сделать, ты обзываешь негодяем. Но если прекрасно взять Иллион, то и прекрасно найти путь для этого. Все остальные благодарны мне, а ты поносишь меня. Из-за своего невежества ты даже не представляешь себе, чьими услугами пользовался, но я не браню тебя за твоё невежество. И ты помимо своей воли испытал это, да и все другие.

5 Направленной против меня бранью ты не можешь никого убедить, что спас [тело Ахилла], поэтому и грозишься причинить зло судьям, если они присудят доспехи мне. Я-то знаю, что ты будешь грозить часто и многими карами, прежде чем сделать хоть самую малость. Но если следует судить на основании подобных речей, то, как я думаю, ты сам из-за своего злобного гнева причинил себе зло.

6 А меня ты упрекаешь в трусости за то, что я врагам причинил зло. Но из-за того, что ты явно немало потрудился и напрасно обнаружил свое безрассудство, и при том делал это вместе со всеми, ты полагаешь, что лучше меня. И ты смеешь говорить мне о доблести. Но, во-первых, ты не знаешь, как нужно было сражаться. Как дикий кабан, ослеплённый гневом, бросившись на кого-нибудь, ты когда-нибудь, пожалуй, убьёшь самого себя. Разве ты не

знаешь, что благоразумный муж не должен страдать ни от самою себя, ни от другого, ни от врагов?

7 Ты же, словно ребенок, радуешься, когда они называют тебя отважным. А я говорю, что ты самый трусливый из всех и больше всего боишься смерти, так как у тебя прежде всего доспехи крепки и неуязвимы, благодаря которым, как говорят, ты и сам невредим. Что смог бы ты сделать, если бы на тебя напал враг, обладающий таким же оружием? Может быть, произошло бы что-нибудь чудесное и удивительное, хотя никто из вас ничего не мог бы сделать. После этого ты думаешь, что есть какая-нибудь разница между тем, чтобы иметь такое оружие, или сидеть за крепостными стенами? А ты утверждаешь, что лишь у тебя нет стен. Но только ты один, защищая себя, как бы стоишь за стеной из семи бычьих шкур.

8 Я же без оружия не то что подхожу к вражеским стенам, но даже вхожу внутрь стен и поражаю передовые посты врагов, хотя они и поднимаются по тревоге, их же оружием. Я полководец и страж твой, как и всех остальных. Я знаю всё, что делается здесь и у врагов, не посылая другого в разведку, но сам иду и смотрю, как кормчие, которые день и ночь следят за тем, чтобы моряки были живы и невредимы. Так и я охраню и себя, и всех остальных. Нет такой опасности, которой бы я сторонился, считая её позорной, в которой бы я промедлил нанести врагу хоть какой-нибудь урон.

9 Даже если бы за мной наблюдали люди, то и тогда я не стал бы гоняться за славой. Но в личине раба, нищего или негодяя, достойного плетей, я старался наносить вред врагам. Пытался бы и тогда, когда никто не увидел бы. Ведь война не любит показных дел, а всегда требует подвигов — ночью и днём. Я не располагаю доспехами, в которых мог бы вызвать врагов на бой, но всегда готов выйти на бой с одним или многими с каким угодно оружием.

10 И когда битва утомляет меня, я не передаю оружие другим, как ты, но и ночью, когда враги отдыхают, я нападаю на них, имея такое оружие, которое нанесёт им самый большой урон. Меня никогда не останавливала даже ночь, как нередко тебя, и ты радовался, что вместе с ней прекращалось побоище. Но в то же самое время, когда ты храпишь, я спасаю тебя и всегда хоть чем-нибудь наношу вред врагам, имея вот это рабское оружие, одетый в лохмотья, со следами ударов бичом, благодаря которым ты спишь в безопасности.

11 Ты думаешь, что очень храбр, раз добыл труп? Если бы ты не сумел этого сделать, его унесли бы ещё двое. После чего и они могли, пожалуй, затеять с нами спор о доблести, но я бы и им сказал то же самое. А что бы ты сказал, споря с ними? Но о двух, пожалуй, ты не заботился, а перед одним постеснялся бы признаться, что трусливее его. Разве тебе не известно, что троянцы заботились не о захвате трупа, а о том, чтобы овладеть доспехами?

12 Тело они собирались отдать, а доспехи положить в храм и посвятить богам. Ведь позорно не отдавать останки для погребения, а уносить погибших с поля боя — не позор. Итак, ты сделал то, что было выполнимо, а я избавил их от проклятий.

13 Ты болен завистью и невежеством — бедами, наиболее противоположными друг другу. Первая — заставляет тебя стремиться к прекрасному, вторая — отвращает от него. В тебе есть что-то человеческое, поэтому, будучи сильным, ты думаешь, что отважен, но не

знаешь, что мудрость и отвага на войне — не одно и то же, а невежество для тех, кто им страдает, — величайшее зло.

14 Я думаю, что если когда-нибудь на свете появится мудрый поэт, то он изобразит меня многострадальным, многоумным, многохитростным разрушителем городов и единственным покорителем Трои, а тебя, как мне думается, уподобит медлительным по природе ослам и быкам и другим стадным животным, которые позволяют спутывать себя и надевать на себя ярмо.

Дополнения

Свидетельства о сочинениях

4. Веды и Феопомп Хиосский[88] в трактате, направленном против Платона, пишет: «Многие из его диалогов, возможно, кто-нибудь сочтет бесполезными и лживыми, но большинство сочинений не принадлежит ему: автор одних — Аристипп, других — Антисфен, много в действительности написано Брисоном из Гераклеи» (Феопомп у Афиная, XI, 508cd).

5. Как полагает Панетий, все сократические диалоги Платона, Ксенофонта, Антисфена и Эсхина подлинны (Панетий у Диог. Лаэрт., II, 64).

6. По утверждению Персея, большинство из семи [диалогов Эсхина] принадлежит эретрейцу Пасифонту, который включил их в сочинения Эсхина. Более того, Эсхин использовал также «Малого Кира», «Меньшего Геракла» и «Алкивиада» Антисфена, как и диалоги других авторов (Персей у Диог. Лаэрт., II, 61).

8А. Если же сократик; Антисфен кое-что разъясняет при помощи мифов, то это не должно вводить тебя в заблуждение. На этом подробнее я остановлюсь немного позднее (Юлиан. Речи, VII, 209а).

8С. Платон, рассуждая о природе богов, придумал множество мифов о том, что происходит в Аиде, а ещё до него это делали эпические поэты; Антисфен, Ксенофонт да и сам Платон, даже разрабатывая некоторые чисто этические проблемы, не походя, а заботливо и с подробностями сочиняют мифы, которым тебе, если бы ты хотел, следовало подражать, заменив Геракла Персеем или каким-нибудь Тезеем, и придать всему антисфеновский характер... (Там же, 216—217а).

9. К тому, что сказано о древней жизни, мне остается добавить всего несколько слов о языке Фукидида, свойственного людям того далёкого времени: из многих риториков и философов, живших в Афинах после Пелопоннесской войны, уже никто не пользовался этим языком: ни ораторы из окружения Андокида, Антифонта или Лисия, ни последователи Сократа из окружения Крития, Антисфена и Ксенофонта (Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде, 51, 941).

11. Среди софистов [искусство слова] не вызывает презрения и пользуется большим вниманием даже у тех из них, кто занимался философией. Так, и Платон, и Ксенофонт, и

Эсхин, и Антисфен серьёзно работали над словом и добивались совершенства (Лонгин. Риторическое искусство. — Прикард, с. 559).

Из установленных произведений

21А. Персидский царь Кир на вопрос, какая наука самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (Арсений. Виолярый.— Вальц, с. 502).

21В. Он же [Антисфен], будучи спрошенным, какая из наук самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (Стобей. Антолог., II, 31, 34).

24С. Здесь, кажется, был Хирон, живший на Пелионе; он превосходил всех людей справедливостью и даже учил Асклепия и Ахилла. К нему пришёл Геракл, по-видимому охваченный любовью; вместе с Хироном в его пещере они принесли жертвы Пану. Геракл не убил Кентавра, но повиновался ему[89]. Так рассказывает сократик Антисфен. [Из «Геракла»] (Латинский аноним, II. — Маас, с. 264).

27. Если вы в самом деле хотите узнать, что разумность, есть нечто возвышенное, то я призыву в свидетели не Платона с Аристотелем, но мудрого Антисфена, который прошёл этот путь познания. Так, он говорил: «Прометей обращался к Гераклу: „Твой образ действий вызывает одно презрение, ибо ты занят мирскими делами, а о более важном не заботишься. Тебя нельзя считать совершенным мужем до тех пор, пока ты не познал то, что выше людей. Лишь познав это, ты постигнешь также человеческую сущность. Познав же только земное, ты будешь бродить вслепую, как дикие звери“». Тот, чьи интересы связаны лишь с земными благами и чей ум ограничен этими зыбкими и узкими ценностями, не является мудрецом, как полагает Антисфен, но уподобляется тому животному, которое черпает удовольствие, копаясь в грязи [Из «Геракла»] (Фемистий. О добродетели (перевод с сирийской Гильдмейстера—Бюхелера. — Рейнский Музей, 1872, т. 27, с. 450 сл.).

28. Он же [Антисфен], увидев картину, изображающую, как Ахилл прислуживает кентавру Хирону, заметил: «Молодец, Ахилл! Ты правильно сделал, что ради образования не отказался даже прислуживать» [Из «Геракла»] (Ватик. гномолог., II).

39А. У Антисфена в «Физике» читаем: «Согласно мнениям людей, существует множество богов, по природе же — один» (Филодем. О благочестии, 7).

40С. Сократик Антисфен перефразировал пророческие слова Писания. «Кому вы меня уподобили?» — говорит Господь. «Бог, — сказал он, — ни на кого не похож, поэтому-то никто не может узнать его по изображению» [Из «Физика»] (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 35).

Из неустановленных произведений

44В. (Поэтому имеет некоторое основание затруднение (aporía), которое привело в смятение Антисфена и других, столь же несведущих людей). Нужно иметь ещё в виду решение этой апории на основании ранее сказанного, с тем чтобы понять указанное место: «Поэтому имеет основание затруднение, которое смутило антисфеновцев, а решение вытекало из

сказанного». Уже было разъяснено, что одни части имеют значение формы, а другие — материи. Именно это разъяснение и позволит разрешить апорию антисфеновцев, которая, по их мнению, заключается в том, что нельзя дать определения и не существует определения чего-либо. Это они доказывают следующим образом.

Так как определение не может быть именем (*ονομα*), а должно состоять из многих имён (это называлось «многословием»; определением можно, например, считать следующее «многословие»: существо разумное, смертное, имеющее ум и знания, а не просто наименование «человек»), а так как имя не может играть роль определения, поэтому невозможно и определять. Они говорят: когда мы произносим «существо разумное», то этим самым мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы, «существо» относится к материи, а «мыслящее, разумное» — к форме. К этому прибавляется ещё «смертное». Если это так, то мы рассматриваем сложное как результат арифметического сложения. Говоря «существо разумное» и прибавляя к этому ещё «смертное», определения мы всё же не даем. Аристотель говорит, что эта апория разрешается, исходя из уже сказанного.

Ведь было доказано, что «существо пешее, на двух ногах» есть части формы, а не материи. Как же можно утверждать, что «существо» — это материя, а «разумное» — форма или «существо разумное» — материя, а «существо смертное» — форма? Ведь если части материи — «существо», «смертное», «разумное», то следовало так и сказать, что «существо» и «разумное» — материя, а «смертное» — форма, а говоря «существо смертное», мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы. А когда нет относящегося к материи, то говорят не сложное, а называют части формы, поэтому определение существует. Итак, они утверждают, что нельзя дать определения, но, каков человек или бык, можно объяснить, а определить нельзя. Так, например, что такое серебро, определить нельзя, а каково оно, сказать можно. Так, на вопрос, каково серебро, можно ответить, что оно похоже на олово.

Таким образом, как они утверждают, можно дать определение лишь сложной сущности, состоящей из материи и формы, а определения формы или материи, из которых состоят сложные сущности, дать нельзя. Утверждая, что можно дать определение сложной сущности, он присовокуплял: всё равно, «воспринимается ли она чувствами или постигается разумом». Но ведь ясно, что сложные сущности воспринимаются чувствами; очевидно, что существуют также умопостигаемые сложные сущности: математика состоит из материн и формы. Не из желания изложить своё мнение назвал он математику сущностью, но, возможно, он так её назвал на основании рассуждений последователей Антисфена.

Итак, по их мнению, можно дать определение сложной сущности независимо от того, воспринимается ли она чувствами или постигается умом (как, например, «существо разумное»), а элементов, из которых она состоит, определить нельзя; определение же вообще на что-то указывает, причём одна часть является формой, а другая — материей ([Александр Афродисийский] Комментарий к «Метафизике», 1043b23, р. 553, 29).

47С. Тезис есть предположение философски мыслящего человека, противоречащее общепринятому, как, например, предположение Антисфена, что невозможно противоречить

(Аристотель. Топика, 104b20).

50В. Но известнее и заслуживает больше нашего внимания категория качества, чем качества[90], даже если некоторые отказываются от неё, будто последней вовсе не существует; качество же никто не может устранить, хотя, как утверждает Антисфен, лошадь он видит, а лошадности не видит. Первое он воспринимает глазами, а второе постигается лишь разумом, причём первое является причиной второго, оно как бы предшествует ему, второе же является следствием первого; первое — это тело и притом сложное, второе — бестелесное и простое (Симпликий. Комментарий к «Категориям» Аристотеля, 8b25, р. 211, 15).

53. («И в землю / Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов») Антисфен говорит, что только Полифем несправедлив, ибо по существу презирает Зевса. Остальные же циклопы там справедливы, потому земля приносит им свои плоды сама. Не обрабатывать её, стало быть, вполне справедливое дело (Порфирий. Схолии к «Одиссее», IX, 106).

58. Зенон ни в чём не упрекает Гомера, объясняя и поучая одновременно, что одно написано поэтом в согласии с мнением людей, а другое — в соответствии с истиной. Поэтому не должно казаться, что он сам себе противоречит там, где есть видимость противоречия. Такой взгляд ещё до Зенона высказал Антисфен, утверждая, что одно поэтом сказано в согласии с мнением, другое — с истиной. Но если эта теория у Антисфена ещё не разработана в подробностях, то у Зенона всё детально разъяснено (Дион Хрис. Речи, III, 5).

68. Он же [Антисфен] утверждал, что невежественные люди похожи на бодрствующих в состоянии сна (Ватик. гномолог., 3).

78. Не замечай ошибки старца: старое дерево бесполезно пересаживать (Антоний. Беседы, XXXIII, 172).

83. Дурные люди от лести становятся ещё хуже (Там же).

84В. Антисфен говорил, что лучше отправиться «к воронам», чем к лъстецам. Вороны пожирают мертвецов, а лъстецы — живых (Стойей. Антолог., III, 14, 17).

86. Он же (Антисфен) говорил: добродетель не нуждается в многословии, в нём нуждается зло (Ватик. гномолог., 12).

87. Невежда много болтает, не зная меры в словах (Цецилий Бальб, XVII, 2. — Вёльфлин, с. 29).

90. Антисфен... сказал, что не следует подражать чужим порокам [или завидовать позорным поступкам другого]. Городские стены могут не устоять перед предательством, а стены души незыблемы и прочны (Епифаний. Против еретиков, III, 26. — Дильс. Доксографы, с. 591).

96. Антисфен говорил, что трудности похожи на собак: они кусают лишь тех, кто к ним не привык (Ватик. гномолог., 1).

99. Правильно говорил Антисфен, что врагам следует желать всяческого добра, кроме мужества. Это признак силы, а не слабости (Плутарх. О мужестве Александра Великого, 336а).

102. Он [Антисфен] говорил, что государством должен править мудрец (Августин. О граде Божьем, XVIII, 41).

105. Опасно давать безумцу в руки меч, а негодяю — власть (Максим. Беседы, 9, 561).

106. Что же, в конце концов, ни Сократ, который умел примирить одно с другим и, кажется, был способен примирить отдельного человека с толпой, ни Антисфен, ни Зенон, ни Клеанф, ни Хрисипп и никто иной не смогли добиться таких успехов? (Филодем. Риторика. — Зудхаус, с. 223, 12 сл.).

109В. Тогда, как говорят, Антисфен, ученик Сократа и учитель Диогена, более всего ценил благоразумие и, испытывая отвращение к наслаждениям, сказал: «Если бы я встретил Афродиту, то пронзил бы её стрелой за то, что она погубила столько наших прекрасных и добродетельных женщин». Любовь он называл пороком природы, тогда как несчастные людишки именуют эту болезнь богиней. Поэтому он предпочитал скорее сойти с ума, чем предаваться любви (Феодорет. Излечение греческих страстей, III, 53).

111А. Таким образом, сократики придерживались разных мнений о цели философии. Их взгляды настолько расходились (просто невероятно, как это могло случиться с учениками одного и того же учителя!), что одни, как Аристипп, объявляли высшим благом удовольствие, а другие, как Антисфен, — добродетель (Августин. О граде Божьем, VIII, 3).

116. Сократик Антисфен писал, что не следует отказываться от так называемого прелюбодеяния (Климент. Гомилии, V, 18, 147).

120. После этого Сократ сказал:

— Итак, теперь, пожалуй, нам остается порассуждать о том, что каждый считает наиболее ценным.

— Не хотите ли выслушать меня первым? — спросил Каллий. — Тогда как вы, насколько я понимаю, затрудняетесь ответить на вопрос, что такое справедливость, я в это время делаю людей справедливее.

— Каким же это образом, дорогой? — спросил Сократ.

— Я просто снабжаю их деньгами, клянусь Зевсом.

Тут встал Антисфен и с издевкой спросил:

— Скажи, Каллий, где по-твоему люди хранят справедливость — в душе или в кошельке?

— В душе, разумеется, — ответил Каллий.

— А ты, значит, положив деньги в кошелёк, делаешь души более справедливыми?

— Безусловно!

— Каким же это образом?

— Зная, что у них есть средства для приобретения всего жизненно необходимого, люди не хотят идти на преступления и подвергать себя опасности.

— Ну, а возвращают ли они тебе то, что берут? — спросил Антисфен.

— Конечно, нет, клянусь Зевсом.

— Может быть, всё-таки платят благодарностью?

— Нет, клянусь Зевсом, даже благодарности не получаю. Более того. Некоторые становятся даже враждебнее, чем были до этого.

— Поразительно! — воскликнул Антисфен, насмешливо глядя на него. — Всех ты делаешь справедливее по отношению к другим, а к себе — нет.

— Что же в этом удивительного? Мало ли ты видел плотников и строителей, которые строят дома для многих других, а для себя ничего не могут построить и живут, снимая квартиры? Угомонись же, наконец, мудрец-обличитель!

— Клянусь Зевсом, — вмешался тут Сократ, — он должен с этим примириться. И прорицатели, говорят, предсказывают другим судьбу, а что их самих ожидает, не предвидят (Ксенофонт. Пир, IV, 1—5).

Биографические заметки

122В. Афинянин... сын отца, носившего то же имя Антисфен, мать — фракиянка родом (Суда, под словом «Антисфен»).

122С. Антисфена упрекали за то, что у него мать фракиянка, варварского рода. На что он отвечал, что и мать богов Идэя[91] родом оттуда же (Сенека. О твердости духа мудреца, 18, 5).

122D. Антисфен был афинским гражданином, а мать происходила из Фракии, сначала он был последователем Сократа, затем стал киником (Епифаний. Против еретиков, III, 26).

124. Кто-то сказал ему [Сократу], что у Антисфена мать фракиянка. Тогда он заметил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от двух полноправных афинских граждан?»[92] (Диог. Лаэрт., II, 31).

128С. Он же [Антисфен] научился сначала риторике, затем примкнул к Сократу. Встретив однажды друзей, сказал им: «Раньше все вы были моими учениками, а теперь, если

окажетесь благоразумными, станет моими соучениками» (Ватик. гномолог., 4).

129. Этот киник-собака [Антисфен] многим обязан Сократу (Афиней, V, 216b).

130A. После того как Антисфен учился у Сократа, он стал киником (Климент Алекс. Строматы, 1, 14, 63, 4).

130B. Затем он стал киником (Суда. Под словом «Антисфен»),

131. Сократ, как я думаю, считал, что философия Эсхина, и Антисфена принесла Афинскому государству мало пользы (Максим Тирский, 1, 9, e).

131A. Э х е к р а т. Кто же там был, Федон? Ф е д о н. Известный тебе Аполлодор из местных жителей, а также Критобул... и Антисфен[93] (Платон. Федон, 59B).

132B. Что за молодые люди появились в тюрьме? Аполлодор, Критон, Федон, Симмий, Кебет, а также Гермоген, Эпиген, Антисфен, Эсхин, пожилые люди, участники собеседований Сократа (Либаний. Апология Сократа, V, 23).

134A. В этике существует десять школ... Основателем древней академической был Платон... кинической — афинянин Антисфен (Диог. Лаэрт. Вступление, 19).

134B. Сначала от самого Платона пошли Аристотель и Ксенократ... затем от Антисфена, который более всего восхищался в беседах Сократа проповедью терпения и твёрдости, пошли в первую очередь киники... (Цицерон. Об ораторе, III, 17).

136B. Он был создателем кинической философии, которая получила своё название благодаря тому, что Антисфен учил в гимназии Киносарг[94] (Суда. Под словом «Антисфен»),

136C. (В связи с тем, что в то время, как говорят, насчитывалось семь философских школ)... или по образу жизни, как, например, киническая школа, во главе которой стоял Антисфен (Иоанн Филопон. Введение в Категории, р. 2, 4).

136D. Я думаю, что из множества сократиков нет никого хуже [и слабее], чем Антисфен, который ввёл в жизненную практику киническую философию. Его сторонником и подражателем стал Диоген ([Гален] История филос., 3).

137. Теперь основоположника этой философии, к которому прежде всего можно возвести её идеи, нелегко установить, хотя некоторые полагают, что для этой роли подходит и Антисфен, и Диоген. Кроме того, Эномай, кажется, не считает абсурдным утверждение, что кинизм не представляет собой ни антисфенизм, ни диогенизм. Ведь наиболее благородные из киников говорят, что сам великий Геракл, являвший нам примеры всяческих добродетелей, оставил также людям величайший образец и этой (кинической. — Я. Я.) жизни (Эномай у Юлиана, речь VI, 187c).

138В. Антисфен многих призывал заниматься философией, но люди не обращали на его слова никакого внимания. Тогда, охваченный негодованием, он перестал вообще допускать к себе учеников. Не был исключением и Диоген, но тот проявил настойчивость и упорство, притом такое, что Антисфен стал грозить ему палкой и однажды даже ударил палкой по голове, но Диоген не только не изменил своего намерения, но ещё с большим упорством стал добиваться своего — столь велико было желание слушать поучения Антисфена. «Можешь меня поколотить, если тебе угодно, — сказал он, — я снова подставлю свою голову под твои удары, но ты, пожалуй, не найдёшь такой крепкой дубины, чтобы прогнать меня и не дать слушать твои речи». Тогда Антисфен проникся к нему исключительным расположением (Элиан. Пёстр, ист., X, 16).

138С. Антисфен не допускал к себе учеников, а настойчивости Диогена преодолеть не мог, даже угрожая ему палкой. Рассказывают, что Диоген склонил перед ним голову и сказал: «На свете нет такой палки, которая могла бы меня от тебя отвадить» (Иероним. Против Иовиниана, II, 14, 345).

138D. Диоген-киник стал учеником Антисфена (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XV, 13, 7).

138Е. Он стал учителем Диогена-собаки и других киников (Суда. Под словом «Антисфен»),

138F. (Этот киник Диоген...) После того как у него было конфисковано имущество, он стал изгнанником и прибыл в Афины, где подружился с Антисфеном и был вместе с ним до конца его жизни (Схолии к «Продаже жизней», 7, Лукиана).

140. В это время жили люди, заслуживающие внимания благодаря их образованности... Аристипп и Антисфен (Диодор Сицилийский, XV, 76. — Олимп. 103, 3—4; 366—365 гг.).

143. Рассказывают, когда Антисфен заболел долгой и неизлечимой болезнью, Диоген протянул ему кинжал со словами: «Возьми, если нуждаешься в услуге друга...» (Юлиан, Речи, VI, 181b).

144. ...Одни [философы] погибли от яда, как Сократ, другие были сожжены заживо, как Гераклит Эфесский, третьи — зачахли, как Антисфен (Сх. к «Параситу», 57, Лукиана).

Анекдоты

146. Он же [Антисфен] в ответ на чью-то брань и упреки, что он неполноправный афинянин, заметил: «Ведь никто не видел коринфского или аттического льва, но зверь от этого не становится ничуть не менее благородным» (Ватик. гномолог., 10).

148А. Увидев, что Антисфен постоянно выставляет напоказ дыры на своём плаще, Сократ заметил: «Может быть, ты перестанешь красоваться перед нами?» (Элиан. Пёстр, ист., IX, 35).

148В. Антисфен повернулся так, чтобы были видны дыры на его плаще. Тогда [Сократ] сказал: «Через дыры плаща просвечивает твоё тщеславие» (Диог. Лаэрт., II, 36; ср.: Там же,

VI, 8).

153. Когда Платон в своей школе однажды о чём-то долго рассуждал, Антисфен заметил: «Не оратор является мерой слушателя, а слушатель мерой оратора» (Ватик. гномолог., 13).

155. [Аристипп] всегда высмеивал Антисфена за его угрюмый вид (Суда. Под словом «Аристипп»).

156. Он же [Антисфен] на горестные сетования Дионисия, что он смертен, заметил: «Но ведь ты же сам, когда превратишься в глубокого старика, будешь огорчаться, что всё ещё жив» (Ватик. гномолог., 5).

160. ... [Парменид] доказывал, что сущее неподвижно. Не будучи в состоянии опровергнуть это словами, киник Антисфен поднялся и начал ходить взад-вперёд, считая, что гораздо убедительнее доказывать делом, чем возражать на словах (Элий. Комментар. к «Категориям», 220b40, р. 109, 18 сл.).

161. Таковы нищенствующие жрецы, собирающие подаяния для богини Кибелы. Похоже, что это им, просящим милостыню, Антисфен сказал: «Я не хочу кормить мать богов, которую кормят боги» (Климент Алекс. Протрептик, VII, 75, 3).

167. Видя, что во время правления Тридцати[95] гибнут наиболее известные граждане и тираны особенно преследуют самых богатых, Сократ, как говорят, повстречав Антисфена, сказал ему: «Ты, надеюсь, не раскаиваешься, что в жизни мы не стали столь прославленными и почитаемыми, как цари, которых выводят в трагедиях, все эти Атреи, Фиесты, Агамемноны, Эгисфы? Все они погибают от мечей, страдают сверх всякой меры и на глазах у всех участвуют в ужасающих трапезах[96]. Но ещё не явился на свет столь дерзкий и бесстыдный сочинитель, который представил бы участников хора, закалываемых на глазах у зрителей» (Элиан. Пёстр, ист., II, 11).

172. Философ Антисфен, один из последователей Сократа, на чей-то вопрос, какой венок он считает самым красивым и почётным, ответил: «Тот, который мы получаем в результате воспитания и образования» (Стобей. Антолог., II, 31, 33).

178В. Он же [Антисфен], наслушавшись похвал от дурных людей, сказал: «Меня тревожит мысль, не совершил ли я какой-нибудь дурной поступок, ибо я им понравился» (Ватикан. гномолог., 9).

192. Рассказывают, что и Антисфен любил одного юношу. Какие-то люди, желая завлечь молодого человека на пир, поставили на стол блюда с вкусной рыбой. Потом кто-то сказал Антисфену: «Даже у счастливых есть соперники в любви». — «Конечно, — ответил философ. — Я ведь не владыке, морской. Если кто-нибудь чего-то домогается, я от этого отказываюсь» (Собрание папирусов, II, 113. — Компаротти — Вителли, кол. II, 26).

194. Хрия... опровергающая. Кинический философ Антисфен мыл какие-то овощи. Заметив киренского философа Аристиппа[97], входящего вместе с сицилийским тираном Дионисием, сказал: «Аристипп, если бы ты довольствовался такой пищей, как я, то тебе не пришлось бы

следовать по пятам за тираном». На что Аристипп возразил: «А если бы ты мог запросто беседовать с тираном, то не довольствовался бы такой пищей» (Латинская грамматика, VI (О Хрии). — Кейль, 1879, с. 273, 15).

Диоген Синопский

Фрагменты диатриб

1. Всякие несчастья, когда их ожидают, всегда кажутся страшнее, чем огорчения, испытываемые от их действительного прихода. Страх столь велик, что многие спешат навстречу тому, чего боятся. Так, настигнутые бурей, не дожидаются, пока корабль пойдёт ко дну, а ещё до этого кончают жизнь самоубийством (Стобей. Антолог., VIII, 15).

2. Итак, справедливость даёт душе несравненный покой. Жить, никого не боясь, никого не стыдясь, — это доставляет радость и делает жизнь полной. Тот, у кого справедливость в душе, не только многим приносит пользу, но больше всего самому себе, ибо не сделает даже попытки нанести себе хоть какое-нибудь оскорбление. Он не причинит себе ни горя, ни болезни, но, считая природные органы чувств божественными, будет пользоваться ими разумно, ничего не делая сверх своих сил, оберегать их и благодаря этому получать удовольствия и пользу. Кто разумно станет обходиться сам с собой, тот будет черпать удовольствия и в слухе, и в зрении, и в пище, и в любви. А тому, кто неразумно пользуется собой, грозят опасности, связанные с вещами более значительными и крайне необходимыми. Разве ты не видел людей, у которых душа не знает покоя ни днём, ни ночью, из-за чего они, словно безумные, бросаются в море и реки? (Там же, IX, 49).

3. Люди, незнакомые со вкусом понтийского мёда, стремятся его попробовать, но стоит им лишь взять немного на язык, как они тотчас же выплёвывают его, к своему огорчению найдя мёд горьким и невкусным. Так некоторые из любопытства хотели поближе познакомиться с Диогеном, но, когда он начинал их обличать, они сразу же обращались в бегство. Они радовались, когда он бранил других, но сами боялись этого и убегали подальше. Когда Диоген по своему обыкновению шутил и высмеивал других, они забавлялись сверх всякой меры, но его свободную речь, полную серьёзного смысла и угроз, не выносили (Там же, XIII, 18).

4. Сравнивая Антисфена с его речами, он иногда упрекал его самого за излишнюю мягкость и, бранясь, называл трубой, потому что она, хотя и очень громко играет, но себя не слышит. Антисфен же в свою защиту говорил, что похож не на трубу, а на осу, которая жужжит крылышками негромко, зато жалит очень чувствительно. Его восхищала свобода речи Диогена (Там же, 19; ср. выше: Антисфен. фргм. 80).

5. Счастливым людям жизнь кажется лучше и потому смерть — тягостней, а те, кто живёт в беде, жизнь переносят тяжелее, зато смерть принимают легче. А для тиранов и жизнь, и смерть тяжелее, чем для остальных, потому что живут они гораздо хуже тех, кто страстно стремится умереть, а смерти боятся так, как те, кто живёт самой приятной жизнью (Стобей. Антолог., XIX, 27).

Гномы и апофтегмы, собранные из разных источников

6. Когда его кто-то спросил, каким образом человек может стать самостоятельным, он ответил: «Если он прежде всего станет упрекать себя в том, в чём порицает других» (Стобей. Антолог., I, 32).
7. Кто-то его бранил за то, что он посещает подозрительные места. На это он заметил: «И солнце туда заглядывает, но не оскверняется» (Антоний и Максим. Рассужд. о жизненных добродетелях и пороках, с. 35).
8. Однажды среди бела дня он зажёл фонарь и стал бродить повсюду. Его спрашивали, зачем. Он ответил: «Человека ищущий» (Антоний и Максим. Рассужд. о том, что хитрить нетрудно, с. 39).
9. Однажды Диоген поучал какого-то злодея. Спрошенный кем-то, зачем он это делает, Диоген ответил: «Пытаюсь отмыть эфиопа, чтобы сделать его белым» (Антоний и Максим. Рассужд. о дурных людях, с. 64).
10. Врачи смягчают горечь прописанных ими лекарств мёдом, а мудрые люди общение с угрюмцами — весёлой шуткой (Там же).
11. Какой-то человек назвал Диогена безумцем. Тогда он сказал: «Я не сумасшедший, но ум у меня не такой, как у вас» (Стобей. Антолог., III, 62).
12. Диоген был выставлен на продажу в Коринфе, а глашатай спросил его, что он умеет делать. Последовал ответ: «Править людьми». Глашатай засмеялся: «Продаю очень полезную для жизни вещь, если хочет кто купить себе господина» (Там же, 63; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 29).
13. Когда он гулял по портику не в том направлении, как все, это вызвало кое у кого смех. «Не стыдно вам, — сказал он, — идти вспять по жизненному пути и в то же время порицать меня за выбранное направление во время прогулки?» (Стобей. Антолог., IV, 84).
14. Диоген говорил, что люди добывают необходимое им для жизни, а то, что нужно для счастливой жизни, не припасают (Там же, 86).
15. Диоген говорил, что знает многих, которые состязаются между собой в борьбе и беге, но никогда не видел, чтобы состязались в добродетели (Там же, 112; Диог. Лаэрт., VI, 70).
16. Удивительное дело, говорил Диоген, атлеты и кифареды умеют управлять своим желудком и страстями: первые — ради тела, вторые — ради голоса, а ради воздержанности никто не станет ими пренебрегать (Стобей. Антолог., V, 11).

17. Диоген говорил, что многие заживо гниют, вымокая в банях и истребляя себя в любовных утехах, а умирая, они велят бальзамировать своё тело или же положить его в мёд, чтобы задержать гниение (Там же, VI, 3).
18. Диоген говорил, что в домах, где много еды, много мышей и других грызунов. Так и тела, потребляющие много пищи, навлекают на себя много болезней (Там же, 4).
19. Диоген обратился к юноше, который прихорашивался сверх всякой меры: «Если для мужчин — напрасно, если ради женщин — бесчестно» (Там же, 5; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 54).
20. Диоген осмеивал тех, то запирает кладовые засовами, ключами и запечатывает печатями, а в теле своём оставляют открытыми многочисленные двери и дверцы — уста, половые органы, уши и глаза (Стобей. Антолог., VI, 33).
21. Диоген говорил, что люди просят у богов послать им здоровье, но большинство делает всё, что для них противопоказано (Стобей. Антолог., VI, 38).
22. Диоген утверждал, что нет ничего дешевле развратника, растрачивающего душу на товар, которому грош цена (Там же, 52, ср. выше: Антисфен, фр. 94).
23. Диоген говорил, что люди едят ради удовольствия и из-за этого не хотят остановиться (Стобей. Антолог., VI 53).
24. Получив белый хлеб, Диоген выбросил из своей котомки чёрный хлеб со словами: «О, чужестранец, уступи дорогу тиранам!» (Там же, XVII, 16; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 55).
25. Диоген, видя, как мегарцы строят длинные стены, сказал: «Несчастливые, вам следует заботиться не о величине стен, а о силе тех, кто будет на них стоять» (Стобей. Антолог., VII, 47).
26. Диоген утверждал, что упражнения, целью которых является физическая сила, а не величие и сила души, не могут быть благом (Там же, 18).
27. Диоген сравнивал стяжателей с больными водянкой. Первые, говорил он, хотя у них полным-полно денег, котят ещё больше. Вторых же всё время мучает жажда. И тем и другим желание идёт на гибель, ибо страсти тем сильнее, чем больше они удовлетворяются (Там же, X, 46).
28. Киник Диоген, наблюдая однажды, как, какой-то юноша притворяется влюблённым в богатую старуху, заметил: «Он положил на неё не глаз, а зуб» (Там же, 61).
29. Тех, кто получает много и часто, Диоген называл самыми большими нищими (Там же, 63).
30. На вопрос, какие звери самые страшные, Диоген ответил: «В горах — медведи и львы, в городах — сборщики налогов и сикофанты» (Антоний и Максим. Рассужд. о страсти к наживе, с. 226; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 51).

31. Кинического философа Диогена некто спросил, почему у золота бледный вид. Он ответил: «Потому, что против него многие замышляют преступления» (Антоний. Рассужд. о скупости, с. 127).
32. Порицание Диоген называл благом, исходящим от других (allotriion) (Антоний и Максим, с. 250).
33. Диоген говорил, что все остальные собаки кусают врагов, а он кусает друзей для их же спасения (Там же).
34. Диоген спросил Платона, является ли он автором «Законов». Тот ответил утвердительно. «А „Государство“ ты написал?» — «Конечно!» — «Значит твоё государство по имело законов?» — «Имело». — «Тогда зачем же тебе понадобилось снова писать „Законы“»? (Там же).
35. Верно ли высказался Диоген о Платоне: «Что нам пользы от человека, который, уже давно занимаясь философией, никому не доставил беспокойства?» Пусть об этом судят другие. Возможно, он считал, что речь философа, жалящая и ранящая слушателей, должна смягчаться чем-то приятным (Там же, с. 251; ср.: Фемистий. О душе, с. 13).
36. Лечить мертвеца и поучать старца — одно и то же (Антоний и Максим. Рассужд. о наставлениях, с. 254).
37. В ответ на брань лысого человека Диоген заметил: «Над тобой я смеяться не стану, а вот волосы твои хвалю за то, что они сбежали с такой дурной башки» (Антоний и Максим. Рассужд. о брани и клевете, с. 260).
38. Когда какой-то предатель бранил Диогена, он ему ответил: «Я рад, что стал твоим врагом: ты причиняешь зло не только врагам, но и друзьям» (Там же).
39. На чью-то брань Диоген заметил: «Ведь никто мне не поверит, когда я похвалю тебя, да и тебе, когда ты поносишь меня» (Антоний и Максим. О ругателях, с. 262).
40. Диоген просил у гуляки мину. Тогда тот задал вопрос: «Почему у остальных ты просишь три обола, а у меня целую мину?» — «Потому, — ответил Диоген, — что у других я надеюсь ещё раз что-нибудь получить, а от тебя больше никогда» (Стобей. Антолог., XV, 9; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 67).
41. Однажды царь Александр приказал наполнить блюдо костями и послать кинику Диогену. Получив посылку, он сказал: «Еда-то для псов, да дар не царёв» (Антоний и Максим. О благотворительности, с. 277).
42. Он говорил: «И то и другое ошибка — давать тем, кто не достоин, и не давать тем, кто достоин» (Там же).
43. Спрошенный кем-то, почему люди подают попрошайкам, а философам — никогда, Диоген ответил: «Потому что предполагают, что хромыми и слепыми они ещё могут стать, а

философами — никогда» (Там же; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 56).

44. Когда на каком-то пиру Диогену налили много вина, он вылил его. Тогда его стали бранить, на что он ответил: «Если я его выпью, то погибнет не только оно, но вместе с ним погибну и я» (Антоний и Максим. Рассужд. о пьянстве, с. 302).

45. Диоген говорил, что некоторые люди произносят нужные речи, но сами себя не слышат. Так и прекрасно звучащие лиры не воспринимают своих собственных звуков (Стобей. Антолог., XXIII, 10).

46. На вопрос, кто живёт спокойно, Сократ ответил: «Кто не знает за собой никаких проступков» (Там же, XXIV, 13. Слова Сократа, но, вероятно, их следует отнести к Диогену, так как они согласуются со следующей приведённой у Стобея сентенцией).

47. Кто не испытывает ни перед чем страха и больше всего уверен в себе, как не тот, кто не знает за собой ничего дурного? (Там же, 14. Слова Диогена).

48. Диоген говорил, что Медея была мудрой женщиной, а не волшебницей. Ведь она брала людей изнеженных, с телами, расслабленными в наслаждениях, и так заставляла их упражняться и исходить потом в парильнях, что возвращала им юношескую силу и свежесть. Поэтому о ней пошла слава, что она варила человеческое мясо и создавала юношей (Там же, XXIX, 92).

49. Человеку, который утверждал, что он философ, но пускался в препирательства, Диоген сказал: «Несчастный! Оскверняя своими спорами самое лучшее, что есть в жизни философа, ты утверждаешь, что занимаешься философией?!» (Там же, XXXIII, 14).

50. Когда на вопрос Диогена один из окружающих его юношей не ответил, философ сказал: «Не думаешь ли ты, что одно и то же — знать, что нужно говорить и когда и о чём нужно умолчать и перед кем?» (Там же, XXXIV, 16).

51. Однажды Диоген попросил Платона дать ему из своего сада три фиги. Когда тот прислал ему целый медимн, он заметил: «Так на один вопрос ты отвечаешь сто раз» (Там же, XXXVI, 21; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 26).

52. Красивых гетер Диоген называл царицами, потому что многие делают всё, что они приказывают (Стобей. Антолог., XV, 15).

53. Диоген увидел мальчика, которого любили за красоту, и сказал: «Отрок, старайся, чтобы те, кто любит красоту твоего тела, полюбили красоту твоей души» (Антоний и Максим. Рассужд. о красоте, с. 566; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 58).

54. О людях красивых, но невежественных он говорил, что они похожи на алебастровые сосуды с уксусом (Антоний и Максим. Рассужд. о красоте, с. 566).

55. Когда у Диогена убежал раб, он остался к этому совершенно равнодушен. «Было бы нелепым, — говорил он, — чтобы Диоген не мог жить без раба, а раб без Диогена —

обходился» (Стобей. Антолог., XII, 42; Диог. Лаэрт., VI, 55; Элиан. Пёстр, ист., XIII, 28).

56. Увидев судачивших женщин, Диоген сказал: «Одна гадюка у другой берет яд взаймы» (Антоний и Максим. Рассужд. о злых женщинах, с. 609).

57. Завидна у того судьба, кто счастье в детях находил
И горя в жизни сильного не знал.

(Стобей. Антолог., XXV, 10. Слова Диогена. Эти стихи приписываются также Диогену-трагику и Еврипиду (Вагнер, Наук)).

58. Диоген на вопрос, как должны относиться друг к другу отцы и дети, ответил: «Они не должны дожидаться, когда один попросит другого, а заранее выполнять просьбу каждого. Если же отец, который уже раньше был благодетелем сына, в ответ не получил того же, он справедливо впадает в гнев. Поведение же сына нагло, и он не достоин о чём-нибудь просить отца» (Стобей. Антолог., XXXIII, 23).

59. На вопрос, какой самый тяжкий груз несёт на себе земля, Диоген ответил: «Невежду» (Антоний и Максим. О воспитании и философии, с. 706).

60. Когда какой-то астролог на площади показывал нарисованные на доске звёзды и объяснял: «Вот эти движутся в пространстве», — Диоген прислушался и сказал: «Не ври, приятель. Не звёзды движутся, а вот они», — и показал на сидящих вокруг (Стобей. Антолог., XXX, 6).

61. Спрошенный, какие люди самые благородные, Диоген ответил: «Презирующие богатство, славу, удовольствия, жизнь, но почитающие всё противоположное — бедность, безвестность, труд, смерть» (Там же, XXXVI, 19).

62. Диоген, увидев, как рабы Анаксимена носили многочисленные пожитки, спросил, кому они принадлежат. Когда ему ответили, что Анаксимену, он возмутился: «И не стыдно ему, владея таким имуществом, не владеть самим собой?» (Максим. Рассужд. о богатстве и бедности, с. 758).

63. Диоген говорил, что ни в богатом государстве, ни в богатом доме не может жить добродетель (Стобей. Антолог., XCIII, 35).

64. Диоген говорил, что бедность сама пролагает путь к философии. То, в чём философия пытается убедить на словах, бедность вынуждает осуществлять на деле (Там же, XCV, 11).

65. Когда какой-то дурной человек стал упрекать Диогена за его бедность, он сказал: «Я ещё никогда никого не видал испорченного бедностью, а порочностью — многих» (Там же, XCV, 12).

66. Бедность Диоген называл самоучкой добродетели (Стобей. Антолог., XCV, 19).

67. Когда один человек стал упрекать Диогена в бедности, он сказал: «Несчастный, я никогда ещё не видел, чтобы из-за бедности кто-нибудь стал тираном, а все становятся

тиранами только из-за богатства» (Там же, ХСVII, 26).

68. О, смертных и несчастных человеков род,
Лишь тени мы — и больше ничего,
Без пользы только землю тяготим.
(Антоний и Максим. Рассужд. о несходстве жизней, с. 807).

69. На вопрос, кого можно считать счастливым человеком, Сократ ответил: «Того, у кого честный образ мыслей и острый ум» (Стобей. Антолог., СIII, 19. Этот афоризм Стобей относит к Сократу, но следующая сентенция, отнесённая к Диогену, совершенно очевидно связана с приведённой) .

70. Счастье состоит единственно в том, чтобы постоянно пребывать в радостном состоянии духа и никогда не горевать, где бы и в какое бы время мы ни оказались (Там же, 20).

71. Мы утверждаем, что истинное счастье состоит в том, чтобы разум и душа всегда пребывали в покое и веселье (Там же, 21).

72. Когда Диогена снова постигла какая-то беда, он воскликнул: «Спасибо тебе, судьба, что ты так мужественно защищаешь меня». В подобных случаях Диоген ещё довольно громко напевал (Там же, СVIII, 71).

74. Увидев прихорашивающуюся старуху, Диоген сказал: «Если для живых, то напрасно, если же для мёртвых, то не мешкай» (Антоний. О стариках бесчестных и неблагоприятных, с. 875).

74. Когда какой-то человек пожаловался, что умрёт на чужбине, киник Диоген сказал: «Не печалься, глупец. Дорога в Аид отовсюду одна и та же» (Антоний и Максим. Рассужд. о смерти, с. 878).

75. Когда кто-то сказал, что тяжела жизнь, Диоген возразил: «Не просто жизнь, а дурная жизнь» (Стобей. Антолог., СXXI, 26).

76. Диоген говорил, что если его труп растерзают псы, то погребение состоится на гирканский[98] манер, если же сожрут коршуны, то на индийский. Если никто не притронется к телу, то самое прекрасное погребение совершит время при помощи замечательных вещей — солнца и дождей (Стобей. Антолог., СXXIII, 11).

77. Риторы, говорил Диоген, стараются рассуждать о справедливости, но никогда в согласии с ней не поступают (Антоний и Максим. Рассужд. об учении и письменности, с. 933).

78. Диоген говорил, что ему представилось, будто Судьба повстречалась с ним и сказала: «Эту бешеную собаку я сломить не в состоянии» (Стобей. Эклоги. II, 7, 21; ср.: Илиада, VIII, 299: «Только сего не даётся свирепого пса мне уметить!» — Пер. Н. Гнедича).

79. К своим современникам он относился с большим высокомерием. Школу Евклида, например, называл школой Желчида, Платоновы беседы — пустым бредом, состязания на

Дионисиях — большими иллюзионными представлениями для дураков, демагогов — прислужниками черни (Диог. Лаэрт., VI, 24).

80. Он говорил также, что когда в жизни встречается кормчих, врачей и философов, то думает, что среди живых существ нет никого умнее человека. Но, видя толкователей снов, прорицателей и тех, кто им верит, или людей, надутых от сознания своей славы или богатства, считает, что нет никого глупее человека (Там же).

81. Однажды на пышном пиру, заметив, что Платон ест простые оливки, Диоген воскликнул: «Как же так получается! Знаменитый философ предпринимал путешествие на Сицилию специально ради изысканных яств, а теперь отказывается от того, что лежит под носом?» На это Платон отвечал: «Но, клянусь богами, Диоген, я и там по большей части питался оливками и тому подобным». — «Тогда зачем нужно было плыть в Сиракузы? Разве в то время в Аттике был неурожай на оливки?» (Там же, 25).

82. Однажды Платон пригласил в гости друзей, прибывших от Дионисия. Пришел и Диоген и стал топтать ковры хозяина со словами: «Попираю тщеславие Платона». На что Платон заметил: «Какое же тебя самого распирает тщеславие, хотя ты и делаешь вид, будто вовсе не тщеславен». По другим сведениям Диоген сказал: «Попираю гордыню Платона». — «Другой гордыней», — ответил Платон (Там же, 26).

83. Когда спросили, где в Греции он видел добродетельных мужей, он ответил: «Мужей — нигде, детей — в Лакедемоне» (Там же, 27).

84. Однажды он рассуждал о чём-то весьма серьёзном, но никто не обращал на него внимания. Тогда он начал верещать по-птичьи. Собрались люди. Диоген стал стыдить их, что они поспешили слушать чепуху, а к серьёзным речам отнеслись пренебрежительно (Там же).

85. Он говорил, что люди состязаются в рытье ям и подножках, а в добродетели — никто (Там же).

86. Он удивлялся грамматикам, которые выискивают грехи у Одиссея, а своих собственных не видят; музыканты же умеют настраивать струны на лире, а собственный нрав настроить никак не могут. Астрономы наблюдают за солнцем и луной, а то, что под ногами, не замечают. Риторы охотно говорят о справедливости, но поступки их никогда ей не соответствуют. Скупцы поносят деньги, а сами любят их больше всего на свете (Там же, 27—28; ср.: Сенека. Письма к Луцилию, LXXXVI).

87. Он презирал тех, кто восхищается честными людьми за то, что они выше денег, а сами завидуют богачам (Диог. Лаэрт., VI, 28).

88. Его возмущало, что люди приносят жертвы богам ради своего здоровья, а сами во время жертвоприношений обжираются, нанося вред здоровью. Он удивлялся, как это рабы, видя обжорство господ, не расхищают их пищу (Там же).

80. Он хвалил тех, кто собирался жениться и не женился, кто хотел отправиться в путешествие и не отправлялся, кто собирался посвятить себя государственной деятельности и не посвящал, кто намеревался воспитывать детей и не делал этого, а также тех, кто был готов пойти в услужение к вельможам, но избегал даже общения с ними (Там же, 29).

90. Он говорил, что к друзьям нужно идти с раскрытыми руками, а не сжимать их в кулак (Там же).

91. Купившему его Ксениаду он говорил, что тот должен ему повиноваться, хотя он и раб. Ведь если кормчий или врач — рабы, их всё равно слушаются. Эвбул в сочинении «Продажа Диогена» рассказывает, что философ, воспитывая сыновей Ксениада, среди прочих наук учил их верховой езде, стрельбе из лука, умению обращаться с пращей, искусству метания копья. Когда они занимались на палестре, он не позволял тренеру делать из них атлетов, а заботился лишь о том, чтобы лица юношей покрывал румянец и были крепкими их тела. Мальчики также учили наизусть много отрывков из поэтов и писателей, в том числе и из сочинений самого Диогена, причём весь учебный материал для скорейшего усвоения он излагал кратко. Он учил их дома самим себя обслуживать, есть простую пищу и пить воду, носить короткую стрижку, обходиться без украшений, не надевать ни хитонов, ни обуви и ходить по улицам молча, потупив взор. Он устраивал для них и псовую охоту. Они же, со своей стороны, проявляли заботу о Диогене и выступали его защитниками перед родителями. Тот же Эвбул сообщает, что Диоген состарился в доме Ксениада, там умер и был похоронен его сыновьями. Когда Ксениад спросил Диогена, как его похоронить, тот ответил: «Вниз лицом». На вопрос «зачем?» он ответил: «Ведь скоро всё, что было внизу, окажется наверху». Эти слова были связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчинённых стали властителями (Там же, 30; 31; 32).

92. По его словам, он удивлялся тому, что, покупая кувшин или таз, мы их тщательно проверяем, а при покупке человека довольствуемся лишь беглым осмотром (Там же, 30).

93. Как-то раз он закричал: «Эй, вы, люди!» Сбежался народ. Он набросился на них с палкой со словами: «Я звал людей, а не дерьмо» (Там же, 32).

94. Однажды какой-то человек привёл его в богатый дом и запретил плевать, тогда он сначала отхаркнулся, а потом плюнул ему в лицо, прибавив, что более грязного места не нашёл. Другие приписывают эти слова Аристиппу (Там же).

95. Калеками он считал не тех, кто глух и слеп, а тех, у кого нет котомки (Там же, 33. Здесь игра слов: *anapeiros* может быть переведено, как «калека» и как «без котомки», «без нищенской сумы» — *aneu peras*).

96. Однажды Диоген пришёл к юношам на пир с наполовину остриженной головой, за что был побит. Тогда он написал на белой табличке имена своих обидчиков, повесил её себе на шею и так стал ходить по городу, пока все не начали над ними издеваться, презирать их и бранить (Там же; ср.: Псевдо-Диоген. Письмо к Мелесиппу).

97. Он говорил о себе, что он — одна из тех собак, которую все хвалят, но ни один из хвалителей не решится взять с собой на охоту (Диог. Лаэрт., VI, 33. Имеется в виду охота за добродетелью и справедливостью. Ср.: Аристотель у Афиная, XV, 695а, а также: Лукиан. Продажа жизнью, 8).
98. Когда кто-то расхвастался: «На Пифийских играх я побеждаю мужей», — Диоген ему возразил: «Это я побеждаю мужей, а ты — рабов» (Диог. Лаэрт., VI, 33; ср.: Там же, 43, а также: Дион. Хрис., XI).
99. Тем, кто говорил ему: «Ты уже старик, отдохни наконец», он отвечал: «Как же так? Если бы я бежал на состязаниях и был бы уже близок к финишу, разве мне следовало расслабиться, а не напрячь все силы?» (Диог. Лаэрт., VI, 34).
100. Однажды он застал оратора Демосфена завтракающим в трактире. Тот скрылся во внутреннее помещение, на что Диоген заметил: «Так ты ещё больше окажешься в харчевне» (Там же; ср.: Элиан. Пёстр. ист., IX, 19).
101. Когда какие-то иностранцы хотели повидать Демосфена, Диоген выставил средний палец и сказал: «Вот вам афинский демагог» (Диог. Лаэрт., VI, 34).
102. Кто-то обронил кусок хлеба и постеснялся его поднять. Тогда Диоген, желая преподать ему урок, привязал к горлу кувшина верёвку и поволок его так через весь Керамик (Там же, 35).
103. Он говорил, что подражает хормейстерам, которые дают хористам более высокую ноту с тем, чтобы те придерживались нужного тона (Там же).
104. Большинство людей, говорил он, отделяет от безумия лишь один только палец; ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на всё средним пальцем, то подумают, что он сошёл с ума, а если указательным, то нет (Там же).
105. Он говорил, что ценные вещи продаются за бесценок и наоборот. Так, например, статуя стоит три тысячи драхм, а хеник муки — два медяка (Там же).
106. Купившему его Ксениаду Диоген сказал: «Ну, теперь исполняй мои приказания!» Когда же тот воскликнул: «Вспять потекли источники рек!» — ответил: «Если бы ты заболел и купил себе врача, разве ты не подчинялся бы ему, а лишь декламировал: „Вспять потекли источники рек!“» (Там же, 36. «Вспять потекли и т. д.» — стих 411 из «Медеи» Еврипида, ставший впоследствии пословицей).
107. Один человек хотел обучаться у него философии. Диоген дал ему селёдку и приказал следовать за ним. Когда же тот, застеснявшись, бросил её и ушёл, философ, встретив его спустя некоторое время, со смехом сказал: «Нашу дружбу порушила селёдка». Диокл рассказывает об этом иначе: кто-то предложил: «Приказывай нам, Диоген». Тогда Диоген отвел просителя в сторону и дал кусок сыру, стоивший всего пол-обола, и велел ходить с ним. Человек отказался. Тогда Диоген заметил: «Нашу дружбу разорвал кусочек сыру» (Диог. Лаэрт., VI, 36).

108. Увидев однажды мальчишку, который пил воду из ладошки, он выбросил из своей котомки кружку и сказал: «Мальчик превзошёл меня в скромности жизни». Он выбросил и тарелку, когда увидел, как мальчик, разбив случайно миску, ел свою чечевичную похлёбку из углубления, сделанного в хлебном мякише (Диог. Лаэрт., VI, 37; ср.: Сенека, пис. 90; Иероним. Против Иовиана, II; Эпиграмма Антифила в «Антологии», кн. V; Авзоний. Эпиграмма 53).

109. Он рассуждал так: «Всё принадлежит богам. Мудрецы — друзья богов, а у друзей всё общее. Значит, всё принадлежит мудрецам» (Диог. Лаэрт., VI, 37).

110. Увидев однажды женщину, припавшую к статуям богов в непристойной позе, и желая освободить её от суеверия, он, как рассказывает Зоил из Перги, подошёл к ней и сказал: «Женщина, а не боишься ли ты, что бог стоит как раз позади тебя, — ведь всё преисполнено им, — и ты оскорбляешь его своим неприличным видом?» (Там же).

111. Он привел в храм Асклепия в качестве подарка кулачного бойца, чтобы тот подбегал и бил каждого, кто падает ниц (Там же, 38).

112. Он любил говорить, что над ним сбылись трагические проклятия, ибо он:

Безродный изгнанник, лишённый отчизны,
Бродяга и нищий, без крова и пищи.
(Там же; ср.: Элиан. Пёстр, ист., III, 29).

113. Он говорил, что судьбе противопоставляет отвагу, закону — природу, страстям — разум (Диог. Лаэрт., VI, 38).

111. В Крании Диоген грелся на солнышке. Подошёл Александр и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Диоген ответил: «Только не загораживай мне солнца» (Там же; ср.: Плутарх. Александр, 14; Симпликий к Эпиктету, 21. — Сальмз, с. 123; Валерий Максим, IV, 3; Цицерон. Tusculаны, V, 32).

115. Кто-то громко и долго читал, тогда Диоген показал на чистое место в конце свитка и сказал: «Мужайтесь, люди, — вижу землю» (Диог. Лаэрт., VI, 38).

116. Когда какой-то человек стал доказывать, что у Диогена есть рога, тот потрогал свой лоб и сказал: «А я их не чувствую». В том же духе он стал действовать, когда кто-то утверждал, что движения не существует, — поднялся с места и начал прохаживаться взад и вперёд[99] (Там же, 39. Речь идет о софизме, известном под названием «рогатый» и приведённом у Иеронима, см.: Письма, 83. Относительно второго ср.: Секст Эмпирик. Против физиков, II, 68—69; Пиррон. Положения, II, 244).

117. Разглагольствующего об астрономических явлениях он спросил: «Давно ли ты спустился с небес?» (Диог. Лаэрт., VI, 39).

118. Когда какой-то порочный евнух написал на дверях своего дома: «Пусть не войдёт сюда никакое зло!», — Диоген спросил: «А как же теперь войдёт сюда хозяин дома?» (Там же. О

том же рассказывают Климент Алекс. (Стром, VII, 713) и Феодорет (О провидении. — Сирмонд, т. 4, с. 357)).

119. Умастив ноги благовонной мазью, он рассуждал: «Благовоние распространяется от головы в воздух, а от ног оно поднимается к ноздрям» (Диог. Лаэрт., VI, 39; ср.: Лукиан. Нигрин, 32).

120. Афиняне уговаривали его принять посвящение в святыя таинства, уверяя, что в Аиде посвящённые пользуются преимуществами. «Смешно, — отвечал философ, — когда Агесилай и Эпаминонд будут барахтаться в нечистотах, а никчёмные людишки только за то, что они приняли посвящение, обитать на Островах блаженных» (Диог. Лаэрт., VI, 39; ср.: Плутарх. О том, как воспринимать поэтов. (Гуттен, т. 7, с. 80); Платон. Федон, 69 С).

121. Мыши карабкались на стол с едой. Диоген заметил и сказал: «Теперь даже у меня есть нахлебники» (Диог. Лаэрт., VI, 40).

122. Когда Платон назвал его собакой, он сказал: «Правильно. Ведь я вернулся назад к продавшим меня» (Там же. Иначе рассказывается у Элиана. См.: Пёстр, ист., XIV, 33).

123. Диоген выходил из бани. Его спросили, много ли там моется людей, он ответил, что нет. Когда же его спросил кто-то, много ли там народа, он сказал «да» (Диог. Лаэрт., VI, 40).

124. Когда Платон выступил с определением: «Человек есть животное с двумя ногами и без перьев» — и заслужил всеобщее одобрение, Диоген ощипал петуха и принёс его в платоновскую школу со словами: «Вот человек Платона». Тот прибавил к своему определению: «и, кроме того, с плоскими ногтями» (Там же).

125. Обратившемуся к нему с вопросом, в какое время следует завтракать, Диоген ответил: «Если ты богат, когда хочешь; если беден, когда можешь» (Там же).

126. У мегарцев он видел овец, покрытых кожаными накидками, а дети их ходили голыми. В связи с этим он заметил: «У мегарца выгоднее быть бараном, чем сыном» (Там же, 41; ср.: Элиан. Пёстр, ист., XII, 56; Плутарх. О страсти к наживе, 7).

127. Кто-то сначала задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» Диоген засмеялся: «Ты что, снова собираешься меня ударить?» (Диог. Лаэрт., VI, 41; ср.: Там же, 66).

128. Он говорил, что демагоги — лакеи черни, а венки — сыпь славы (Там же, 41).

129. Средь бела дня с зажжённым фонарём в руках бродил он повсюду и говорил: «Человека ищу» (Там же. Этот поступок ещё значительно раньше совершил Эзоп, если верить Федру, III, 19).

130. Однажды он стоял, весь промокший до нитки. Собрались люди и стали жалеть его. Проходивший мимо Платон обратился к ним: «Если вам действительно жаль его, ступайте своей дорогой» (этим он намекал на его тщеславие) (Диог. Лаэрт., VI, 41).

131. Когда кто-то нанёс ему удар по голове кулаком, Диоген вскричал: «Как же, о Геракл, я забыл надеть шлем, выходя на улицу?!» (Там же).
132. Когда Мидий ударил его и добавил: «Вот три тысячи драхм у тебя на столе», — на следующий день он обмотал себе руки ремнями и отдубасил Мидия, приговаривая: «Вот тебе три тысячи на стол!» (Там же, 42).
133. Продавец лекарств Лисий спросил его, верит ли он в богов. Диоген ответил: «Как же мне не верить, когда я вижу такого богомерзкого подонка» (Там же; ср.: Эпиктет. Беседы, III, 22).
134. Увидев какого-то человека, совершавшего омовение, он обратился к нему: «Бедняжка, как же ты не понимаешь, что омовением не исправишь ни грамматических, ни жизненных ошибок» (Диог. Лаэрт., VI, 42).
135. Он упрекал людей в том, что, молясь, они просят богов не об истинном благе, а лишь о том, что им кажется таковым (Там же).
136. Тем, кто пугался снов, он говорил, что они не обращают внимания на то, что делают наяву, а о том, что им приснится ночью, заботятся (Там же, 43).
137. Однажды в Олимпии глашатай провозгласил: «Диоксипп победил мужей». Диоген запротестовал: «Это я побеждаю мужей, а он — рабов» (Там же; ср. выше: Диоген Синопский, фргм. 98).
138. После битвы при Херонее он был взят в плен и доставлен к Филиппу. Когда тот спросил его, кто он такой, Диоген ответил: «Я соглядатай твоей ненасытности». В изумлении царь велел его отпустить (Диог. Лаэрт., VI., 43. Несколько иначе рассказано у Плутарха; см.: О различии между льстецом и другом. — Гуттен, т. 7, с. 226; ср.: Эпиктет. Беседы, III, 22).
139. Однажды Александр послал письмо Антипатру в Афины через некоего Афлия. Диоген присутствовал при этом и сказал: Несчастный от несчастного через несчастного несчастному[100] (Диог. Лаэрт., VI, 44).
140. Когда Пердикка под угрозой смертной казни приказал Диогену явиться к нему, философ заметил: «Подумаешь, чем грозит. На это же способны скорпионы и фаланги. Только бы он не грозился, что и без меня может жить счастливо» (Там же).
141. Он часто громко заявлял, что богами людям дана легкая жизнь, а они забыли о ней, гоняясь за лакомствами, благовониями и тому подобным (Там же).
142. Человеку, которому раб надевал сандалии, он сказал: «Ты был бы совсем счастлив, если бы он ещё и сморкался за тебя» (Там же).
143. Однажды он увидел, как жрецы вели воришку, стащившего чашу из сокровищницы храма, и сказал: «Крупные воры погоняют мелкого» (Там же, 45).

144. Увидев мальчишку, швыряющего камнями в крест, сказал: «Давай! Бей! Ты достигнешь своей цели»[101] (Там же).
145. Мальчишкам, которые обступили его и кричали: «Не покусай нас!», — он отвечал: «Смелее, братцы. Эта собака не ест свёклу» (Там же; ср. VI, 61).
146. Некто надел на себя львиную шкуру и ходил с гордым видом. Диоген обратился к нему: «Не позорь одеяния доблести» (Там же).
147. Человеку, который превозносил Каллисфена и восхищался роскошной жизнью, которую тот вёл в свите Александра, Диоген сказал: «Несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда захочется Александру» (Там же. Согласно Плутарху (Об изгнании, 12), эти слова Диогена относились к Филиппу и Аристотелю).
148. Мальчику, который в бане играл в коттаб, он сказал: «Чем больше тебе везёт, тем хуже» (Диог. Лаэрт., VI 46. Смысл: чем ты искуснее в этой игре, тем ты хуже как человек).
149. Нуждаясь в деньгах, он утверждал, что не просит у друзей подаяния, а лишь требует возвратить долг (Там же).
150. Риторов и всех тех, кто краснобайствовал из тщеславия, он называл «трижды человеки», т. е. «трижды несчастные» (Там же, 47).
151. Невежественного богача он называл золотым бараном (Там же. Другими этот афоризм передаётся иначе. См.. Феон. Прогимназмы; Максим. Сентенции).
152. Увидев на доме гуляки надпись: «Продаётся», — он воскликнул, обращаясь к дому: «Я был уверен, что, живя в таком пьяном угаре, ты легко вместе с блевотиной освободишься и от своего хозяина» (Диог. Лаэрт., VI, 47).
153. Увидев грязную баню, спросил: «Где же моются те, кто здесь вымылся?» (Там же).
154. Только он один хвалил толстяка-кифареда, которого все бранили. Его спросили, почему. Последовал ответ: «Скажите спасибо, что при таком аппетите он всё ещё играет на кифаре, а не грабит» (Там же).
155. Одного кифареда, от игры которого всегда разбегались слушатели, Диоген приветствовал словами: «Привет, петух!» — «Почему ты так меня называешь?» — спросил кифаред. «Потому что ты заставляешь всех вставать», — последовал ответ (Там же, 48).
156. Какой-то юноша выступал с речью. Диоген, наложив за пазуху волчьих бобов, встал напротив и начал их жевать. Когда люди уставились на него, он сказал, что крайне удивлён тем, что все забыли об ораторе и смотрят на него (Там же).
157. Какой-то очень суеверный человек пригрозил ему: «Одним ударом я раскрою тебе череп!» — «А я, — ответил Диоген, — чихну слева и брошу тебя в дрожь» (Там же. Об этом суеверии см.: Плутарх. Фемистокл, 13; Ксенофонт. Анабасис, III, 2, 5; Феокрит, VIII, 96, а

также: Плутарх. О гении Сократа, XI. — Гуттен, т. 10, с. 315).

158. Гегесий попросил Диогена дать ему что-нибудь почитать из его сочинений. «Чудак ты, Гегесий, — сказал Диоген. — Когда речь идет о фигах, ты выбираешь не нарисованные, а настоящие. А теперь проходишь мимо возможности по-настоящему потренироваться в добродетели и предпочитаешь написанные наставления» (Диог. Лаэрт., VI, 48).

159. Когда какой-то человек попрекнул его изгнанием, он возразил: «Но ведь именно благодаря ему, бедняга, я и стал философом» (Там же, 49).

160. Когда же снова кто-то ему сказал: «Граждане Синопы приговорили тебя к изгнанию». — «А я их — оставаться на месте», — последовал ответ (Там же. То же рассказывает Плутарх (Об изгнании, 7 — Гуттен, т. 10, с. 372)).

161. Однажды он увидел олимпийского чемпиона пасущим овец и сказал: «Однако быстро же ты, любезнейший, перешел от Олимпийских игр к Немейским»[102] (Диог. Лаэрт., VI, 49).

162. На вопрос, почему атлеты так глупы, он ответил: «Потому что они сделаны из мяса свиней и быков» (Там же).

163. Однажды он просил милостыню у статуи. Спрошенный, почему он так поступает, ответил: «Так я привыкаю к отказам». (Там же. То же рассказывает Плутарх. См.: О порочном стыде, 7. — Гуттен, т. 10, с. 171).

164. Когда Диоген просил милостыню (а впервые он это сделал, находясь в крайней нужде), он обратился к прохожему с такими словами: «Если ты подал другому, то дай и мне. А если ещё не подал, то начни с меня» (Диог. Лаэрт., VI, 49).

165. Когда тиран спросил его, какая медь лучше всего пригодна для статуй, он ответил: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон» (Там же, 50. Плутарх эту апофтегму приписывает Антифону. См.: О льстеце и друге, 40).

166. На вопрос, как обходится Дионисий с друзьями Диоген ответил: «Как с мешками: пока они полны, хранит-когда они пусты, выбрасывает» (Диог. Лаэрт., VI, 50).

167. Когда какой-то новобрачный сделал на своём ложе надпись:

Геракл, Зевса сын, прославленный повсюду, здесь живёт.
Пусть никакое зло к дом этот по войдёт!

Диоген добавил: «После войны мирный договор» (Там же.)

168. Сребролюбие он называл средоточием всех пороков (Там же. Эту сентенцию Стобей приписывает Биону (Антолог., I, 38). Она упомянута у Иоанна Хрисостома (Беседы, 64)).

169. Увидев однажды в трактире гуляку, который ел оливки, он сказал: «Если бы ты так завтракал, то так не обедал бы» (Диог. Лаэрт., VI, 50).

170. Людей добродетельных он считал подобиями богов любовь — делом для тех, кому делать нечего (Там же. Ср. сходную сентенцию Феофраста у Стобея, Антолог., XIV, 29).

171. Спрошенный, что он считает самым большим несчастьем в жизни, ответил: «Нищую старость» (Диог. Лаэрт., VI, 51).

172. Увидев однажды двух скверно намалёванных кентавров, спросил: «Какой из них Хирон?»[103] (Там же).

173. Льстивые речи он называл медовой петлёй, желудок — Харибдой жизни (Там же).

174. Когда флейтист Дидимон был уличён в прелюбодеянии, Диоген заметил: «Он заслуживает быть повешенным за своё имя»[104] (Там же. Софист Элий Феон в «Прогимнамах» рассказывает это как факт).

175. Увидев женщину на носилках, он сказал: «Этому зверю нужна не такая клетка» (Диог. Лаэрт., VI, 51).

176. Увидев однажды беглого раба, сидящего у колодца, он сказал: «Смотри, молодец, не угоди туда» (Там же, 52. Афиняне называли словом *phrag* и колодец, и тюрьму. См. Поллукс. Ономастикон, VIII, 10).

177. Заприметив в бане воришку, охотившегося за платьем моющихся, Диоген спросил его: «Для чего тащишь — для притирания или для одевания?» (Диог. Лаэрт., VI, 52).

178. Увидев однажды женщин, повесившихся на оливковом дереве, он воскликнул: «Вот если бы на всех деревьях висели такие плоды!» (Там же).

179. Заметив человека, крадущего одежду, спросил:

Что ты здесь ищешь, храбрец?

Хочешь ты мёртвых ограбить, polegших на поле?

(Там же; ср.: Гомер. Илиада, X, 343).

180. Спрошенный, есть ли у него раб или рабыня, ответил, что нет. Кто-то спросил: «А когда умрёшь, кто вынесет твой труп?» — «Тот, кому понадобится моё жилище» (Диог. Лаэрт., VI, 52).

181. Человеку, делавшему обильные закупки для пира, он сказал:

Скоро умрёшь ты, мой сын, — вот ведь ты что покупаешь.

(Там же; ср.: Гомер. Илиада, XVIII, 95).

182. Когда Платон философствовал по поводу идей и употреблял такие слова, как «стольность» и «чашность», Диоген возразил: «Что касается меня, то стол и чашу, Платон, я вижу, а вот стольность и чашность — нет». На что Платон ответил: «Здесь нет ничего мудрёного. У тебя есть глаза, которыми ты можешь увидеть и стол, и чашу, а вот ума, чтобы

увидеть стольность и чашность, не хватает» (Диог. Лаэрт., VI, 53. Другие приписывают эти слова Антисфену. См.: Аммоний. Комментарий к «Введению в „Категории“ Аристотеля» Порфирия: «Общие понятия и идеи — голые выдумки», — говорил Антисфен, добавляя, что лошадь он видит, а лошадности не видит. См. также выше: Антисфен, фргм. 44).

183. Спрошенный кем-то, что, по его мнению, за человек Диоген, Платон ответил: «Спятивший Сократ» (Диог. Лаэрт., VI, 54; ср.: Элиан. Пёстр, ист., XIV, 33).

184. На вопрос, когда следует жениться, Диоген ответил: «В юности ещё рано, в старости уже поздно» (Диог. Лаэрт., VI, 54. Примерно так же рассуждал Фалес).

185. Его спросили: «Что нужно делать, когда тебя бьют?» — «Надеть шлем», — последовал ответ (Там же).

186. Увидев однажды, как зарделся юноша, он обратился к нему: «Не робей, мой милый. Это краска добродетели» (Там же).

187. Услышав спор двух законников, он обругал обоих. «Один из вас у другого украл, а тот ничего не потерял» (Там же).

188. На вопрос, какое вино он пьёт всего охотнее, ответил: «Чужое» (Там же).

189. На упрёк: «Многие потешаются над тобой», — он ответил: «А я всё не потешаюсь» (Там же; ср.: Плутарх, Фабий Максим, 10).

190. На вопрос, он собака какой породы, ответил: «Когда голоден, — мальтийская, когда сыт, — молосская т. е. из той породы, которую большинство хвалит, но из боязни быть покусанными идти с ней на охоту не отваживаются. Так и со мной вы не можете жить, опасаясь укусов совести» (Диог. Лаэрт., VI, 55; ср. выше, фрагм. 97).

191. Его спросили, едят ли мудрецы пироги. Он ответил «Они едят всё то же, что и остальные люди» (Диог. Лаэрт., VI, 56; ср.: Лукиан. Жизнь Демонакта).

192. Однажды он попросил подаяние у скупца. Тот замешкался. «Человече, — сказал Диоген, — я прошу у тебя на пропитание, а не на погребение» (Диог. Лаэрт., VI, 56)

193. Однажды его упрекнули за участие в подделке монет, на что он ответил: «В то время я был таким, как ты сейчас, но таким, как я сейчас, ты никогда не будешь». На подобный же упрёк в другой раз он заметил: «Раньше я и мочился быстро, а теперь нет» (Там же).

194. Придя в небольшой городок Минд и увидев там огромные городские ворота, он обратился к жителям: «Граждане города Минда, закройте ворота, чтобы город ваш не сбежал» (Там же, 57).

195. Увидев однажды вора, пойманного на краже пурпура, он сказал:

Очи смежила пурпурная Смерть и могучая Участь.
(Там же. Стих из «Илиады», V, 83).

196. Когда Кратер пригласил Диогена к себе, тот отказался и сказал, что предпочитает скорее лизать соль в Афинах, чем вкушать изысканные яства у Кратера (Диог. Лаэрт., VI, 57. Кратер — один из полководцев Александра. О нем см.: Арриан, VII, 12, 3; Курций Руф, VI, 6, 33; Плиний, XXXV, 13).

197. Толстяку-ритору Анаксимену он сказал: «Дай и нам, нищим, кусок своего брюха. И тебе будет полегче, и нам поможешь» (Диог. Лаэрт., VI, 57. Подразумевается ритор из Лампсака Анаксимен, которому обычно приписывается «Риторика к Александру», относящаяся к аристотелевскому кругу. Анаксимен был учеником киника Диогена).

198. Однажды, когда этот же ритор о чём-то витийствовал, Диоген стал размахивать селёдкой, чем отвлек слушателей. Анаксимен возмутился. Тогда Диоген сказал: «Несчастливая селёдка ценой в один обол положила конец всем рассуждениям Анаксимена» (Там же).

199. На упрёк в том, что он ел на агоре, Диоген ответил: «Но ведь на агоре я и голодал» (Там же, 58).

200. Платон, увидев Диогена, моющего овощи, подошёл к нему и тихо сказал: «Служил бы ты Дионисию, не мыл бы себе овощей». А тот так же тихонько ему ответил: «И ты, если бы мыл себе овощи, не служил бы своему Дионисию» (Диог. Лаэрт., VI, 58. Ср.: Там же, II, 68). Другие приписывают эти слова Аристиппу.

201. На упрёк: «Многие смеются над тобой», — он ответил: «А над ними, может быть, потешаются ослы, но, как им наплевать на ослон, так и мне наплевать на них» (Там же, VI, 58).

202. При виде юноши, увлекавшегося философией, он сказал: «Прекрасно. Теперь тех, кто любит твоё прекрасное тело, ты заставишь любить красоту твоей души» (Там же).

203. Когда какой-то человек удивлялся обилию даров в Самофракии, он заметил: «Их было бы куда больше, если бы их приносили и те, кому не удалось спастись» (Там же, 59. На о-ве Самофракия была пещера, посвящённая Гекате, по имени Зеринф. Туда направлялись жаждущие спасти свою жизнь и совершали жертвоприношения Гекате и корибантам).

204. Красивому мальчику, собравшемуся на пирушку, он сказал: «Домой ты вернешься худшим, чем ушёл». Вернувшись, мальчик сказал: «Вот я вернулся и хуже не стал». — «Хироном, правда, ты не стал, но стал Эвритионом»[105](Там же).

205. Как-то он просил милостыню у ворчливого и угрюмого человека «Если ты меня убедишь, то подам», — сказал тот. «Да если бы я мог тебя убедить, то давно бы заставил повеситься» (Диог. Лаэрт., VI, 59).

206. Однажды он возвращался из Лакедемона в Афины. «Ты откуда и куда», — спросили его. «Из мужской половины в женскую», — последовал ответ (Там же. Ср. выше: Антисфен, фрзм).

127).

207. Когда Антипатр в письме, адресованном Диогену, много слов посвятил своей матери, он ответил: «Антипатр, одна материнская слеза смывает позор многих клеветнических писем» (Мюнхен. антолог., 157. — В кн.: Стобей. Антолог. — Майнеке, с. 279).

208. Когда Фрина поставила в качестве посвящения в Дельфах золотую статую Афродиты, Диоген, говорят, сделал на ней надпись: «От эллинской распущенности» (Диог. Лаэрт., VI, 60. Другие приписывают этот поступок Кратету: Плутарх. О счастье Александра Вел., II, 3; Афиней, XIII, р. 591B).

209. Однажды около него остановился Александр и сказал: «Я — Александр, великий царь». — «А я, Диоген, собака», — представился философ (Диог. Лаэрт., VI, 60).

210. Спрошенный, почему его зовут собакой, ответил: «Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных — кусаю» (Там же).

211. Однажды он срывал плоды со смоковницы, и сторож ему сказал. «Недавно на этом дереве повесился человек». — «Отлично, — ответил Диоген. — Теперь я его очищу» (Там же, 61).

212. Увидев победителя Олимпийских игр, то и дело бросавшего вождельные взгляды на гетеру, он сказал: «Смотрите, как этому бодливому барану свернула шею первая встречная потаскуха» (Там же. Нечто похожее рассказывает Плутарх («О любопытстве», 12); ср.: Элиан. Пёстр, ист., XII, 58).

213. Красивых гетер он сравнивал с медовыми возлияниями мёртвым (Диог. Лаэрт., VI, 61).

214. Когда он завтракал на агоре, толпа окружила его, и из неё то и дело раздавались крики «собака». Диоген огрызнулся: «Это вы собаки. Окружили меня, когда я ем» (Там же).

215. Спрошенный об одном порочном мальчишке, откуда тот взялся, он ответил: «Из Тегеи» (Там же. Игра слов: Tegeathes образован от tegos, что значит «бордель»),

216. Увидев бездарного борца, занявшегося врачебной практикой, он спросил: «Это зачем? Не для того ли, чтобы отомстить тем, кто тебя в своё время одолел?» (Там же, 62).

217. Увидев однажды сына гетеры, который швырялся камнями в прохожих, он крикнул: «Смотри, не угоди в своего отца» (Там же).

218. Когда мальчик показал ему кинжал, подаренный любовником, он сказал: «Кинжал действительно хорош, да рукоятка у него паршивая» (Там же. Игра слов: labe означает одновременно «рукоятка» и «повод»),

219. Когда какие-то люди стали хвалить человека, который дал ему милостыню, он сказал: «Но вы не хвалите меня, заслужившего её» (Там же).

220. Когда какой-то человек стал у него требовать назад свой плащ, он ответил: «Если ты подарил мне его, то он мой. Если же ты мне его одолжил, то он мне ещё нужен» (Там же).
221. Какой-то подкидыш сказал ему, что в его плаще спрятано золото. «Теперь я понял, почему ты спишь, подкинув его под себя», — заметил Диоген[106] (Там же).
222. На вопрос, откуда он явился, ответил: «Я — гражданин мира» (Там же, 63).
223. Какие-то родители приносили жертву богам, моля послать им сына. Диоген сказал: «А что из него выйдет, для вас безразлично?» (Там же).
224. Однажды устраивали пир в складчину, и организатор попросил у него долю. Диоген отвечал:
- Грабь ты других, обирай, по от Гектора руки подальше![107]
(Диог. Лаэрт., VI, 63).
225. Когда афиняне присвоили Александру имя Диониса, он попросил: «А меня сделайте Сараписом» (Диог. Лаэрт., VI, 63; ср.: Элиан. Пёстр, ист., II, 19).
226. Он обедал в храме и, когда принесли загрязнённый хлеб, схватил его и бросил со словами: «В храм не дозволено войти ничему нечистому» (Диог. Лаэрт., VI, 64).
227. Кто-то сказал ему: «Ты неуч, а ещё философствуешь». На это он ответил: «Даже подделываться под мудрость — уже философия» (Там же).
228. Некто привёл к нему своего сына и сказал, что он очень способный мальчик и в высшей степени добродетелен. «Тогда зачем же я ему нужен?» — спросил Диоген (Там же; ср.: Эпиктет. Беседы, II, 3).
229. Увидев однажды женственного юношу, он сказал: «Не стыдно ли тебе поступать с собой хуже, чем оно было задумано природой? Она создала тебя мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной» (Диог. Лаэрт., VI, 65. Сюда, вероятно, относится место у Афиня, XIII, 565с).
230. Увидев, как глупец настраивал струнный инструмент, он сказал: «Не стыдно тебе приводить струны в созвучие с деревяшкой, а душу не приводить в гармонию с жизнью?» (Диог. Лаэрт., VI, 65).
231. Человеку, сказавшему: «Я не гожусь для философии», — он заметил: «Для чего же ты живёшь, если тебя не заботит жизнь в добродетели?» (Там же).
232. Тому, кто презирал своего отца, он сказал: «Не стыдно тебе презирать того, благодаря которому ты можешь проявлять свою гордыню?» (Там же; Стобей (Антолог., XXIX, 43) приписывает эти слова Платону).
233. Увидев приличного юношу, неприлично бранившегося, он сказал: «И тебе не стыдно из дорогих ножен вытаскивать дрянной свинцовый меч?» (Диог. Лаэрт., VI, 65).

234. Когда его упрекнули за то, что он пьёт в трактире, он ответил: «А стригусь я в цирюльне» (Там же, 60).

235. Его упрекнули за то, что он принял в подарок плащ от Антипатра. Он ответил:

Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных.

(Диог. Лаэрт., VI, 66; ср.: Гомер. Илиада, III, 65).

236. Один человек приставал к гетере с известными просьбами. Диоген обратился к нему: «Зачем ты, несчастный, хочешь получить то, от чего лучше отказаться?» (Диог. Лаэрт., VI, 66).

237. Человеку, сильно пахнувшему благовониями, он сказал: «Смотри, чтобы твои благовонные волосы не провоняли всю твою жизнь» (Там же).

238. Он говорил, что рабы служат своим господам, а дурные люди — страстям (Там же).

239. Спрошенный, почему раб получил название «муженогий», Диоген ответил: «Потому, что ноги у него, как у мужей, а душа — подобна твоей, мой любознательный» (Там же, 67. Иное объяснение даёт Евстафий в схолиях к «Одиссее», I, р. 1416: «Рабы называются „муженогими“, потому что они подчинены господам и находятся у них как бы на положении ног». Ср. его же комментарии к «Илиаде», VII, 475).

240. Когда его стыдили за то, что он просит милостыню, а Платон не просит, он сказал, что и тот просит, но

Голову лишь приклонив, чтобы его не слышали другие.

(Диог. Лаэрт., VI, 67; ср.: Гомер. Одиссея, I, 157).

241. Увидев неумелого лучника, он сел рядом с мишенью, приговаривая: «Это для того, чтобы он не угодил в меня» (Диог. Лаэрт., VI, 67).

242. Влюблённые, говорил он, ради удовольствия готовы испытать все несчастья (Там же).

243. Спрошенный, является ли смерть злом, ответил: «Какое же это зло, если его присутствия мы не чувствуем?» (Там же, 68).

244. Когда Александр подошел к Диогену и спросил: «Ты меня не боишься?» — философ спросил, в свою очередь: «А ты — зло или добро?» Царь ответил: «Добро», — «Кто же боится добра?» — удивился Диоген (Там же).

245. Он говорил, что образование даёт юношам благоразумие, старикам — утешение, беднякам — богатство, богачам — украшение (Там же).

246. Увидев однажды, как распутный Дидимон взялся лечить глаз у одной девицы, он сказал: «Смотри, как бы, исцеляя у девушки глаз, ты не повредил ей чего-нибудь другого» (Там же).

247. Когда кто-то пожаловался, что друзья строят против него козни, он посетовал: «Что же делать, если с друзьями придётся обходиться, как с врагами?» (Там же).

248. Спрошенный, что самое прекрасное у людей, ответил: «Свобода слова» (Там же, 69).

249. Зайдя в школу и увидев там много статуй, изображавших Муз, и мало учеников, сказал: «С божьей помощью, учитель, у тебя полно учащихся» (Там же; ср.: Афиней, VIII, р. 348).

250. Свою продажу в рабство он перенёс с большим достоинством. Во время плавания на Эгину он был захвачен пиратами, во главе которых стоял Скирпал, увезён на Крит и там продан в рабство. На вопрос глашатая, что он умеет делать, Диоген ответил: «Править людьми». При этом он показал на одного богато одетого коринфянина (это был упомянутый уже Ксениад) и добавил: «Продай меня этому человеку. Он нуждается в господине». Так Ксениад купил его, отвёз в Коринф и приставил к своим детям и вообще поручил ему управление всем домом. А Диоген так хорошо справлялся со всеми своими обязанностями, что Ксениад повсюду ходил и говорил: «В моём доме поселился добрый гений». Клеомен в сочинении под названием «Педагогик» рассказывает, что друзья Диогена хотели выкупить его из рабства, а тот назвал их глупцами, добавив, что не львы являются рабами тех, кто их кормит, а наоборот. Ведь это рабу свойствен страх, а дикие звери внушают страх людям (Диог. Лаэрт., VI, 74—75).

251. Увидев человека с бритым лицом, Диоген обратился к нему: «Не собираешься ли ты привлекать к ответу природу за то, что она сотворила тебя мужчиной, а не женщиной?» Когда же он увидел подобного субъекта верхом на лошади, надушенного и в соответствующем платье, то сказал: «Раньше я всё спрашивал себя, что это такое „б... на лошади“, гиппопор, а теперь, наконец, увидел» (Афиней, XIII, 565с).

252. Тем, кто бранил его за то, что он занимается рукоблудием, Диоген отвечал: «Если бы только я мог, потирая живот, избавиться от голода и нужды!» Диоген в своём «Государстве» предлагает заменить монеты игральными бабками (Там же, IV, 158f; 159с).

253. Философ Диоген на вопрос, как стать знаменитым, ответил: «Совсем не думать о славе» (Феон Софист. Прогимнасы, V, О нужде).

254. Македонский царь Александр остановился около спящего Диогена и спросил:

Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?

На что Диоген ответил:

Коему вверено столько народа и столько заботы. (Феон Софист. Прогимнасы, V, О нужде; ср.: Эпиктет. Беседы, III, 22, 92. Стихи из «Илиады», II, 24, 25 / Пер. Н. Гнедича).

255. Мальчишка расшалился, а дядька-педагог его ударил. Диоген увидел это и сказал: «И это называется воспитание?» (Феон Софист. Извлечения. — Базиль, с. 121).

256. Диоген говорит, что смерть не является злом и не заключает в себе ничего безобразного. Далее он утверждает, что слава — это только пустая болтовня безумцев. Быть голым, говорит он, лучше всяких одежд, окаймлённых пурпуром. Спать на голой земле, всё равно что на мягчайших подушках. Человек, учил он, проявляется в его дерзаниях, спокойствии духа, свободе, в чистоте и подобранности его тела (Эпиктет. Беседы, I, 24, 6—8).

257. Диоген указал на какого-то софиста средним пальцем. Тот вышел из себя. Тогда Диоген сказал: «Это и есть он. Таким я его вам и представил» (Там же, III, 2, 11).

258. Диоген где-то говорит, что есть единственное средство сохранить свободу — спокойно умереть, и пишет македонскому царю, что тот не в силах поработить государство афинян — не более чем рыб. «Как же так? — отвечал царь. — Разве они мне не попадутся на удочку?» — «Даже если попадутся, тотчас же сорвутся с крючка и уйдут прочь, как рыбы. А если и поймашь какую-нибудь, она сразу же умрёт. Если же покорённые они умрут, какая тебе польза от всех твоих военных приготовлений?» (Там же, IV, 1, 30-31).

259. Диоген говорил: «Тому, кто нуждается в спасении, нужно искать или верного друга, или заклятого врага, чтобы, получив наставления или указание на ошибку, избежать порока» (Плутарх. Об успехе в добродетели. — Гуттен, т. 7, с. 259; ср.: Он же. О различии между льстецом и другом, 51).

260. Увидев в Коринфе сына Дионисия, ставшего из тирана простым человеком, Диоген сказал: «Какую недостойную жизнь ты ведёшь, Дионисий. Ведь тебе не следовало жить здесь вместе с нами в свободе и спокойствии, а там, на родине, запертым во дворце тирана, как отец, влачить свою жизнь до самой старости» (Плутарх. Следует ли старику управлять государством, I. — Гуттен, т. 12, с. 100; ср.: Плутарх. Тимолеонт, 15).

261. На вопрос, как отомстить врагу, Диоген сказал: «Стать добрым и честным» (Плутарх. О том, как слушать поэтов. — Гуттен, т. 12, с. 80).

262. Рассказывают, что это было в начале философского пути Диогена Синопского. У афинян был праздник, повсюду пышные пиры, зрелища, дружеские встречи и гулянья на всю ночь. А Диоген, свернувшись калачиком в каком-то углу на площади, собрался спать, но в голову пришли мысли, которые заставили его волноваться и прогнали сон. Он думал, что без всякой необходимости ведёт жизнь, полную трудов и отличную от других, и сидит в одиночестве, лишённый всяких жизненных благ. Но тут, говорят, он заметил мышь, которая суетилась около крошек от его скромной лепёшки. Тогда он снова воспрянул духом и стал себя ругать и срамить: «Как ты смеешь так думать, Диоген?! Мышь радуется остаткам от твоей трапезы, а ты, благородный человек, плачешься и горюешь, что не валяешься пьяным там, на мягких пёстрых коврах?» (Плутарх. Об успехе в добродетели. — Гуттен, т. 7, с. 248; ср.: Элиан. Пёстр, ист., XIII, 26. См. выше, фргм. 121).

263. Диоген говорил, что даже Сократ жил в роскоши, потому что заботился о своём маленьком доме, ложе и даже о своих сандалиях, которые иногда надевал (Элиан. Пёстр, ист., IV, 11).

264. Получив от Диотима из Кариста немного денег, Диоген сказал:

О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме.

Ясно, какова была нравственность Диотима (Там же, 27. К развратному Диотиму Диоген обратился со словами, которыми Одиссей приветствовал дочь Алкиноя Навсикаю. См.: Одиссея, VI, 180—181).

265. В присутствии Диогена спартанец хвалил афоризм Гесиода: «Если бы не был сосед твой дурён, то и бык не погиб бы». Диоген возразил на это: «Но мессенцы погибли вместе со своими быками, а вы их соседи» (Элиан. Пёстр, ист., IX, 28. Стих принадлежит Гесиоду, см.: Труды и дни, 348).

266. Диоген пришел к Олимпию. Там, среди праздничной толпы он заметил нарядно одетых юношей с Родоса, рассмеялся и сказал: «Всё это гордыня». Потом он повстречал молодых людей из Спарты, одетых в грубые и грязные плащи. «И это гордыня, — сказал он, — только на другой манер» (Элиан. Пёстр, ист., IX, 34).

267. У Диогена болело плечо — может быть, от раны или по какой другой причине. Когда стало видно, что его особенно мучает боль, один из его недоброжелателей с издевкой сказал: «Не умереть ли тебе, Диоген, и тем избавить себя от несчастий?» На это последовал ответ: «Тем, кто знает, что следует делать и говорить в жизни, нужно жить (а к таким он причислял и себя), а тебе, не знающему, что нужно говорить и делать, лучше всего умереть. Мне же, знающему всё это, надлежит жить» (Там же, X, 11).

268. Кинический философ Диоген имел такой возвышенный и величественный образ мыслей, что, захваченный в плен разбойниками, которые кормили его самой скудной и скверной пищей, не был сломлен обрушившейся на него судьбой и не утратил жестокости грабителей. «Чудное дело, — сказал он. — Собираясь продавать поросят или баранов, их усиленно кормят, чтобы они нагуляли мясо, а человека, самое превосходное из всех животных, продают по самым низким ценам и истощённым недоеданием». После этого он получил вполне достаточно пищи. Вместе с другими он был выставлен на продажу, сидел впереди и что-то ел с совершенно независимым видом, уделяя от своей еды другим. Один, как он заметил, сидел, не только пригорюнившись, но совсем пав духом. «Не печалься, — сказал он ему. — Пользуйся тем, что есть».

Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.

Когда кто-то из покупателей, забавляясь, спросил: «Эй, ты, какое ремесло знаешь?» — он ответил: «Править людьми», — и голос его, как казалось, выражал свободу духа, благородство и природную царственность. Во время отдыха он обычно шутил, когда другие, погружённые в свои думы, совсем приходили в отчаяние. Рассказывают, например, что, заметив одного покупателя, страдавшего женской болезнью, да и с лицом, не похожим на мужское, он подошёл к нему и сказал: «Купи меня. Кажется, тебе нужен мужчина?» Тот

пришел в страшное смущений, так как хорошо знал свой недостаток, и поспешил скрыться, а остальные испугались его разящей дерзости (Филон Александр. О том, что каждый мудрец свободен. — Франкоф, с. 883. Стихи из «Илиады», XXIV, 602—604/Пер. Н. Гнедича).

269. Увидев, как один из тех, кого называют вольноотпущенниками, важничал, а многие его приветствовали, был удивлён их неразумием и опрометчивостью и сказал. «Это похоже на то, как если бы кто-нибудь вдруг объявил, как глашатай, что один из его рабов с сегодняшнего дня будет грамматиком, или геометром, или музыкантом, хотя ни об одной из этих наук тот даже слыхом не слыхал. Но, как крик глашатая никого не может сделать специалистом, так он не может сотворить свободных (хотя это было бы прекрасно), а только — рабов» (Филон Александр. О том, что каждый мудрец свободен, с. 888).

270. Диоген, сознавая, что философствовать ему предписано пифийским Аполлоном, считал, что всё следует доказывать делами, а не пробавляться чужими мнениями, может быть истинными, а может быть ложными (Юлиан. Речи, VI. — Липс, т. 1, с. 191).

271. Когда в присутствии Диогена какой-то юноша в толпе выпустил ветры из живота, философ поколотил его палкой, приговаривая: «Ах, дрянь, ты ещё ничего не сделал, чтобы сметь так поступать при народе, а уже начинаешь презирать наше мнение?» (Там же, с. 197).

272. Голод прекращает любовь, а если не можешь голодать, то надень верёвку на шею (Там же, с. 198).

273. Тираны, говорил Диоген, не из тех, кто ест простую пищу, а из тех, кто роскошно обедает (Там же. Полнее этот афоризм приведен у Порфирия. О воздержании, I, 47: «Воры и врачи, — говорил Диоген, — не из тех, кто ест простую кашу. Сикофанты же и тираны едят мясо»),

274. Увидев безумного мальчика, Диоген сказал: «Дитя, тебя породил пьяница» (Плутарх. О воспитании детей, 3. — Гуттен, т. 7, с. 4).

275. Царь Александр, увидев спящего в бочке Диогена, сказал: «О бочка, исполненная мудрости!» Философ встал и произнёс: Великий государь,

Мне б каплей счастья лучше быть, чем бочкой разума.

Ему возразил один из благожелателей в свите царя:

За каплю разума готов всё счастье мира я отдать.

Нет разума — увы, несчастен человек.

(Антоний и Максим. Рассужд. о судьбе благоприятной и враждебной).

276. Диоген говорил, что истинное наслаждение заключается в том, чтобы душа была спокойной и весёлой. Без этого всё золото Мидаса и Креза не принесёт никакой пользы. Когда человек печалится о малом или о большом, его уже нельзя считать счастливым, он несчастен (Избр. изречения Демокрита, Эпикура и других философов из «Лионского

кодекса», № 168, с. 26).

277. Те, кто многим нравится, скорее могут быть названы евнухами, чем философами (Письма киников, Диоген, XI).

278. Должно исследовать,

Что у тебя и худого и доброго дома случилось. (Диог. Лаэрт., VI, 103).

279. Человеку, показавшему ему часы, Диоген сказал: «Да, полезная штука, чтобы не опаздывать на обед» (Там же, 104).

280. Тому, кто хочет обучать его музыке, он сказал:

Умом людей разумных процветают город, дом,
А не бряцаньем лир и флейт игрой.
(Там же)

281. Диоген любил говорить, что только боги ни в чём не нуждаются, а богоподобные люди нуждаются в малом (Там же).

282. Неплохо сказал Диоген человеку, который удивился, увидев змею, обвившуюся вокруг пестика. «Не удивляйся. Было бы гораздо чудеснее, если бы ты увидел; пестик, обвившийся вокруг прямой змеи» (Климент Алекс. Стромат., VII, 712).

283. Он смеялся над теми, кого мучила жажда, но кто проходил мимо источников и искал, где бы купить хиосского или лесбосского вина. Они, говорил Диоген, гораздо глупее пасущегося скота, который никогда не пройдёт мимо источников или чистого ручья, когда хочет пить, а когда хочет есть, с удовольствием поедает нежные побеги и траву (Дион Хрис. Речи, VI. — Рейске, с. 202).

284. Ноги он никогда не обувал, потому что, как говорил, они не нежнее глаз или лица. Последние, очень чувствительные по природе, легко выносят холод благодаря постоянной закалке. Не может быть, чтобы люди ходили с глазами обутыми, как ноги (Там же, с. 203).

285. Он говорил, что богачи похожи на новорождённых, так как всегда нуждаются в пелёнках (Там же).

286. Он говорил, что люди из-за своей изнеженности живут несчастнее животных, которые пьют воду и питаются растениями; большинство из них в течение всего года ходят голыми, они не заходят ни в один дом, не нуждаются в огне и живут столько, сколько им установила природа, если, правда, их никто не убьёт. Они все в одинаковой степени сильны и здоровы, не нуждаются ни во врачах, ни в лекарствах. Люди же, так сильно привязанные к жизни, придумавшие столько средств, чтобы отдалить смерть, в большинстве случаев не достигают глубокой старости, а страдают многочисленными болезнями, которые-то и назвать нелегко, а для лечения им уже недостаточно лекарств, предоставляемых им землёй: они ещё нуждаются в железе и огне. Ни один врач — ни Хирон, ни Асклепий, ни его сыновья не могут

облегчить их участь из-за их невоздержанности и порочности. Им не помогут ни прорицатели с их прорицаниями, ни жрецы с их очистительными жертвами (Там же, с. 205).

287. Он говорил, что люди собираются в города, чтобы обороняться от внешних врагов, но при этом делают самые неслыханные вещи, будто именно ради них они и собрались в одно место. Как ему казалось, смысл сказания о Прометее заключается в том, что Зевс наказывает его за изобретение и передачу огня людям, что было началом и первым шагом к изнеживанию и роскоши. Что же касается Зевса, то он вовсе не ненавидит людей и не завидует их благу (Там же).

288. Некоторые говорили, что человек не может жить так же, как другие животные, потому что тело у него нежное, к тому же он наг, не покрыт шерстью, как большинство животных, нет у него ни перьев на теле, ни толстой шкуры. На это Диоген отвечал: «Люди так изнежены только из-за своего образа жизни, потому что большей частью избегают как жару, так и мороз. Отсутствие растительности на теле здесь не помеха. Он приводит в качестве примера лягушек и много других животных, гораздо нежнее человека и с ещё меньшей растительностью, но которые не только выдерживают колебания температуры, но даже зимой могут жить в ледяной воде. Да и у самих людей, говорил он, глаза и лицо не нуждаются ни в каких укрытиях.

Вообще нет ни одного живого существа, которое бы не могло жить там, где оно родилось. В противном случае, как могли уцелеть первые люди на земле, когда не было ни огня, ни жилищ, ни платья и никакой другой пищи, кроме той, что росла сама собой? Последующим поколениям не принесли пользы для жизни ни их хитроумие, ни многочисленные изобретения, ни их машины. Ведь люди использовали свой ум не для мужества и справедливости, а для удовольствий. Постоянно охотясь только за удовольствиями, они делали свою жизнь всё более безотрадней и трудней. Когда им казалось, что они больше всего заботятся о себе, в это самое время дела у них шли всё хуже именно по той причине, что они очень заботились и пеклись о своем благополучии. Поэтому справедливо, как гласит легенда, Прометей был прикован к скале, а коршун терзал его печень...» (Там же).

289. Когда Диоген Синопский был изгнан из родного города, он прибыл в Элладу и жил то в Коринфе, то в Афинах. Он говорил, что подражает образу жизни персидского царя, который зимой жил в Вавилоне и Сузах, иногда в Бактрах, т. е. самых тёплых местах Азии. Лето же проводил в Экбатанах Мидийских, где воздух всегда веет прохладой, и лето похоже на вавилонскую зиму. Так и он меняет свои резиденции в соответствии с временами года (Там же, с. 197).

290. Диоген говорил, что мудрый человек должен быть похож на хорошего врача, который спешит с помощью туда, где больше всего больных. Так и место мудреца там, где больше всего людей неразумных, и он должен изобличать и порицать их неразумие (Дион Хрис., VIII, 5. — Рейске, с. 276).

291. Он давал возможность встретиться с собой всякому, кто этого хотел, и говорил, что его удивляет следующее обстоятельство: если бы он заявил, что лечит зубы, то к нему собрались бы все, кому нужно выдрать зуб, а если бы он пообещал исцелять глаза, то,

клянусь Зевсом, к нему бросились бы все показывать свои гноящиеся глаза. То же самое произошло, если бы он объявил, что знает лекарство от болезни селезенки, подагры или насморка. Когда же он обещает исцелить всех, кто его послушается, от невежества, пороков и распущенности, никто к нему не является и не просит лекарства, если бы даже вдобавок получил ещё приличную сумму денег (Там же, 7—8. — с. 277).

292. Он говорил, что похож на лаконских собак. Когда их выставляют на продажу, многие подходят, гладят и ласкают, но никто их не покупает, так как не знают, что с ними делать (Там же, с. 279).

293. Он говорил в шутку, что его правильно бранят «собакой» (так называли его из-за свирепости и ворчливости) и добавлял, что собаки нередко сопровождают своих хозяев на празднества, но никого там не трогают, а лают и набрасываются лишь на воров и мошенников. А если кто напьётся и заснет, то псы не спят и охраняют его (Дион Хрис., IX, 3. — Рейске, с. 288).

294. Но, когда он увенчал себя сосновым венком, коринфяне послали служителей и приказали снять венок и впредь не делать ничего противозаконного. Он спросил их, что противозаконного в том, что он надел на себя сосновый венок. Другие делают то же самое. Почему же их не обвиняют в противозаконных действиях? Кто-то из посланцев сказал ему: «Но ведь ты, Диоген, никого не победил». — «Напротив. Я одержал победу над многими очень сильными противниками — не чета тем рабам, которые здесь борются, метают диск, соревнуются в беге. Мои противники посерьёзнее — бедность, изгнание, забвение, а также гнев и печаль, страсть и страх и самое непобедимое или, скорее, труднопобедимое чудовище, коварное и растлевающее, — наслаждение» (Там же, 11—12. — с. 291).

295. Он учил, что упражнения бывают двух видов: одни касаются души, другие — тела. При постоянном упражнении духа создаются представления, облегчающие совершение добродетельных поступков. Один вид упражнений без другого недостаточен, причём хорошее здоровье и сила имеют для них большое значение, так как относятся и к душе, и к телу. Он приводил также примеры того, как легко благодаря упражнениям совершается переход к добродетели. Можно заметить, что как в простых ремеслах, так и в других искусствах специалисты, упражняясь, достигают удивительного совершенства и ловкости. Так, например, флейтисты и атлеты, чем больше упражняются каждый в своём деле, тем большего добиваются успеха. Если бы они перенесли свои упражнения также и на душу, то эти усилия не остались бы без пользы и результата (Диог. Лаэрт., VI, 70).

296. Он утверждал, таким образом, что в жизни невозможно достичь никакого блага без упражнений и что благодаря им можно всё одолеть. Бесплезным трудам следует предпочесть труды в согласии с природой, и жить счастливо; люди несчастны только из-за собственного неразумия. И когда мы привыкнем, то презрение к наслаждению само по себе будет доставлять высочайшее удовольствие. И как те, кто привык жить, испытывая наслаждения, с отвращением относятся к неудовольствиям, так приучившие себя к последним извлекают радости из презрения к самим удовольствиям. Так он учил и поступал в соответствии со своим учением. Это и впрямь было «перечеканкой монеты», так как он меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы. Он

утверждал, что ведёт такой же образ жизни, как и Геракл, всему предпочитая свободу (Там же, 71).

297. Без закона, говорил он, невозможна жизнь в государстве, так как вне государства нельзя извлечь никакой пользы от цивилизации, а государство — плод цивилизации. Вне государства нет никакой пользы от закона, следовательно, и закон есть плод цивилизации. Высокое происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, называя их украшениями испорченности. Пример единственно совершенного государственного устройства он находил только во Вселенной (Там же, 72; ср. выше, фрмг. 222).

298. Он учил также, что женщины должны быть общими, брак не ставил ни во что, кроме союза, основанного на взаимном согласии. Поэтому и дети должны быть общими (Диог. Лаэрт., VI, 72).

299. Он не видел ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причём, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов. Более того, согласно здравым рассуждениям, все элементы содержатся во всём и во всё проникают. Так, например, в хлебе заключено мясо, а хлеб в овощах; и во всём находятся частицы других веществ, проникающие через невидимые поры в виде испарений (Там же, 73).

300. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными дисциплинами можно, считал он, не заниматься как бесполезными и ненужными (Там же).

301. Уже смертельно больной, Диоген Синопский, с трудом передвигаясь, дотащился до какого-то мостика вблизи гимнасия, там упал и попросил сторожа палестры бросить его тело в Илисс, когда заметит, что он уже больше не дышит. Так мало заботили Диогена и его собственная смерть, и погребение (Элиан. Пёстр. ист., VIII, 14). Диоген Лаэртский (VI, 79) так описывает смерть философа: «Некоторые авторы сообщают, что, будучи при смерти, он оставил наказ, чтобы его не погребали, а бросили на съедение диким зверям или кинули в ров, покрыв тело только тонким слоем пыли. По другим свидетельствам, он просил сбросить его в реку Илисс, чтобы принести пользу своим [меньшим] собратьям[108]».

Кратет Фиванский

Из стихотворных сочинений

1. Любовь проходит с голодом, а если нет, — со временем.
Но если и от этого не догорит огонь,
Один тогда бедняжке путь — скорее в петлю лезь.

(Антолог, Плануда, I, 37. — Этьен, с. 38; Стобей. Антолог. XLI; у Диогена Лаэртского (VI, 86) читаем:

Любовь проходит с голодом, а если нет, — со временем.
А если так не справишься, петля тогда — спасение.

Почти те же стихи у Суды (под словом «Кратет»); ср.: Климент Алекс. Стромат., II, 493; Юлиан, VI, 198 и др.).

2. Остров есть Пера среди виноцветного моря порока.
Дивен и тучен сей остров. Владений окрест не имеет.
Дурень набитый и трутень, как и развратник негодный,
Жадный до толстого зада, в пределы его не допущен.
Смоквы, чеснок и тимьян в изобилье тот остров рождает.
Граждане войн не ведут и не спорят по поводам жалким,
Денег и славы не ищут, оружием к ним путь пробивая.
(Диог. Лаэрт., VI, 85. Здесь Кратет подражает Гомеру (Одиссея, XIX, 172—173); ср.: Апулей. О магии, 26; Деметрий Фалерский. О стиле, 259. «Пера» — нищенская котомка киника).

3. Дай десять мин ты повару и драхму лишь — врачу,
Тому, кто льстит, — талантов пять и шиш — советчику.
А девке дать не жаль талант, философу ж — обол.
(Диог. Лаэрт., VI, 86. Иронические советы от имени прожигающего жизнь богача).

4. Здравствуй, богиня моя, мужей добродетельных радость.
Скромность имя тебе, Мудрости славной дитя.
Благость твою почитает, кто справедливости предан.
(Антолог. Плануда, I, 12; Юлиан, VI, 199. Фрагмент представляет собой начало гимна Скромности).

5. То, что узнал и продумал, что мудрые Музы внушили, —
Это богатство моё; всё прочее — дым и ничтожность
(Диог. Лаэрт., VI, 86; ср.: Плутарх. Как можно себя хвалить. ..., 17. — Гуттен, т. 10, с. 209).

6. Славные дочери Зевса-владыки и Мнемосины,
Музы Пиэрии, к вам слово молитвы моей.
Пищу пошлите вы мне — не могу голодать постоянно.
Только без рабства: оно делает жалкою жизнь.

.....
Буду полезен друзьям, льстить только им не учите.
Деньги же грех собирать, копить скарабею богатство.
Быть не хочу муравьём — только себе и себе.
Хочется праведным стать и такое добыть мне богатство,
Чтобы к добру привело, делая лучше людей.
Этого только б достичь, Гермесу и Музам пречистым
Жертв дорогих не свершу, делом святым отплачу.

(Юлиан, VI, 199с; ср.: Там же, VII, 213Ь. Весь отрывок — пародия на элегию Солона, приведённую Стобеем (Антолог., IX, 25). Слова «буду полезен друзьям...» направлены против паразитов, которые стремились не столько приносить пользу, сколько говорить приятное. Последний стих фрагмента перекликается с мыслями Диогена у Юлиана, VI, 199).

7. В котомке, что за сила, знать не можешь ты.
Бобов не знаешь сладости и жизни без забот.
(Стобей. Антолог., ХСVII, 31; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 86).

8. Идешь далече, милый мой горбун.
Согбенный старостью, в Аид свой держишь путь.
(Диог. Лаэрт., VI, 92).

9. Когда Александр спросил его, хочет ли он, чтобы его родной город был восстановлен, он ответил: «Зачем? Придёт, пожалуй, новый Александр и снова разрушит его». Он говорил, что его родина — безвестность и бедность, неподвластная даже судьбе, и что его соотечественник — Диоген, человек, недоступный зависти (Там же, 93. Муллах предполагает, что за словами «...разрушит его» должны следовать стихи, и пытается восстановить их; однако в рукописях в этом месте стихов нет; ср.: Элиан, Пёстр, ист., III, 6; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, VII, 1).

10. Все побеждай, не сдавайся, гордая духом и силой.
Золоту ты неподвластна и всё сжигающей страсти.
Правда, большая любовь не может быть спутницей подлых.
И все заключают строчки:

Те, кто не сломлен вконец жалким рабством у радостей жизни,
Чтут лишь царство одно — бессмертное царство свободы
(Климент Алекс. Стромат., II. — Поттер, с. 492).

11. Меня согнуло время, мудрый чародей.
Болезни шлет оно, всех делает слабей.
(Стобей. Антолог., СХVI, 31).

12. Сильпона там я узрел, казнимого страшною казнию.
В городе, где, повествуют, лежище было Тифона.
Споры он в Мегарах вёл с неисчётными окрест друзьями,
Спорили долго они, добродетели имя пороча.
(Диог. Лаэрт., II, 118).

13. Видел я Асклепиада, того, что жил во Флиунте,
Рядом стоял Менедем, на быка, как две капли, похожий.
(Диог. Лаэрт., II, 126).

14. Видел потом я Микилла, живущего в тяжких страданиях,
Шерсть он усердно чесал, и жена ему в том помогала
В битве жестокой за жизнь голода так избегали.
(Плутарх. Как избегать долгов, 7. — Гуттен, т. 12, с. 214).

15. Бобы собирай и моллюсков...
(Стобей. Антолог., V, 67).

16. Бранил, я слышал, старость ты: «Большое зло!»
Какое ж зло? Замена ей одна лишь смерть.
Мы все стремимся к старости. Когда ж придёт,
Печалимся. Природы мы не ценим дар.
Ведь никогда так не желанна жизнь, как в старости.
(Стобей. Антолог., CXV, 9. Возможно, эти стихи взяты из какой-то комедии Антифана, где выведен Кратет, рассуждающий о старости).

17. Отечество моё — не только дом родимый,
Но всей земли селенья, хижина любая,
Готовые принять меня в свои объятия.
(Диог. Лаэрт., VI, 98).

Гномы и апофтегмы

18. Бедность — не порок, сказал бы Эпиктет, но и Кратету Фиванскому она не казалась злом, когда он пожертвовал родному городу всё свое состояние, сказав при этом:

— Кратет Кратета сам имущества лишил.

Только тогда лишь он почувствовал себя свободным и надел венки, будто в знак обретённой свободы, потому что сменил богатство на бедность (Симпликий. Комментарий к «Энхейридиону» Эпиктета, X. — Швейг, с. 107; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 87; Элиан. Пёстр, ист., III, 6; Плутарх. Как избегать долгов, 8; ср. также: Диог. Лаэрт., VI, 88; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, I, 10).

19. Брак, который влечёт за собой разврат и прелюбодеяния, говорил он, трагичен, ибо его следствием являются изгнание и убийства, а браки тех, кто вступает в связь с гетерами, дают сюжет для комедий, так как распутство и пьянство приводят лишь к безумию (Диог. Лаэрт., VI, 89).

20. Вступившись однажды за кого-то, Кратет стал упрашивать гимнасиарха, коснувшись рукой его бёдер. Когда тот пришел в ярость, он сказал: «Разве твои ляжки чем то отличаются от колен?» (Там же).

21. Он говорил, что невозможно найти человека, который никогда не совершал бы ошибок, подобно тому как в гранате среди зёрен всегда найдется хоть одно, да гнилое (Там же, 89).

22. Раздразнив однажды кифареда Никодрома, он получил от него здоровенную затрещину, оставившую след на лице. Тогда он прилепил на лоб записку: «Сделано Никодромом» (Там же: ср. выше: Диоген Синопский, фр. 96).

23. Деметрия Фалерского, приславшего ему хлеба и вина, он попрекал словами: «О, если бы источники приносили и хлеб!» Из этого ясно, что пил он только воду (Диог. Лаэрт., VI, 90; ср.: Афиней, X, 422С).

24. Когда Кратет получил замечание от афинских астиномов за то, что надел кисейное покрывало, он сказал: «Я докажу вам, что и Феофраст ходит в кисее». Когда они не поверили ему, он повел их в цирюльню и показал на Феофраста, которого в то время брили (Диог. Лаэрт., VI, 90).

25. В Фивах он был избит гимнасиархом, и, когда его волокли за ноги, он, не теряя присутствия духа, декламировал:

Влѣк он, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага
(Диог. Лаэрт., VI, 90. Стих из Илиады, I, 591).

26. Зенон Китийский в своих «Хриях» рассказывает, что Кратет был настолько ко всему безразличен, что даже пришел к своему плащу заплату из кусочка овечьей шкуры (Диог. Лаэрт., VI, 91).

27. Лицом он был безобразен, и, когда занимался гимнастическими упражнениями, над ним смеялись. Поднимая руки, он обычно говорил: «Будь уверен в своих глазах и теле, Кратет. Придѣт время, и ты увидишь, как эти насмешники, уже давно измученные болезнями, почтут тебя счастливым, а себя самих будут бранить и поносить за свою лень» (Там же).

28. Он любил говорить, что философией нужно заниматься до тех пор, пока военачальников не станут считать простыми погонщиками ослов (Там же, 92. Философия, говорил он, состоит в презрении ко всем привычным человеческим ценностям. Занимаясь ею, человек достигает такой высоты духа, что ни во что не ставит ни воинские, ни какие-либо другие почести и награды).

29. Те, кто живет среди льстецов, говорил он, так же беспомощны, как телята в стаде волков. Ни тем, ни этим нельзя помочь — кругом одни враги (Там же).
30. Кратет говорил, что неразумные люди похожи на коловорот: без нажима и принуждения они ничего не хотят делать из того, что положено (Стобей. Антолог., IV, 52).
31. Кратет пришёл на рыночную площадь и, видя, как одни продают, а другие покупают, сказал: «Вот люди! Делают прямо противоположное и считают себя счастливыми. А моё счастье состоит в том, что я свободен и от того и от другого — не продаю и не покупаю» (Там же, V, 52).
32. Кратет называл льстецов «чего изволите-с», обедающими вместе (Там же, XIV, 16).
33. Богатому юноше, окружённому толпой прихлебателей, Кратет сказал: «Молодой человек, как жаль мне, что ты так одинок!» (Там же, 20).
34. Рассказывают, что Кратет Фиванский приходил в дома, раздираемые ссорами, и словами о мире разрешал споры (Антоний. Рассужд. о согласии и мире),
35. Не от всякого можно принимать подарки. Непозволительно, чтобы добродетель кормилась пороком (Антоний и Максим. Рассужд. о благодеянии и милости).
36. Увидев молодого атлета, который обильными возлияниями, мясной пищей и тренировками нагонял себе мускулатуру, Кратет сказал: «Безумец! Перестань строить для самого себя тюрьму» (Антоний и Максим. Рассужд. о невоздержанности и ненасытности).
37. Украшением можно считать то, что украшает, говорил Кратет. А украшает то, что делает женщину более скромной. Её не делает такой ни золото, ни смарагды, ни румяна, а то, что преисполняет серьёзностью, сдержанностью и стыдливостью (Плутарх. Супружеский наставления. — Гуттен, т. 7, с. 419; Стобей. Антолог., LXXIV, 48).
38. Кратет говорил, что снискал себе известность и славу не богатством, а бедностью (Стобей. Антолог., XCVII, 27).
39. Знаменитый философ древности Кратет любил повторять: «Если бы можно было подняться на самое высокое место в городе и закричать оттуда громким голосом: „Эй, вы, люди! Куда вы стремитесь? Зачем столько тратите сил, чтобы приобрести себе богатства, а о детях, которым вы всё это оставите, почти не заботитесь?“» (Плутарх. О воспитании детей, 7. — Гуттен, т. 7, с. 16).
40. Кратет, у которого только и было, что нищенская сума да плащ, всю жизнь прожил, шутя и смеясь, как на празднике (Плутарх. О спокойствии духа, 4. — Гуттен, т. 10, с. 6).
41. Когда Кратет заходил в любой дом, его там принимали с почётом и радушием. Поэтому он получил прозвище «Всех-дверей-открыватель» (Плутарх. Пиршественные беседы, II, 1, 1. — Гуттен, т. 10, с. 65. Об этом же свидетельствует Диог. Лаэрт., VI, 86; ср. выше фргм. 17).

42. Кратет Фиванский так говорил:

Миску большую не ставь перед нами,
Лучше похлебки налей. Восставать нас иначе заставишь.

(Афиней, IV, 158Ь. Эти же слова сохранены Плутархом (см.: О сохранении здоровья, 7. — Гуттен, т. 7, с. 380): «Кратет считал, что из-за роскоши и расточительности в государствах нередко вспыхивают мятежи и устанавливаются тирании. Поэтому он, шутя, наставлял: „Миску большую не ставь“» и т. д., т. е. не следует предпочитать бедной еде роскошные блюда, которые являются поводом для переворотов).

43. Кратет отдал своё имущество народу. Телесное уродство заставило его смеяться над своей хромоногостью и горбом. Он приходил в дома друзей, званный и незванный, примиряя близких друг с другом, когда замечал, что они в ссоре. Он упрекал, не причиняя боли, а тактично. Он не хотел, чтобы казалось, что он льстит тем, кого исправляет, а хотел приносить пользу как им, так и тем, кто его слушал (Юлиан, VI, 201).

44. Увидев золотую статую гетеры Фрины, установленную в Дельфах, Кратет воскликнул: «Вот трофей распущенности эллинов!» (Стобей. Антолог., VI, 39. То же рассказывает Плутарх (О счастье Александра Вел., II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 58), а также Афиней (XIII, 591Ь) и Элиан (Пёстр. ист., IX, 27)).

45. Согласно Кратету, умеренность, которая вводит наслаждение в определённые границы, спасает семьи, спасает и государства (Стобей. Антолог., V, 63).

46. Кратет говорил, что деньги богатых распутников похожи на смоковницы, растущие над пропастью. Человек не может ничего от них получить, там могут пожить лишь коршуны и вороны. Так и у этих богачей — только гетеры и льстецы (Там же, XV, 10).

47. Зенон рассказывает, что Кратет, сидя в сапожной мастерской, читал «Протрептик» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону. Стагирит писал, что ни у кого нет лучших условий для занятий философией. Он обладает таким большим богатством, что даже может позволить себе делать траты на философию. К тому же у него есть ещё и слава. Когда он всё это читал, повествует далее Зенон, сапожник слушал его и делал свое дело. Тогда Кратет сказал: «Я решил написать „Протрептик“ и посвятить его тебе, Филиск. Я вижу, что у тебя больше возможностей для философии, чем у того, кому написал своё сочинение Аристотель» (Там же, XCV, 21).

48. Поэтому Кратет так ответил человеку, спросившему его, какую пользу получит он от изучения философии: «Сумеешь легко развязать кошелёк и, запустив туда руки, щедро давать другим, а не так, как теперь, терзаясь, медля и дрожа, будто у тебя руки отнимаются. Ты будешь так же поступать, когда у тебя кошелёк полон, а если опустошится, не станешь горевать. Если решишься потратить деньги, легко сумеешь это сделать; не имея гроша за душой, не будешь желать ничего большего, но станешь жить, довольствуясь тем, что есть, не стремясь к тому, чего нет, вполне удовлетворенный действительностью» (Там же, XCVII,31).

49. Поэтому, если хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, не посылай его к Птолемею зарабатывать деньги. Если пошлешь, он уйдёт, приобретя лишь наглость, но ничего не добившись. Пошли его лучше в Академию к Кратету, которому удавалось людей ненасытных и распущенных превращать в свободных и скромных. Известный всем Метрокл рассказывал, что когда обучался у Феофраста и Ксенократа, хотя из дому он получал богатые посылки, однако боялся умереть с голоду и всегда терпел недостаток и нужду. Потом, перейдя к Кратету, он мог бы ещё и другого прокормить, хотя больше ему ничего не присылали. Ведь прежде ему надо было иметь обувь, и притом особенную, без подошвы и гвоздей, затем одежду из самой тонкой и мягкой шерсти, свиту рабов, дом, достаточно вместительный для устройства приёмов, белый хлеб, изысканную пищу, дорогое вино, роскошные угощения. Ведь такой образ жизни считался достойным свободного человека.

Тому же, кто переходил в школу Кратета, все это было не нужно. Став скромнее, он довольствовался грубым плащом, кашей и самыми простыми овощами и даже не вспоминал о прошлом образе жизни, радуясь настоящему. От холода мы ищем поплотнее гиматий, а он, сложив вдвое свой старый плащ, бродил повсюду, будто у него был не один, а два гиматия. Если он хотел умастить тело, то шёл в баню и натирался там оскрёбками. Иногда он подходил к печке, ставил на нее медную сковородку с рыбёшками, слегка поливал маслом и там же, присев, закусывал. Летом спал в храмах, зимой — в банях, ни в чем, как бывало прежде, не нуждаясь, не испытывая недостатка, но довольствуясь тем, что есть. Не желая иметь слуг, он повторял: «Было бы удивительным, если бы Манес без Диогена смог жить, а Диоген без Манеса — нет» (Там же, 31).

50. Если бы о счастливой жизни нужно было бы судить по обилию удовольствий в ней, то никто, по мнению Кратета, не мог бы считаться счастливым. Если бы кто-нибудь захотел обдумать все периоды целой человеческой жизни, то нашёл бы в ней значительно больше горестей, чем радостей. Во-первых, та половина жизни, когда мы спим, безразлична. Затем, первые шаги воспитания полны трудностей. Ребёнок голоден — кормилица укладывает его спать; хочет пить — она его купает. Хочет спать — гремит погремушкой. Когда сходит с рук кормилицы, попадает в руки дядьки-педагога, педотриба, учителя грамматики, музыки, рисования. Подрастёт, прибавляются новые заботы — арифметика, геометрия, верховая езда (а все учителя секут, поднимают чуть свет, а отдыха никакого).

Достигает ребёнок юношеского возраста, эфебии, — снова страх перед слугой-косметом, перед преподавателем военного дела, начальником гимнасия. И все его секут, держат под наблюдением, хватают за горло. Когда он уже выходит из возраста эфеба, ему двадцать лет, но и тут он боится и следит то за командиром отряда, то за военачальником. Где нужно караулить, они караулят; где нужно нести охраны или бодрствовать, они охраняют; сесть на корабли — они садятся. Становится мужчиной в полном расцвете сил — воюет, участвует в посольствах, занимается политикой, набирает на свой счёт хор, устраивает состязания и благословляет время, когда был ребёнком. Но проходит и пора зрелости, наступает старость. Снова с ним обходятся, как с ребёнком, и он жаждет юности: «О, милая мне юность! Ах, старость тяжелее Этно!» И не понимаю, каким образом хоть один человек мог бы прожить счастливую жизнь, если бы о ней судили только по обилию радостей и удовольствий (Там же, ХCVIII, 72)[109].

Моним Сиракузский

Апофтегмы

1. Он говорил, что богатство — это блевотина судьбы (Стобей. Антолог., XCIII, 36).
2. Кинический философ Моним утверждал, что лучше быть слепым, чем невежественным. Слепой может угодить в яму, невежда — в пропасть преступлений (Извлечён, из Флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина у Стобея. Антолог. — Майнеке, т. 4, с. 201; ср.: Иоанн Дамаскин, 2, 88).

Телет

Диатрибы

I. О явлении и сущности[110]

Говорят, что казаться справедливым лучше, чем быть им. Тогда, значит, лучше казаться хорошим, чем быть им?

— Конечно.

— Разве хорошие актёры искусно играют потому, что кажутся хорошими актёрами, а не потому, что в самое деле такие?

— Благодаря тому, что они действительно такие.

— А кифареды хорошо играют на кифаре потому, что так только кажется, или потому, что так оно и есть?

— Благодаря тому, что они в самом деле хорошие музыканты.

— И в остальном люди совершают добрые поступки потому, что считаются добрыми, или потому, что они действительно таковы?

— Потому что они действительно такие. Свойства, благодаря которым люди хорошо живут, более ценны, чем те, из-за которых они не в состоянии хорошо жить. Таким образом, пожалуй, лучше оказаться в действительности хорошим, чем только казаться; лучше также быть справедливым, чем казаться, ибо только тот действительно хорош, кто справедлив, а не только кажется справедливым.

— Ну, а как обстоит дело с остальными благами, которые кажутся людям таковыми? Ты предпочитал бы обладать ими или воображать, что обладаешь? Владеть или казаться владельцем? Далее, ты предпочёл бы действительно видеть или только казаться зрячим? Быть в действительности здоровым или только казаться им?[111] Быть в самом деле сильным или казаться? Быть богатым и окружённым друзьями или казаться таким? А в отношении душевных качеств? Что лучше — быть разумным или казаться? Обладать душевным спокойствием или казаться спокойным? Быть по-настоящему отважным, бесстрашным, мужественным или только казаться? Быть или казаться справедливым?

— Но я скорее предпочёл бы казаться храбрым, чем быть им.

— Разве храбрый человек не бесстрашен и спокоен, если только он действительно храбрец? Почему же ты всё-таки хочешь только казаться отважным, а не быть им?

— Тогда меня будут уважать.

— Да, тебя поставят впереди всех и потребуют, чтобы ты участвовал в поединке, станут хитрить, подстраивая, чтобы жребий пал именно на тебя, а когда он выпадет, будут радоваться, как в случае с Аяксом[112]. В каком же положении ты, будучи трусом, окажешься, когда столкнешься с опасностью? А когда попадёшь в плен и тебя примут за храбреца, на твои руки и ноги наденут тяжёлые цепи и пытать тебя будут в оковах. Ты будешь говорить правду, но никто тебе не поверит. Будут думать, что ты насмехаешься, потому что притворяешься стойким и несгибаемым. Вот смотри, что тебе придётся претерпеть, если ты только станешь делать вид, будто храбр и вынослив, ибо одно ты выдвигаешь на передний план, а другое скрываешь, подобно тому как это делают риторы.

II. Об автаркии[113]

Как хорошему актёру надлежит искусно играть ту роль, которую ему поручает в своей пьесе драматург, так и хорошему человеку следует уметь сыграть роль, назначенную ему судьбой. Ведь и она, утверждает Бион, как некий поэт: одному даёт роль протагониста, другому — дeвторoгониста, одному — роль царя, другому — бродяги-нищего. Будучи на вторых ролях, не стремись играть героев. В противном случае ты совершишь нелепый поступок[114]. Ты умеешь хорошо приказывать, я — повиноваться, — продолжает он. Ты хорошо воспитываешь многих, а я — одного лишь вот этого мальчугана. Ты богат и щедр, я же смело беру у тебя, не раболепствуя, не пресмыкаясь, не жалуясь на свою судьбу. Ты разумно пользуешься своим большим достоянием, а я — малым.

Ведь, говорит Бион, не только большое богатство нас кормит и не только им можно благоразумно пользоваться, а малый и скромный достаток будто бы уж нельзя использовать целесообразно и непритязательно. Поэтому, продолжает он, если бы вещи, как мы, люди, обладали даром речи и могли защищаться, разве не заговорили бы они, подобно рабу, который, найдя убежище в храме, оправдывается перед господином: «За что ты преследуешь меня? Разве я у тебя что-нибудь украл или не выполнял всех твоих приказаний? Может быть, я не приношу тебе назначенный оброк?»

Так и Бедность, пожалуй, ответит на упреки, адресованные ей: «Что ты против меня имеешь? Разве из-за меня ты лишился чего-нибудь хорошего? Благоразумия, справедливости, мужества? Может быть, ты нуждаешься в чём-нибудь необходимом? Разве, куда ни пойдёшь, не полным-полно всякой зелени или в источниках иссякла вода? Разве в моём обществе нельзя испытывать радости? Разве ты не наблюдал, как мурлычет старушка, грызя свою корочку? Когда ты испытываешь голод, не я ли даю тебе дешёвую и простую пищу? Разве голодный человек не получает наслаждения от еды и не менее всего нуждается в приправах? А тот, кто испытывает жажду, не пьёт в сладость и лишь томится в ожидании редких напитков? Может быть, голоден тот, кто хочет съесть пирожное, или жажда томит того, кто выпил бы дорогого хиосского вина?[115] Разве ко всему этому стремятся люди не из-за распушенности? Разве я, Бедность, не представляю тебе

бесплатное жильё: зимой — бани, летом — храмы? Где ещё найдёшь такую полную воздухом и великолепную летнюю резиденцию, как я здесь, в Парфеноне? — спрашивает Диоген»[116].

Если бы такую речь произнесла Бедность, что бы ты мог на это возразить? Я бы, по крайней мере, онемел. Но мы скорее склонны считать виновными всех и вся — старость, бедность, первого встречного, день, час, место, но только не собственное упрямство и глупость. Поэтому, говорит Диоген, он слышал, как Порок обращался сам к себе с упрёком:

В этом никто не виновен, — лишь я во всём виноватый[117].

Но большинство слепо обвиняют не самих себя, а обстоятельства. Бион же говорит: «Так случается, когда имеешь дело с тварями: неловко дотронешься — последует укусы; если змею схватить посередине, она тебя укусит, если же ухватиться за шею, то ничего не будет». Так, говорит он, и с обстоятельствами: если на них напасть, исход будет печальным, а если ты ухватишься за них, как Сократ[118], то ничего дурного не случится. В противном случае тебе придётся плохо, и вовсе не из-за обстоятельств, а вследствие твоего собственного характера и твоих ложных взглядов.

Поэтому не следует пытаться изменить обстоятельства, а лучше самому подготовить себя к любому обороту событий, как это делают моряки. Ведь они не прилагают усилия к тому, чтобы изменить ветры или состояние морей, но готовятся к тому, чтобы примениться к ним. Море спокойно — налегают на вёсла. Ветер по курсу — поднимают паруса. Подул противный ветер — паруса свёртываются. Так и ты. Приспосабливайся к обстоятельствам. Постарел — не строй из себя мальчика. Слаб — не старайся казаться сильным, но поступай по примеру Диогена. Когда однажды он себя неважно чувствовал, а какой-то человек толкнул его и хотел сбить с ног, он всё же не упал и, указав на колонну, сказал: «Милейший, вот принимайся за неё и сваливай!»

Ты беден — не старайся жить, как богач, а поступай так, как при изменении погоды: попутный ветер — поднимай паруса, враждебный — опускай. Так же действуй в соответствии с обстоятельствами: богат — распускай паруса; беден — сворачивай. Но, к сожалению, мы не умеем довольствоваться наличным, пока для нас так много значат жизненные удобства, работу же мы считаем позором, а смерть — худшим из зол. Если же достичь того, чтобы и удовольствия презирать, и к трудам не относиться с предубеждением, быть равнодушным к славе и бесславию и смерти не бояться, тогда можно поступать как угодно и не причинить себе боли.

Поэтому, как уже говорилось, я не понимаю, каким образом в самих обстоятельствах может заключаться что-нибудь неприятное — в старости, бедности, изгнании. Хорошо говорит Ксенофонт: «Если я покажу тебе двух братьев, наследовавших равное состояние, но одного живущего в нищете, а другого — в довольстве, не ясно ли станет, что здесь виной вовсе не деньги, а нечто совсем другое?»[119] Поэтому, если я покажу тебе двух стариков, двух бедняков, двух изгнанников, но один из них живёт в полном спокойствии и благополучии, а другой — в постоянной тревоге, не ясно ли, что тут виной не старость, не бедность, не изгнание, а нечто совсем иное?

А вот как обошёлся Диоген с человеком, который жаловался на дороговизну в Афинах. Он взял и повёл его в парфюмерную лавку и спросил, сколько стоит флакончик кипрского масла. «Мину», — ответил хозяин. «Да, дорогой город Афины!» — воскликнул Диоген. Тогда он повёл этого человека в харчевню и спросил, сколько стоит тарелка супа. «Три драхмы». — «Что и говорить, дорогой город», — возмутился Диоген. Потом он справился о цене тонкой шерсти и стоимости овцы. «Мина», — ответили ему. «Дорогой город! — снова воскликнул он. — Теперь посмотрим, что тут», — и подвел его к продавцу бобов. «Почем мера?» — «Грош», — ответил торговец. «Дешёвый город!» — заметил Диоген. Подошел к продавцу смокв. «Два гроша». — «Ну, а миртовые ягоды?» — «Два гроша». — «Поистине дешёвый город Афины!» Следовательно, не город дорог или дешёв, а он кажется дорогим или дешёвым в зависимости от образа жизни. В одном случае — дешёвым, в другом — дорогим. Точно так и в остальном. Поступаешь разумно, всё кажется простым и лёгким, неразумно — всё кажется тяжелым.

— Но всё же, сдаётся мне, в бедности есть нечто тяжкое и обременительное, и скорее, пожалуй, нужно больше уважать того, кто спокойно переносит бедную старость, чем старость в богатстве. — Но что плохого и обременительного в бедности? Разве Кратет и Диоген не были бедняками? Разве бедность была им тяжкой, когда они избавились от тщеславия и научились питаться дешёвой пищей и просить подаяния? Тебя постигла беда, и ты кругом в долгах. «Бобы собирай и моллюсков...» — советует Кратет. Поступай так и легко одержишь победу над бедностью.

Почему, скажи мне, нужно больше ценить того, кто спокойно проводит старость в бедности, чем богатого старика? Ведь не так легко узнать, что собственно такое богатство и бедность. Много стариков достаточно богаты, а всё недовольны. Есть, впрочем, и бедняки недостойные, жалкие и ничтожные. Одному нелегко пользоваться богатством и в то же время оставаться свободным и независимым, а другому — быть бедным и благородным. Перед каждым из них стоит одна и та же задача: кто умеет разумно пользоваться многим, тот сумеет справиться и с малым. И если это удаётся бедным, то нужно продолжать жить, если же нет, то легко уйти из жизни, как уходят с праздника.

Бион говорит: «Подобно тому как мы покидаем квартиру, когда хозяин, сдавший нам её, не получает своевременно плату и отнимает ключи от дверей, забирает посуду и не даёт пользоваться колодцем, так же мы покидаем наше брэнное тело, когда природа, сдавшая нам его в аренду, отнимает зрение, слух, руки, ноги. В этом случае я не собираюсь задерживаться в мире и уйду, словно с пира, ничуть не расстраиваясь, из жизни, когда пройдёт мой час, и мне скажут: „Взойди на корабль!“ Подобно тому как опытный актер мастерски играет и в начале пьесы, и в середине, и в самом конце, так и мудрый человек хорошо проживает начало своей жизни, середину и достойно встретит свой конец. Когда мой плащ превращается в лохмотья, я бросаю его и больше не надеваю».

Так и жизнь, когда она уже ничего не стоит, я не влачу её и не цепляюсь за неё, но покидаю её, если уж не в силах быть в ней счастливым. Так поступил и Сократ. Ведь он вполне мог, если бы захотел, убежать из тюрьмы, но, когда судьи предложили ему заплатить денежный штраф, он не обратил на это предложение никакого внимания, а захотел, чтобы его почтили бесплатным кормлением в Пританее[120]. Из трёх отпущенных ему на приготовление к

смерти дней он в первый же день выпил яд, не дожидаясь последнего часа третьего дня и захода солнца. В первый же день совершенно спокойно, как рассказывает Платон[121], без содрогания, не изменившись ничуть в лице, не побледнев, но даже весело и мужественно взял чашу и выпил одним глотком весь яд. Выплеснув остаток, как при игре в коттаб, он протянул чашу и сказал: «За твоё здоровье, мой Алкивиад!»[122]

...Сократ спокойно переносил также дурной нрав своей жены и не раздражался, когда она громко бранилась. Когда же Критобул спросил его: «Как ты только терпишь такую сожительницу?» Он, в свою очередь, спросил его: «А как ты — своих гусей?» — «Какое мне дело до гусей?» — удивился Критобул. «Так вот и я обращаю на неё не больше внимания, чем на гусыню!»[123] Когда в другой раз Сократ пригласил Алкивиада на завтрак, а Ксанטיפпа, проходя мимо, в сердцах перевернула стол, он не огорчился и не закричал: «Что за безобразие!» — чтобы своими сетованиями устыдить её, а просто собрал всё упавшее со стола и попросил Алкивиада снова поставить на место. Тот сделал вид, что не слышит, и сидел смущённый, отвернувшись от стыда. Тогда Сократ сказал: «Выйдем на улицу. Кажется, Ксанטיפпа сегодня вымещает на нас своё дурное настроение».

Несколько дней спустя он сам завтракал у Алкивиада, как вдруг налетела огромная птица и перевернула блюдо с едой. Сократ отвернулся, как бы испытывая стыд, и перестал есть. Тогда Алкивиад засмеялся и спросил: не потому ли он не завтракает, что пролетела птица и всё свалила. Он ответил: «Конечно. Ведь накануне, когда Ксанטיפпа перевернула стол, ты не захотел есть, так теперь, думаешь, я стану есть, когда птица перевернула блюдо? Может быть, ты полагаешь, что она чем-нибудь отличается от глупой птицы? Если бы свинья перевернула стол, ты не стал бы сердиться, — продолжал он. — А если бы это сделала жена с нравом свиньи, то не потерпел бы?»

III. Об изгнании[124]

Человеку, думающему, что изгнание отрицательно влияет на умственные способности, было бы, как мне кажется, полезным привести сравнение из области искусств.

В самом деле, во время пребывания на чужбине человек не начинает хуже играть на флейте и не разучивается исполнять свою роль в театре. Так же обстоит дело и со способностью принимать правильные решения. А тому, кто считает изгнание вредным по какой-либо другой причине, нужно только напомнить слова Стильпона[125], о которых я уже раньше вспоминал: «Каких, по твоему мнению, благ лишает человека изгнание — духовных, телесных или внешних? Может быть, оно лишает его благоразумия, способности правильно мыслить или делать добрые дела?» — «Конечно, нет». — «Тогда, возможно, оно отнимает у него мужество, чувство справедливости или ещё какую-нибудь добродетель?» — «Нет», — «Может быть, что-нибудь из телесных благ? Но разве на чужбине нельзя быть таким же здоровым и сильным, обладать таким же острым зрением и слухом (а иногда даже более острым), как на родине?» — «Конечно, можно». — «Не внешних ли благ лишаются люди в изгнании? Но разве мы не наблюдали, что у многих, после того как они становились изгнанниками, дела в создавшихся обстоятельствах складывались гораздо лучше? Разве Феникс, изгнанный Аминтором из Долонии, не бежал в Фессалию?»

И пришел я во Фтию, овец холмистую мать,
Прямо к Пелею-царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рождённого старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил[126].

И всем известный Фемистокл сказал: «Дети, мы погибли бы, если бы не погибли»[127].
Подобных примеров сколько угодно. Каких же благ лишает человека изгнание, причиной
каких несчастий оно является? Что касается меня, я этого не знаю. Это мы сами часто себя
закапываем, независимо от того, находимся ли мы в изгнании или на родине.

— Тебя не поставят у власти, ты по будешь пользоваться доверием и свободой слова.

— Но некоторые изгнанники становятся начальниками городской охраны на службе у царей
и даже правителями целых народов, получая богатые подарки и доходы. Разве изгнанный
из Италии известный Ликин не был у нас губернатором и не стал доверенным лицом
Антигона, а мы, находясь у себя дома, не подчинялись ли приказам Ликина? Ну а
Гиппомедон из Лакедемона[128], которого поставил ныне правителем Фракии Птолемей,
или афиняне Хремонид и Главкон[129], разве они не его ближайшие помощники и
советники? Это тебе не какие-нибудь примеры из древней истории, а наша
действительность. И разве в конце концов его не поставили во главе огромного флота и не
доверили громадную сумму денег, которой он мог распоряжаться по собственному
усмотрению?

— Но в своей собственной стране изгнанники не могут стоять у власти.

— Да, но этого не могут делать и женщины, которые сидят дома, и дети, и вот эти мальчики,
и глубокие старики. Но разве они от этого страдают? Может быть, они огорчатся из-за
того, что они не евнухи и поэтому не участвуют в свите матери богов Кибелы? Не всё ли
равно — быть правителем или жить как частный человек? Ты правишь многими (или
немногими) взрослыми, а я руковожу несколькими детьми и в конце концов просто
осуществляю власть над самим собой. Ведь одним и тем же опытом овладевают как многие,
так и каждый в отдельности: и государственный деятель, и тот, кто берётся построить дом,
и на чужбине, и дома. Одна и та же рассудительность нужна как правителю государства,
так и частному лицу.

— Что будет, коли я не стану править, а буду жить частной жизнью?

— Но ты не сумеешь вести частную жизнь.

— А я и сейчас не могу, например, участвовать в празднике Фесмофорий, как женщины — в
празднествах Эниалия, никто также не может войти в святилище храма, но если кто-нибудь
станет печалиться по этому поводу, разве это не было бы ребячеством? Подчас я не могу
попасть в гимнасий, но, придя в баню, я намазываюсь тем же самым маслом для борцов, как
и раньше в гимнасии. Так и в данном случае. Понимая, что здесь мне недоступна частная
жизнь, я переселяюсь и живу в другом месте. Подобно тому как, перейдя с одного корабля
на другой, можно и на нём совершить удачное путешествие, так, сменив один город на

другой, я могу и там быть счастливым. Таким образом, для меня не такое уж большое несчастье или позор не жить среди дурных людей. Разве это мой позор, а не тех, кто изгнал меня, хотя я честен и справедлив?

Неплохо эта мысль выражена Филемоном. Однажды он поставил на сцене свою пьесу и возвращался домой. Некоторые из встречных вежливо говорили ему: «Какой хороший день был у тебя сегодня, Филемон». На что он отвечал: «Вы говорите так, потому что только сейчас увидели мою комедию. Но я всегда пишу хорошие пьесы».

— Разве это не позор, когда тебя изгоняют дурные люди?

— Что же, ты бы предпочел быть изгнанным достойными людьми? Или не таков смысл твоего вопроса? Ведь добропорядочные люди никого не изгоняют бессмысленно и несправедливо. В противном случае они не были бы добропорядочными. — Тогда не позорно ли, что такие люди открыто или тайно голосуют против тебя? — Это не твой позор, а тех, кто устраивает по такому поводу открытое или тайное голосование. Если бы, например, отпустив прекрасного врача, они выбрали на его место аптекаря и поручили бы ему дело государственной важности, то, как ты думаешь, это было бы позором и бедой врача или тех, кто участвовал в выборах?

— Но как не считать несчастьем по крайней мере то, что человек, так много сделавший для родины, вынужден видеть в ней только дурное и бранить за неблагодарность? — Но как же можно назвать несчастьем, когда человек узнает правду, которой он прежде не знал? Может быть, даже скорее это счастье, если позволено так сказать? Ты, пожалуй, будешь благодарен, узнав, что твоя жена негодяйка и злоумышленница, о чём раньше ты и не догадывался, а раб, сбежавший от хозяина, к тому же ещё и вор, ибо впредь сможешь их опасаться. Поэтому, узнав, что родина несправедлива к тебе и неблагодарна, разве ты будешь считать себя несчастным, а не станешь испытывать благодарность?

— Всё же, несмотря на сказанное, мне кажется чем-то прекрасным жить там, где родился и вырос.

— Даже если дом, в котором ты родился и вскормлен, прогнил, протекает и обветшал? Разве ты не пересел бы с корабля, на котором родился и плавал с детства, если бы он был только утлым суденышком и тебе приходилось бы буквально разорваться, работая вёслами, на другой — двадцативёсельный, более надёжный и удобный? Над тобой смеются — ты с Киферы, ты с Микония, а ты вот с Бельбины[130]! И тем не менее продолжают твердить: великое дело — жить там, где родился и вырос, хоть большинство городов почти полностью уничтожены, а жители — нечестивцы.

— Прекрасна и мила родина уже сама по себе.

— Но многие бранят тебя за то, что ты метэк:

Ты здесь родился, вырос, но не раб ли ты? Ты восхищаешься основателем Фив Кадмом[131], а меня, если я не имею прав гражданства, презираешь? Восхваляя Геракла как величайшего героя, разве мы считаем позором то, что он метэк, ибо, изгнанный из Аргоса, жил в Фивах

как чужеземец. Спартанцы не считают это позором, и человека, участвующего в походе и честно выполняющего свой долг, будь он чужеземец или илот, почитают наравне с лучшими, а труса, пусть он будет даже из царского рода, причисляют к илотам и не допускают к управлению государством.

— А не позорно ли быть погребённым не на родине?

— Но как может быть позором то, что часто случается даже с самыми доблестными мужами? И разве можно назвать почётной привилегией то, что легко достаётся самым дурным из людей? Сократа хвалят, когда, порицая афинян, он иронизирует: «Стратеги, которыми они так гордятся, покоятся в чужой земле, а позор демократии — на государственном кладбище»[132]. И несмотря на это, быть похороненным вдали от родины позорно, а на государственном кладбище почётно? Метко ответил один аттический изгнанник, когда кто-то корил его: «Тебя похоронят вдали от родины, как нечестивых афинян в Мегарах». — «Нет, как благочестивых мегарцев в Мегарах», — возразил он. И вообще, какая тут разница?! Разве, как говорит Аристипп, путь в Аид не повсюду один и тот же?[133] Даже если тебя совсем не похоронят, что тебе до того? Борьба за погребение, напоминает Бион, породила много трагедий. Так, Полиник просит:

Меня земле предайте, мать и ты, сестра,
В отчизне милой. Граждан убедить должны
Мне разрешить покоиться в родной земле,
Хоть возмутил я всех и многих погубил[134].

Но если тебя не схоронят в земле отцов, а могила твоя останется в чужой стране, что за беда? Разве лодка Харона перевозит в Аид только из Фив?

Покой найти в земле родной — нет выше благ[135].

Ну, а если не найдёшь покой, а останешься без погребения, что тебе до того? Какая разница — сожгут ли тебя на костре или собаки сожрут, станешь пищей для воронья на земле или для червей в земле?

Закрой глаза мои своей рукой, о мать моя![136]

А если не закроет тебе глаза и ты умрёшь с открытыми глазами и разинутым ртом, что в том страшного? Разве тем, кто умирает в море или на полях сражений, кто-нибудь закрывает глаза? Мне, по крайней мере, всё это кажется какой-то игрой... Мы боимся смотреть на труп и прикасаться к нему, [египтяне же] бальзамируют его и хранят дома как нечто прекрасное и даже берут трупы в залог[137]. Так их обычаи отличаются от наших.

IV А. О бедности и богатстве[138]

— Обладание богатством, как мне кажется, избавляет людей от недостатка и нужды.

— Каким это образом? Разве ты не видишь, что некоторые люди, владеющие, как кажется, немалым богатством, не пользуются им из-за грязной жадности и уподобляются Приаму,

который не захотел сидеть в кресле, хоть

много их в комнате было[139],
и сел на землю,
катаясь в пыли[140].

Есть такие люди, которые, несмотря на то что у них много всякого добра, по скупости ни к чему не прикасаются, а мыши и муравьи у них больше изгрызают, чем они потребляют сами. Так и Лаэрт, один со старой служанкой удалившись в деревню, мучается и чахнет, в то время как женихи истребляют его добро[141]. Так и Тантал, как рассказывает поэт[142], стоит в озере, а над головой у него висят плоды, но, как только

воды захлебнуть порывался
или сорвать плоды, озеро высыхало и
разом все ветви дерёв к облакам подымались тёмным.

Так скупость и безнадёжность у некоторых людей вырывает и вино, и хлеб, и фрукты и забрасывает, правда, не «к облакам потемневшим», а часть — на рынок, часть — в лавки, люди же, хоть и испытывают сильную жажду и голод, ни к чему не прикасаются. Но, если такого скрягу кто-нибудь пригласит, тут-то он угостится на славу; из своих богатств другому он ничего не уделит, да и сам, как бы ни томился, мучит себя воздержанием. Человека, который попытался бы лишиться его имущества, он сочтёт своим злейшим врагом. Себя же самого не считает своим врагом, хотя и лишает себя всего.

По-моему, древние[143] удачно высказывались по этому поводу: то, что не освобождает человека от ненасытности скупости и чванства, то не может освободить его от нужды и недостатка, которые сами по себе не освобождают от ненасытности, скупости и чванства, ибо не могут измениться характер человека. Во всяком случае, характер благоразумных людей не меняется под влиянием бедности, когда из богатых они становятся бедными. Скорее, как мне кажется, можно сказать, что приобретение богатства изменяет цвет кожи, рост или взгляд, чем характер. До тех пор пока человек будет ненасытен, жаден, кичлив и труслив, до той поры он будет испытывать нужду и недостаток.

— Но как люди могут испытывать недостаток в том, чем они владеют?

— А как менялы нуждаются в деньгах, хотя у них есть они? — спрашивает Бион. Потому, что то, чем они распоряжаются, им не принадлежит. Так и эти люди не властны над тем, что имеют. Если тебе дадут что-нибудь на минутку, и ты не можешь им воспользоваться, это ведь то же самое, что и совсем не иметь. Какая разница — вовсе не иметь или иметь так, как форкиды, у которых, согласно легенде, глаз был на спине, и поэтому они натыкались на заборы или падали в канавы и грязь, потому что они не могли ничего видеть перед собой, а Персей похитил у них и этот глаз?[144]Какая разница — не иметь пищи или иметь такую, которой нельзя воспользоваться [так, например, сирийцу нельзя есть] рыбу[145] или голубей, в Египте не станут есть собаку, у греков — человеческую голову. Ведь всё равно будет нуждаться в пище и тот, кто имеет подобную еду, и тот, кто не имеет её вовсе. Тогда что за толк в таком обладании?

Скажем, у тебя есть деньги, но ты ими не пользуешься из-за грязной и трусливой скупости. В этой связи неплохо говорили древние; у одних есть средства, а у других — имущество[146], ибо одни ими пользуются, а другие только имеют, но и сами к ним не прикасаются, и с другими не делятся[147].

И как нельзя касаться имущества, когда царь или правитель опечатывает его, так скупость и безнадёжность опечатывают имущество таких людей и не дают к нему прикоснуться. Так они и живут в нужде и недостатке, стремясь обладать многим, но пользоваться им не в состоянии. Поэтому Кратет [Сократ?] на вопрос одного человека: «Какую пользу я получу от занятий философией?» — ответил: «Сумеешь легко развязать свой кошелёк и дать другому всё, что захватит там рука, а не так, как теперь, вертя его в руках, дрожа и медля, будто тебя паралич схватил. Полон твои кошелёк или пуст, тебе будет безразлично, и ты не станешь страдать из-за этого. Захочешь потратить деньги, то сделаешь это с лёгким сердцем. Ничего не имея, не станешь желать большего, а будешь жить, довольствуясь тем, что есть (*arcoumenos tois parousi*), не стремясь к тому, чего нет, не огорчаясь из-за сложившихся обстоятельств».

Если кто-нибудь хочет сам освободиться от нужды и недостатка или другого освободить, пусть не гонится за богатством ни для себя, ни для другого. Потому что это было бы похоже на то, говорит Бион, как если бы кто-нибудь, желая избавить от болезни страдающего водянкой, не стал бы его лечить, а предоставил бы в его распоряжение источники и реки. Больной скорее будет пить, пока не лопнет, чем избавится от жажды, а тому всё будет мало, пока он не освободится от ненасытности, тщеславия и суеверий. Поэтому если ты хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, то не посылай его к Птолемею[148] зарабатывать деньги. От него он вернётся к тебе, прихватив с собой ещё и чванство, и ты ничего не добьёшься. Пошли его лучше к Кратету[149], ибо из ненасытных и расточительных он умеет делать свободных и скромных людей.

Известный Метрокл утверждает: обучаясь у Феофраста и Ксенократа[150], он боялся умереть с голоду и всегда испытывал нужду и недостаток, хотя из дому ему очень много присылали. Когда же в дальнейшем он перешёл к Кратету, а из дому ему уже больше ничего не присылали, он мог содержать не только самого себя, но ещё одного товарища. Ведь раньше он был вынужден носить обувь, да к тому же не на гвоздях, изящную одежду, содержать целую свиту слуг, большой дом для дружеских пирушек, покупать только белый хлеб, изысканную пищу, тонкие вина, соответствующие угощения и тому подобные предметы роскоши. В его прежнем окружении только такой образ жизни считался достойным свободного человека. Когда же он перешёл к Кратету, ничего такого не требовалось.

Характер его изменился — он стал нетребовательным и довольствовался одним плащом, ячменными лепёшками и овощами, не сожалея о прошлом образе жизни, довольствуясь настоящим. Во время холодов мы выбираем себе одежду потеплее, а Кратет складывал свой плащ вдвое и ходил в нём повсюду, имея таким-то удивительным образом два плаща. Когда у него появлялась потребность умаститья, он отправлялся в баню и намазывался там уже использованным однажды маслом. Иногда он подходил к печам кузнецов и жарил там селёдку, слегка поливая её маслом, присаживался и таким образом устраивал себе завтрак.

Летом он спал в храмах, зимой — в банях. Так и Метрокл научился ни в чём не нуждаться, как прежде, и всего у него было в достатке. Жил он, довольствуясь тем, что есть, не испытывая потребности в слугах. Ведь было бы удивительным, говаривал Диоген, чтобы Манес мог жить без Диогена, а Диоген без Манеса не мог бы сохранять даже присутствия духа[151]. Если сделать из человека хвастуна, мота, суеверного, тщеславного и жадного, а потом дать ему ещё много денег, ничего хорошего из этого не получится. Неплохо сказано у Филемона:

Богатство ты добудешь, честность — никогда[152].

Когда же оно не увеличивается, люди недовольны, им не хватает того, что есть, а хотят ещё и того, и другого, и такого, и этакое, поэтому при таких запросах они всегда будут испытывать нужду и недостаток. Плохие люди всегда ненасытны[153].

Мальчик хочет стать поскорее юношей: превратившись в юношу, стремится снять с себя хламиду эфэбов; перейдя в возраст зрелого мужчины, торопится к старости. А теперь, говорит он, мне жизнь не в жизнь: походы, литургии, политика. Так и отдохнуть некогда. Стал стариком — мечтаешь, чтобы вернулась молодость:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле[154].

А там, глядишь, и жизнь ребенка считаешь счастливой. Ты раб, поэтому жаждешь поскорее освободиться. «Когда я добьюсь свободы, больше мне ничего не надо», — говорит он. Стал свободным. Сейчас же сам стремится обзавестись рабом. Появился раб. Захотел ещё одного. Объясняет: «Одна ласточка не делает весны». Стал хозяином двух рабов — захотелось купить имение, потом получить афинское гражданство, потом стать начальником, потом царём, потом, как Александр, бессмертным. Только если он и этого добьётся, то, я думаю, в конце концов у него появится желание стать самим Зевсом. Как же такой человек сможет быть когда-нибудь довольным? Чем ещё ему нужно владеть, чтобы избавиться от подобных желаний?

Даже цари, которым подчиняется столько земель и которые получают огромные доходы, тем не менее испытывают нужду. Иначе зачем бы им грабить могилы и храмы, сгонять, попирая справедливость, людей с насиженных мест? Только вступив на престол, они уже выдумывают себе много новых потребностей и не могут потом ни отказаться от власти, ни жить поскромнее. Так они вынуждены пользоваться многим даже против собственной воли. Если же кому-нибудь из них посчастливится стать выше всего этого, то он превращается в человека в высшей степени воздержанного и лишённого потребностей и желаний.

Мудро сказал Кратет:

В котомке что за сила, знать не можешь ты.
Бобов не знаешь сладости и жизни без забот.

И в самом деле, как велика и удивительна сила котомки, бобов, овощей, воды! Благодаря им люди могут ни о чём не заботиться и жить свободными от заискиваний и лести.

IV В. О бедности и богатстве[155]

— Бедность препятствует занятиям философией, для них необходимо богатство.

— Нет, с этим нельзя согласиться. Как ты думаешь, сколько людей не имеют условий для этих занятий по вине богатства и сколько — из-за бедности? Разве не видишь, что философией увлекаются главным образом люди несостоятельные, а богачи именно по вине этого своего богатства постоянно пребывают в заботах и тревогах? Хорошо сказал Феогнид:

Больше людей погубило, чем голод, богатство и пресыщение[156].

Может быть, ты мне показал бы тех, кому нужда помешала философствовать, как другим — богатство? Разве ты не замечал, что нужда помогает беднякам укреплять свой дух и тело (caiterein), а богатство ведёт к противоположному результату? Мне думается, когда человеку легко достаётся всё, чего бы он ни пожелал, он больше не чувствует необходимости трудиться и стремиться к чему-нибудь. Имея помощником своих недостатков богатство, он уже не может отказаться ни от каких удовольствий. Но видишь ли ты также, что богатым из-за их постоянной занятости своими делами некогда заняться ничем иным, а бедные, не имея подобных дел, обращаются к философии?

Зенон рассказывает, что Кратет, сидя однажды в сапожной мастерской, вслух читал «Протрептик» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону, где утверждается, что ни у кого нет более благоприятных условий для занятий философией, чем у него, ибо у царя достаточно средств для таких занятий, да к тому же они ещё принесут ему славу. Пока Кратет читал всё это, сапожник занимался своим делом и внимательно слушал. Тогда Кратет обратился к нему: «Послушай, Филиск. Кажется, я напишу „Протрептик“ специально для тебя, ибо, как я вижу, у тебя больше возможностей для занятий философией, чем у царя, которому посвятил свой труд Аристотель». Не видишь ли ты и того, что рабы не только себя кормят, но и платят оброк своим господам, а свободный и себя-то прокормить не умеет? Неимущий, как мне кажется, и от таких забот избавлен и, ничем не владея, имеет значительно больше свободного времени [чем богач]. Так, например, в происходящей сейчас войне[157] бедняк заботится только о себе самом, а богатый — и о других. Софокл вложил в уста Эдипа прекрасные слова:

У вас печаль лишь о самих себе,
Не более — а я душой болею
За город мой, за вас и за себя[158].

Но хотя люди знают, что всё так оно и есть, однако считают себя самыми несчастными, когда они бедны. Говорят, правда, и то, что в городах богатые пользуются большим почётом, чем бедные. Тот, кто так думает, по моему мнению, никогда не слышал об Аристиде, который был беднейшим из афинян, но пользовался огромным уважением, и когда они хотели установить дань (форос) для городов, то назначили для этого Аристида, считая, что никто другой не установит ее более справедливо.

Не слышал он и о том, что Каллий, самый богатый из афинян, старался всем продемонстрировать, что он близок с Аристидом, а не Аристид — что он близок с Каллием, и что Аристид гораздо больше сожалел о богатстве Каллия, чем Каллий — о бедности Аристида. Пользовался ли кто-нибудь большим почётом, чем Лисандр Спартанский, получил кто-нибудь другой больше наград, чем он? Но у него не было даже приданого для дочерей. Можно было привести ещё немало примеров, когда люди, жившие в бедности, удостаивались больших почестей, чем богачи. Мне кажется, Еврипид правильно восхвалял Этеокла, говоря, что в молодости он испытывал нужду, но

Никто другой почёта в Аргосе не знал,
как он[159].

V. О том, что удовольствие не является целью жизни[160]

Если бы счастье в жизни следовало определять по обилию в ней удовольствий, тогда, как утверждает Кратет, вообще не было бы счастливых. Напротив, если рассматривать всю жизнь по возрастным периодам, то обнаружится значительно больше в них неприятностей, [чем удовольствий]. Во-первых, половина жизни [для людей] безразлична: её проводят во сне. Далее, уже в детском возрасте жизнь полна огорчений. Ребёнок голоден, а кормилица укладывает его спать; он хочет пить, а она его купает; ребёнок поспал бы, а она гремит погремушкой. Выходит он из-под опеки няньки и попадает в руки дядьки-педагога, учителя гимнастики — педотриба, затем учителей грамоты, музыки, рисования. Становится старше — прибавляются новые учителя: арифметики, геометрии, верховой езды. [И все его бьют]. Мальчика будят ещё на рассвете и не оставляют ему ни минуты свободного времени.

Наконец, он становится эфебом. И опять он должен бояться надзирателя, учителей гимнастики, военного дела, начальника гимнасия. Все его колотят, все за ним следят, все его хватают за горло. Но кончаются и годы эфебии, и вот ему уже двадцать. Он опять должен бояться и находиться под наблюдением гимнастического начальства и командира-стратега. Собирается лечь спать — они тут как тут. Должен стоять на посту и бодрствовать — и они не спят. Ему надлежит подняться на борт корабля — и они за ним. Человек становится мужчиной и находится в расцвете сил — теперь он должен отправиться в поход, выполнять по поручению государства обязанности посла, становиться стратегом, хорегом, устройтелем состязаний. Теперь он считает счастливыми те дни, когда был ребёнком. Проходит расцвет, и наступает старость. Тут с тобой снова обращаются как с дитятей, а ты вспоминаешь о юности:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле[161].

Поэтому я не понимаю, как можно прожить счастливую жизнь, если считать счастьем одни удовольствия[162].

VI. О превратностях судьбы[163]

Тиха, судьба, похожа на драматического поэта, ибо создаёт много образов действующих лиц — потерпевшего кораблекрушение и нищего, изгнанника, человека знаменитого и безвестного. Разумный человек должен хорошо играть любую роль, которую она ему предназначит. Потерпел кораблекрушение — будь на высоте в роли потерпевшего. Из богача превратился в бедняка — хорошо играй роль бедняка:

Смертный, велик ты иль мал, ко всему готовым быть должен[164].

Будь доволен своей одеждой, образом жизни, который ведёшь, и своими слугами, как Лаэрт, который

...беды терпя, обитает далёко

В поле со старой служанкой, которая кормит и поит...[165]

Он и спал прямо на земле, на подстилке из соломы или

Кучу листьев опавших себе нагребёт для постели,
Там и лежит[166].

Если только не стремиться к роскоши, то всего этого достаточно как для удобств, так и для здоровья.

Не в угождение чреву счастье[167], не в изящной одежде, не в пуховой постели. Правильно говорит Еврипид:

... распущенность

толкает нас к еде изысканной[168].

Но не только к пище, а и к тому, что ласкает наше обоняние и слух.

Когда обстоятельства не позволяют, нечего стремиться к роскоши, но надобно, по примеру моряков, следить за направлением ветров и обстановкой. Благоприятствуют — пользуйся. Не благоприятствуют — жди. И подобно тому как на войне, тот, у кого есть конь, сражается как всадник, а другой — в полном вооружении, как гоплит, а третий, у которого ничего нет, как легковооружённый, и когда враг наступает и стреляет, он держится поближе к тяжеловооружённому, так следует поступать и в жизни. Приходится тебе переживать войну, нужду, болезнь — питайся раз в день, обслуживай сам себя, надевай плащ философа, в крайнем же случае ступай в царство Аида.

VII. Об апатии[169]

Не подобно ли тому, как нельзя говорить о гранате без зёрен или о людях без шеи или хребта, также не может быть речи о людях, не испытавших печали или страха? Или (если пользоваться этим же сравнением) не то же ли самое говорить о людях, никогда не совершавших ошибки и не испытавших зависти, что и о гранате без зёрен или о людях без хребта или шеи? Но как в том случае, когда говорят, что человек бесхребетный, это не значит, что у него совсем нет хребта, а просто потому, что у него нет именно такого хребта,

так обстоит дело и тогда, когда мы говорим о людях безумных или неразумных, не потому, что они вообще лишены ума и разума, а потому, что у них нет вот такого ума и такого разума. И когда мы говорим о человеке без хребта, мы понимаем, что хребет у него есть, но он никуда не годен. Так и у неразумного человека есть разум, но дурной; даже безумный имеет ум, но больной. Не так ли? Но, может быть, такое представление просто смешно?

Разве безгрешный человек это не тот, кто совсем не допускает ошибок, а независтливый и честный не тот, кто никогда не завидует и всегда честен, а человек простой и безупречный — не бесхитроsten и не лишён недостатков? А не знающий печали и страха, разве подвержен печали и страху? Так и счастлив только тот, кто не знает страстей и тревог. Но как может быть счастлив человек и как может ему нравиться жизнь, когда он живёт, испытывая боль, печаль или страх? Если он подвержен печали, не значит ли это, что ему не чужды также страх, боязнь, гнев и сострадание? Испытывая все эти чувства, люди огорчаются. Даже ожидание их заставляет пребывать в страхе и тревоге, а тех, кого, как им кажется, незаслуженно постигают эти неприятности, они жалеют, против виновников же направляют свой гнев, негодование и презрение.

Видя ненавистных им людей процветающими, они огорчаются и завидуют, а узнав, что они попали в беду, злорадствуют. Итак, если человек способен испытывать печаль, как он избавится от других чувств? Как можно быть бесчувственным, если ты не свободен от всяких чувств? Тот должен быть счастлив, кто не станет горевать из-за кончины друга или даже ребёнка, тем более из-за собственной смерти.

Разве не кажутся тебе малодушными люди, которые ожидают свою смерть, лишившись покоя и самообладания? Разве стойкому и мужественному человеку не следует собственную смерть встретить так же бестрепетно, как Сократ — без волнения и трусости? Может быть, чужую смерть нужно считать чем-то более тягостным, чем свою собственную? Разве не подобным же образом любят и ценят себя? Разве друга или ребёнка любят больше, чем самого себя? Достояна похвалы дочь, просящая мать:

...родная, давшая мне жизнь,
не проливай потоки слёз по мне[170].

А если мать выполнит просьбу, то её сочтут чёрствой. Между тем все хвалят спартанских женщин за их мужественный характер. Когда одна из них услышала, что её сын, спасая свою жизнь, убежал от врагов, она написала ему: «Плохие слухи о тебе здесь ходят. Или сделай так, чтобы они прекратились, или не показывайся мне на глаза!» Это было равнозначно — «Повесься!». Она не написала так, как это сделала бы в подобных обстоятельствах женщина из Аттики: «Как хорошо, мой сын, что ты сохранил себя дня меня». Когда же другой спартанке вестник сообщил, что её сын пал на поле брани, она только спросила: «Как он сражался?» И когда последовал ответ: «Как отважный воин, мать», — она промолвила: «Как славно, дитя. Ради того я тебя и родила, чтобы ты был полезным и храбрым защитником своей родной Спарты».

Она не стала рыдать и горько оплакивать сына, но, услышав, что он смело сражался, только хвалила его. И в другой раз эта же спартанка повела себя в высшей степени благородно.

Когда её сыновья бежали с поля боя и явились к ней, она сказала: «Вы явились сюда как беглецы? — и, задрвав подол, прибавила: Чего же вы стоите? Полезайте обратно туда, откуда вылезли!» Какая из наших женщин поступила бы таким же образом? Разве она не обрадовалась бы, увидев спасшихся сыновей? А те женщины поступают иначе. Они радуются, услышав о мужественной смерти своих детей... Известны слова одной спартанской эпитафии:

Жизнь сама по себе, как и смерть, ни дурна, ни прекрасна.
Жизнь прекрасно прожить и умереть ты сумеи[171].

Как же после всего сказанного не считать нелепым и безрассудным сидеть после смерти друга и изводить себя плачем и сетованиями? Тогда следовало бы скорее, чтобы прослыть у слабоумных философом, начать горевать и оплакивать друга ещё задолго до его кончины, размышляя над тем, что он явился на свет как смертный человек. «Глупо, — говорит Стильпон[172], — из-за мёртвых пренебрегать живыми. Крестьянин поступает иначе. Когда какая-то часть дерева засыхает, он не срубает и всё остальное, а заботливо выхаживает дерево, стараясь возместить ущерб. Да и мы поступаем так же, когда дело касается нас самих. Было бы смешно, потеряв один глаз, выколоть другой или искалечить вторую ногу, если захромает одна, или, наконец, когда заболит один зуб, выдрать и все остальные. Если бы кто-нибудь в подобных обстоятельствах так рассуждал, он был бы круглым дураком. Если у тебя умрет сын или жена, разве было бы естественным закопать самого себя при жизни, а всё оставшееся имущество уничтожить? А если умрет сын или жена кого-нибудь из твоих знакомых, ты станешь, пожалуй, его утешать, несмотря на свое убеждение, что несчастье нужно переносить мужественно, твёрдо и не слишком принимать к сердцу. Когда же такая беда постигнет тебя самого, ты думаешь, что должен страдать, а не спокойно нести своё горе. Если же дело касается другого, то его ты станешь убеждать проявлять выдержку как в несчастье, так и в бедности, не выходить из себя и не считать жизнь невыносимой. Явному злу ты противопоставишь явное зло и станешь доказывать: раз друг родился, значит он должен и умереть. Ты считаешь, что его смерть тебя обездолила, но забываешь, что его жизнь тебя обогащала. Ты считаешь себя несчастным, потому что, умерев, он больше не будет приносить тебе пользы, но забываешь, что был счастливым, когда живой он помогал тебе».

— Нет, почему же? Но ведь его больше не будет среди нас.

— Его не было и тысячу лет тому назад, не было и во время Троянской войны, не было и тогда, когда жили твои предки. Правда, это тебя не огорчает, а вот из-за того, что его не будет, ты расстраиваешься.

— Но ведь я многого лишился.

— Но вместе с тем ты лишился также многих неприятностей и расходов, которые нёс, помогая и ребенку, и другу при жизни[173].

[...] Ты также не получишь от друга никакой пользы, когда он уедет на чужбину или уйдёт на войну за родину, когда где-нибудь станет исполнять обязанности посла, жреца,

заболеет, или, наконец, просто превратится в глубокого старца. Но если ты будешь горевать по каждому такому поводу, то что же останется делать старухам? Это же совершеннейший вздор — считать, что друг должен отправиться в поход или на чужбину, а если он избегнет этого и не уедет, то упрекать его за ошибочное поведение и в то же время быть недовольным, если он всё-таки уедет в дальние края или отправится на войну. Как не похвалить моряка, воскликнувшего: «Привет, Посейдон! Иду ко Дну»[174]. Пусть и мужественный человек, обращаясь к Судьбе, скажет: «Привет, Тиха! Перед тобой настоящий мужчина, а не рохля».

Феникс из Колофона

Холиямбы

1. Ямбы Феникса

Многим из смертных, Посидипп[175] богатства
Не приносят пользы; им следует лишь таким имуществом
Владеть, которым они могут разумно распорядиться.
А ныне многие из окружающих нас честных и достойных
5 Людей вынуждены подыхать с голоду,
А те, кто, как говорится, гроша ломаного не стоит,
Купаются в богатстве. Но на что нужно тратить свои богатства,
А это самое главное, они не знают.
Дома же из драгоценных [камней] смарагдов,
10 (Если бы только это было выполнимо),
С портиками и четырёхколонными залами,
Которые стоят много талантов, они готовы купить.
Тем же, что необходимо для воспитания духа, они пренебрегают,
Всему предпочитая самое ничтожное в жизни —
15 Презренную выгоду и богатство.
Они не прислушиваются к разумным речам, которые
Сделали бы их души мудрее и научили распознавать добро
И справедливость. Разве, Посидипп, таким людям
20 Не удаётся владеть великолепными и дорогостоящими дворцами,
Тогда как сами они ни копейки не стоят?
И если хорошенько вдуматься, то очень справедливо сказать:
В голове у них одни только деревяшки да камни.

2. О Нине[176]

Как я слышал, некогда на земле жил человек
По имени Нин, ассириец, у которого было целое море золота,
Да и всего остального — гораздо больше, чем песка в Каспии.
За звёздами он не наблюдал, а если и смотрел [на небо], то просто так.
5 И у магов он не возжигал священного огня,
Как требует того обычай, прутьями касаясь бога[177].
Он не витийствовал и не судил людей,
Не умел он ни собрать народ, ни устроить смотр войску.
Но зато умел всласть поесть, выпить, любить.
10 Всё остальное он столкнул в пропасть.

Но вот умер человек и обратился ко всем с такими словами:

[Там сейчас город Нин и гробница поёт]

Послушай, кто бы ты ни был, — ассириец или мидянин,

Коракс или с дальних северных болот

15 Длинноволосый синд[178], — вот что я тебе скажу:

«Я, кто некогда был живым дыханием и носил имя Нина,

Ныне уже ничто и превратился в прах.

[Мне принадлежит ровно столько, сколько

Съел, сколько спал, сколько любил...][179].

20 А мои богатства терзают нахлынувшие отовсюду враги,

Словно вакханки, рвущие на части живого козлёнка.

[Я же, уходя в Аид, не взял с собой ни золота,

Ни коня, ни серебряной колесницы.

И хотя носил митру, теперь лежу здесь кучкой пепла]»[180].

3. Еще о Нине[181]

Для Нина бочка для купания — меч его, а кубок — копье,

Кудрей копна — лук со стрелами, чаши — врагов ряды,

А неразбавленное вино — кони горячие, вместо боевого клича —

«Окропите меня духами».

4. Песенка вороны[182]

Люди добрые, подайте вороне, дитятке аполлоновой,

Горсть ячменя или пшеницы миску,

Кусочек хлебушка иль просто грошик — кто чего хочет.

Подайте, люди добрые, вороне чего-нибудь

5 Из того, что у каждого под рукой. Она и горстку соли

Возьмёт. Ворона очень соль любит.

Кто даст сегодня соли горсть, тот завтра кусок отломит сот медовых,

Послушай, мальчик, отвори нам дверь! — Вот Плутос нас уже услышал,

И девушка несёт вороне смокв груду.

10 О боги, дайте ей всяких благ вдосталь.

Пошлите, боги, ей богатого и знатного мужа,

И пусть старик-отец понянчит на руках внука,

А мать положит на колени внучку,

.....

Жена пусть отпрысков растит для братьев.

15 А я, куда меня ни понесли бы ноги,

Всё гляжу неотрывно на Муз, и песенки свои пою у дверей,

И желаю добра каждому, кто даёт, да и тому, кто не даёт[183].

.....

Люди добрые, подайте, чем богат ваш дом,

И ты, хозяин, и ты, молодая хозяйка, давай, не жалея,

20 Таков уж обычай — дать, когда ворона просит.

Вот какая у меня песенка. Подай же что-нибудь. Ну, вот довольно, хватит!

5. Портрет скупца[184]

И из разбитой чаши кислым вином
Он совершает возлияние, держа её в скрюченных пальцах,
Дрожа, как беззубый старик при порывах северного ветра.

Анонимные холиямбические поэты

Против стяжательства

Фрагмент 1 (Лондонский папирус № 155 V)

... Нет никого, кто, изучая повадки наших
Современников, не взглянул бы на них без проклятий и ненависти.
Я расскажу тебе о них, Парн, со всей прямоотой,
Поскольку поэзия не напрасно должна коснуться твоих ушей.
Я покажу тебе, Парн, что людей покинула
Совесь, и они, как Гарпии с крючковатыми пальцами,
Готовы из каждого камня выдавить прибыль.
10 Каждый ищет, где бы пограбить,
И бросается стремглав в воду и плывёт
К своей добыче, готовый утопить
На своем пути друга, брата, жену,
Лишь бы спасти свою трижды жалкую шкуру.
Для этих людей нет ничего святого —
Они не задумаются превратить море в сушу, а сушу — в море.
Все они всегда и везде поучают:
«Наживайся, приятель, и летом, и зимой,
Везде ищи только выгоду, никого и ничего не стыдись.
Пусть все бранят тебя. Тебе-то что?!
20 Тяни свою руку туда, где можно что-нибудь хапнуть,
Где ж надо дать, лучше б руки отсохли»[185].
Многие скажут: «Поздравь себя,
Если ты хоть чем-нибудь богат. Тогда кругом тебя друзья.
Богатого тебя и боги любят.
Если же ты беден, то и мать-родительница возненавидит тебя.
Нищий, не будешь нужен и родственникам».
Потому-то, друг мой, я проклинаяю
Нынешнюю жизнь и всех людей,
Живущих такой жизнью, ненавижу и ещё больше буду ненавидеть.
30 Потому что они, эти люди, перевернули нашу жизнь.
Ведь некогда священная и ещё до сих пор почитаемая
Справедливость ушла и никогда больше не вернётся.

Процветает неверие, а вера покинула землю.
Бесстыдство стало сильнее Зевса.
Святость клятв умерла, и боги терпят всё это.
Низость буйствует повсюду среди людей,
Которые солёной слюной плюют на благородство.
Никто не возьмёт в супруги даже Геру,
Будь она нищая...
40 Скорее введут в дом женой последнюю лидийскую шлюху,
Лишь бы только она принесла с собой денег...[186]

Фрагмент 2 (Гейдельбергский папирус № 310)

... Ведь они тащат, откуда только могут,
И нет для них ни близкого, ни дальнего.
Они предпочтут голодать, только бы накопить побольше.
70 Закон их не страшит, они забыли о богине справедливости
Дике и потешаются над ней.
Я же поражаюсь: как люди могут жить среди
Таких зверей, когда жить среди них невозможно.
Никто никому не верит,
Кругом одна лесть и медоточивые речи.
Клянусь богами, я знаю только одну правду:
Не быть рабом удовольствий и желудка,
А довольствоваться лишь необходимым.
80 Все же стараются урвать себе побольше,
Словно увидели, так сказать, сладкий пирог.
Что толку набивать себе брюхо?
То, что кладёшь себе в рот, остаётся там
Только на время еды. Сколько ни ешь,
Всё отправляется в живую пучину.
Ешь поэтому столько, сколько я, и не больше,
Иначе запутаешься, как птица в силках.
Я же, Парн, не гоняюсь за всеми такими удовольствиями,
А держу себя, как коня, в узде и,
90 Умеряя призывы своего желудка,
Приучаюсь к скромному образу жизни.
Когда я бываю вынужден сделать себе приятное,
Это доставляет мне страдание, ибо кусочек соли
Для меня уже удовольствие. Мне ничто не доставляет
Большой радости, чем сделать что-нибудь полезное и
Справедливое, а многие люди наживаются
Самыми позорными путями, потеряв всякий стыд и совесть.
.....
100 Ведь есть, есть же такое божество, которое
Наблюдает за всем этим и не допустит, чтобы
Оскорблялись божьи законы без конца,

И каждому назначит заслуженную участь.
Итак, Парн, я предпочитал бы иметь только
Самое необходимое и считаться честным человеком,
А не зарабатывать кучу денег, чтобы мои враги
Могли однажды сказать:
«Груз соли вернулся туда, откуда прибыл»[187].

Керкид из Мегалополя

Мелиямбы

Фрагмент 1

Существовал также рассказ, что Диоген умер, задержав дыхание. Об этом свидетельствует Керкид из Мегалополя [или с Крита] в своих «Мелиямбах»:

... Не такой уж, как прежде, этот знаменитый синопец,
Который ходил с посохом, складывал вдвое плащ,
Жил под открытым небом.
Он поднялся на небо, крепко прижав зубы к зубам,
Чтобы остановить дыхание.
Этот человек был в полном смысле Диоген,
Зевсом рождённый, небесный киник-собака.

Фрагмент 2

... Разум зрит и разум слышит ...[188]
Но как могут увидеть и узнать
Мудрость, даже рядом с ними стоящую, люди,
Душа которых полна грязи
И несмываемыми пятнами дешёвого кислого вина?![189]

Фрагмент 3

а Как изысканные блюда обжор и чревоугодников,
Так и похлёбка, не заслуживающая даже
Названия еды, которую бедняки черпают из одного котелка, —
Всё отправляется в конечном счёте в отхожее место.
Вот она — высшая цель прожигателей жизни.
Так верно говорит об этом милейший Керкид.
А сам он питался просто [солью]
И плевал на всю эту роскошь солёной слюной насмешки[190].
ь Хлеб для меня — пирог изысканный и блюдо пряное,
А соль мне делает всё сладостным,
Поэтому на богачей плюю слюной солёно-радостной[191].

Фрагмент 4. Мелиямбы киника Керкида

а ...Человек даже на пороге смерти неохотно смыкает
Навеки глаза, а сердце в твоей груди неприступно,
И его не смогли сокрушить никакие заботы,
Одолевающие пожирателей жирного мяса.
Поэтому ничто из прекрасного на земле ещё никогда
5 Не прошло мимо тебя, и вся изысканная добыча Муз
Глубоко проникла в самые твои внутренности, и ты,
Моё сердце, устраивало нечто вроде рыбной ловли
На Пиэрид и было самым умелым на них охотником.
А ныне в твоих ниспадающих с головы волосах
Ясно виднеется седина, и подбородок покрыла
10 Сивая борода, а жизнь, уже глядящая на широкий
Порог своего заката, заискивая и льстя, всё ещё
Ищет какого-то совершенства, подходящего возрасту и годам. Тогда мудрой...[192]

Фрагмент 5

ь ... [Почему богиня судьбы Тиха (или Зевс)] не превратила
Этот денежный мешок, обжору и развратника Ксенона в сына
Нищеты и не послала нам, беднякам, на жизнь те груды
Золота, которые он снова и снова пускает на ветер?
5 Что этому помешало? Что она сможет на это ответить,
Если кто-нибудь её об этом спросит? Ведь богу легко
Выполнить всё, что только ему взбредёт в голову.
Почему же она не отберёт у грязного мошенника и ростовщика,
Готового задушиться за грош, или у
Расточителя, не устающего проматывать своё состояние,
У этого губителя денег, их свинского богатства
И не даст хотя бы самых ничтожных средств на
Существование бедняку, который питается лишь самым
10 Необходимым и не имеет даже своей собственной посуды.
Неужели Дика слепа, как крот, а Фаэтон
Смотрит одним только глазом, у богини же справедливости
Фемиды ясные очи затуманились? Тогда что же это за боги,
15 У которых нет ни слуха, ни зрения? А ещё этот
Величественный метатель молний, восседающий в центре Олимпа...
Ровно и крепко держит он в руках весы [Судьбы], и ни одна
Чаша не дрогнет. Так говорит Гомер в «Илиаде»:
«Чаша весов упадёт, когда день роковой для доблестных
20 Мужей наступит»[193]. Тогда почему же этот справедливый
Весовщик никогда не склонит чаши весов в мою пользу? Что же
Касается самых ничтожных из варваров-мисийцев[194], то
[Страшно сказать!] для них Зевс готов склонить весы.
К каким же владыкам земным или небесным нужно обратиться
25 За справедливостью, когда сам Кронид, который зачал и
Породил всех нас, для одних отчим, для других отец

Родной? Лучше оставим этот вопрос для тех, кто гадает по Звездам. Надеюсь, он не окажется для них слишком трудным. А мы лучше позаботимся о Пэане и Доброй Метадос[195], 30 Ведь богиня она и, совсем как Немезида, только живёт на Земле. Итак, пока бог посылает нам попутные ветры, чтите Эту богиню, легко живущие мужи...[196] Налетит враждебный Ветер и погубит ваше ненавистное богатство, дарованное Судьбой. Вот тогда придётся вам извергнуть обратно из Самого нутра все, что сожрали, до последнего кусочка...[197]

Фрагмент 6

а Кто-то сказал нам, Дамоном, что лазоревокрылый Сын Афродиты из щёк своих выпускает два разных дуновения. Ты достаточно образован, чтобы это знать.

На кого из смертных он дунет нежно и дружелюбно 5 Из правой щеки, тот спокойно правит кораблём любви С помощью мудрого кормила убежденья.

На кого же он дунет из левой щеки, те оказываются Среди бурь и страшных вихрей любовных желаний, Их ожидает повсюду плавание по бурному морю [страстей].

10 Хорошо об этом сказал Еврипид[198]. Поэтому из этих Дуновений лучше выбирать то, которое сулит нам Спокойное плавание, и, разумно пользуясь кормилом Убеждения, плыть напрямик, ибо Киприда ведёт Наш корабль вперёд по волнам...[199]

б ...Ведь вся эта бешеная злоба и безумное Стремление соития с женщинами влекут за собой Гибель и конечное раскаяние. Но есть ещё продажная Любовь, Афродита с площади. Когда тебя охватит Желание и ты захочешь её, с ней никаких хлопот, Ни страха, ни беспокойств. Всего за один обол

15 Ты уложишь красотку к себе в кровать и можешь Считать, что стал зятем самого Тиндарея...[200]

Демонакт

Апофтегмы и гномы

1. Мы настолько приближаемся к добродетели, насколько отходим от наслаждений (Антоний и Максим. Рассужд. о добродетели и пороке в жизни, с. 35).
2. Отвратительно в других одобрять добродетель, а самим погрязать в пороке (Там же).
3. Он бранил тех, кто заботился о своём теле, а своей душой пренебрегал. Это всё равно, что следить за состоянием дома и не думать об его обитателях (Там же).
4. Учись на чужих ошибках, тогда ты будешь чужд злу (Максим. Рассужд. о благоразумии и рассудительности, с. 94).
5. Вы смертные. Чего вам думать о богах! (Стобей. Антолог., XXII, 16).
6. Когда какие-то люди рассуждали о том, одушевлён ли космос, а потом — шаровиден ли он, Демонакт обратился к ним: «Вот вы всё хлопчете о космосе, а о том, что ведёте порочную жизнь, даже не задумываетесь» (Стобей. Эклоги, II, 1, И. — Геерен, с. 10. Ср.: Антоний и Максим. Рассужд. о любопытстве, с. 164).
7. Один софист, недоумевая, спросил его: «Почему ты бранишь меня?» Демонакт ответил: «Потому что к тому, кто тебя бранит, ты относишься с уважением» (Антоний и Максим. Рассужд. о порицании и лени, с. 259).
8. На вопрос, когда он начал философствовать, Демонакт ответил: «Когда стал в себе самом обнаруживать недостатки» (Стобей. Антолог., XXI, 7).
9. Пользуйся чаще ушами, чем языком (Антоний и Максим. Рассужд. о болтливости, с. 396).
10. Невежественные люди молчат, как рыбы, когда их вытаскивают из воды (Антоний и Максим. Рассужд. о науке и философии, с. 706; Извл. из Флорент. кодекса Иоанна Дамаск, у Стобея, Антолог., XIII, 53. — Майнеке, т. 4, с. 196).
11. От врагов люди терпят меньше зла, чем от друзей, потому что, боясь врагов, их остерегаются, а перед друзьями у них душа нараспашку, и поэтому те могут их легко обмануть и причинить зло (Антоний. Рассужд. о недобрых друзьях, с. 724).
12. Узнав секрет от друга, не выдавай его, сделавшись врагом. Ты нанесёшь удар не врагу, а дружбе (Там же).

13. Не делай другом того, кому не можешь полностью довериться (Там же).
14. Есть люди, которые не живут сегодняшним днём, а с таким усердием делают запасы, будто собираются прожить вторую жизнь, а не ту одну, которая им дана (Антоний и Максим. Рассужд. о богатстве, бедности и скупости, с. 760).
15. Отступление обнаруживает истинно мужественного человека, несчастье — разумного (Антоний и Максим. Рассужд. о счастье и несчастье, с. 820).
16. Город нужно украшать зданиями, душу — знаниями[287] (Извл. из Флорент. кодекса Иоанна Дамаск, у Стобея, Антолог., XIII, 53. — Майнеке, т. 4, с. 196).
17. Фаворин услышал от кого-то, что он [Демонакт] поднимает на смех его лекции и больше всего стихи, которыми он пересыпает свои выступления, находя их очень изнеженными, несерьёзными, женственными и совсем не подходящими для философии. Тогда он подошёл к Демонакту и спросил, кто он такой, чтобы насмеяться над ним. «Человек, — ответил тот, — у которого уши не так легко поддаются обману». Когда же Фаворин стал настаивать и спрашивать: «Чем ты запасся, Демонакт, чтобы перейти от шуток к философии?» — тот ответил: «Яичками» (Лукиан. Жизнь Демонакта, 12).
18. Как-то в другой раз Фаворин встретил Демонакта и спросил, какая из философских школ ему больше всего нравится. «Кто же тебе сказал, что я занимаюсь философией?» — ответил тот и, уже отходя от него, стал с явным удовольствием хохотать. Фаворин спросил, чего он смеётся. «Мне показалось смешным, что ты, безбородый, хочешь узнавать философов по бороде» (Там же, 13).
19. Некогда известный в Афинах софист Сидоний выступил с похвальной речью самому себе, в которой упомянул, что причастен к любой философии. Однако неплохо привести эту часть его выступления дословно. «Если Аристотель позовет меня в Ликей, я пойду за ним. Если Платон — в Академию, приду. Если — Зенон, останусь в Пёстрой Стое. Если призовет меня Пифагор, замолчу». Тогда из рядов слушателей поднялся Демонакт и сказал: «Послушай, Сидоний (он назвал его по имени), Пифагор уже кличет тебя!» (Там же, 14).
20. Некий знатный и красивый юноша из Македонии по имени Пифон стал посмеиваться над Демонактом и, предложив ему какой-то софизм, потребовал назвать решение силлогизма. «Одно я знаю, дитя моё — ты уже решился». Того разозлила двусмысленность шутки, и он с угрозой сказал: «Вот я тебе сейчас покажу мужа!» — «Так у тебя есть ещё и муж?» — со смехом спросил Демонакт (Там же, с. 15).
21. Один атлет стал объектом его острот за то, что, будучи олимпийским чемпионом, он появлялся в пёстрой одежде. Тогда тот ударил его по голове камнем, да так, что потекла кровь. Присутствовавшие при этом люди начали возмущаться, будто этот удар настиг каждого из них, и кричать, что надо идти к проконсулу. Демонакт обратился к ним: «Зачем, граждане, идти к проконсулу, когда надо спешить к врачу» (Там же, 16).
22. Однажды, гуляя по улице, он нашёл на дороге золотое колечко и повесил на агоре записку с просьбой, к хозяину потерянного колечка к нему прийти и, назвав вес перстня,

камень и рисунок на нём, получить потерю. Вскоре пришёл какой-то смазливый мальчишка и заявил, что это он потерял кольцо, но ничего толком сказать не мог. «Иди домой, малыш, да береги своё колечко, а это не ты потерял» (Там же).

23. Какой-то римский сенатор, находясь в Афинах, привёл к Демонакту своего сына, очень красивого, но женственного и изнеженного мальчика. «Вот мой сын, — сказал сенатор. — Он приветствует тебя». — «Красив мальчик — и тебя достоин, и на мать похож» (Там же, 18).

24. Киника Гонората, философствовавшего в медвежьей шкуре, он не хотел называть его настоящим именем, а звал Аркесилаем (Там же, 19).

25. На чей-то вопрос, как, по его мнению, можно определить счастье, Демонакт ответил: «Счастлив только свободный». Когда ему возразили, что свободных много, он сказал: «Но свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится». — «Но таких людей нет. Ведь все мы, до единого, по большей части находимся в рабстве у надежды и страха». — «Но, — заметил Демонакт, — если ты поразмыслишь над делами человеческими, то, пожалуй, найдёшь, что они не заслуживают ни надежды, ни страха. Ведь всё вообще проходит — и печали, и радости» (Там же, 20).

26. Перегрин-Протей ругал его за то, что он часто смеётся и издевается над людьми. «Демонакт, разве ты киник?» — укорял он его. «Перегрин, разве ты человек?» — последовал вопрос (Там же, 21).

27. Какой-то естествоиспытатель разглагольствовал об антиподах. Философ остановил его, подвёл к колодцу, показав на отражение в воде, спросил: «Это те самые антиподы, о которых ты говоришь?» (Там же, 22).

28. Один человек выдавал себя за мага и заявлял, что знает такие действенные заклинания, что им все повинуются и добывают всё, что он захочет. «Вот чем удивил. Я и сам занимаюсь тем же. Если хочешь, пойдём к булочнице, и ты увидишь, как одним заклинанием и малой толикой зелья я заставлю её дать мне хлеба». Этими словами он намекал на то, что деньги имеют такую же силу, как и заклинания (Там же, 23).

29. Герод очень горевал о безвременно умершем Полидевке и просил, чтобы ему запрягли колесницу и подавали лошадей, как живому, и готовили обед. К нему подошел Демонакт и сказал: «Я принес тебе письмо от Полидевка». Герод обрадовался, думая, что Демонакт вместе с другими разделяет его печаль, и спросил: «Чего же хочет Полидевк?» — «Он раздосадован, Герод, что ты всё ещё к нему не отправился» (Там же, 24).

30. В другой раз наш Демонакт зашёл к человеку, который горько оплакивал сына и сидел в темноте, и выдал себя за мага, способного вызвать дух сына. При этом он сказал, что сможет это сделать, если только отец назовёт ему имена трёх людей, никогда не испытавших горя в жизни. Тот долго думал, вспоминал, но не мог никого вспомнить (впрочем, как я думаю, никто не мог бы назвать таких людей). «Эх, чудака, — тогда сказал Демонакт, ты думаешь, что только тебе одному выпало на долю терпеть невыносимые страдания. Разве не видишь, что в мире нет человека, которого бы не постигло несчастье?» (Там же, 25).

31. Он считал достойными осмеяния и тех, кто в беседах пользовался очень устарелыми и необычными словами. Когда однажды он задал одному человеку какой-то вопрос, а тот ответил на изысканном аттическом диалекте, философ заметил: «Приятель, я-то тебя спрашиваю на сегодняшнем языке, а ты мне отвечаешь, будто живёшь при Агамемноне» (Там же, 26).
32. Когда один из друзей сказал: «Пойдём, Демонакт, в храм Асклепия и помолимся за сына», — тот возразил: «Ты что же, считаешь Асклепия совсем глухим, раз он не может, как ты думаешь, отсюда услышать наши молитвы?» (Там же, 27).
33. Как-то раз он увидел двух философов, обнаруживших совершенную неосведомлённость в предмете своего теоретического спора. Один ставил нелепые вопросы, другой не мог ничего ответить. Тогда Демонакт спросил: «Друзья, не кажется ли вам, что один из вас доит козла, а другой решёто подставляет?» (Там же, 28).
34. Перипатетик Агафокл хвастался, что он единственный и первый из диалектиков. Демонакт обратился к нему: «Но если ты, Агафокл, первый, то не единственный, а если единственный, то не первый» (Там же, 29).
35. Когда бывший консул Цетег направлялся через Элладу в Азию, чтобы там помогать отцу в командовании войсками, на своём пути он многое говорил и делал такое, что вызывало насмешки. Один из товарищей, наблюдая всё это, сказал ему, что он большая дрянь. «Клянусь Зевсом, — заметил Демонакт, — не такая уж большая» (Там же, 30).
36. Как-то он увидел философа Аполлония, едущего на коне в окружении своих многочисленных учеников (по приглашению императора он направлялся к нему в качестве наставника), и воскликнул: «Вот приближается Аполлоний со своими аргонавтами!» (Там же, 31).
37. Однажды его спросили, бессмертна ли, по его мнению, душа. «Бессмертна, но как всё вокруг», — ответил Демонакт (Там же, 32).
38. Относительно Герода Демонакт говорил, что он прав, утверждая, что Платон признаёт в нас существование нескольких душ. Ведь не может одна и та же душа угощать Региллу и Полидевка как живых и ещё заботиться о подобных вещах (Там же, 33).
39. Однажды он осмелился спросить публично афинян, почему они запрещают варварам участвовать в мистериях. В то время как эти мистерии установлены для них фракийцем Эвмолпом, варваром (Там же, 34).
40. Однажды Демонакт собирался предпринять путешествие на корабле в зимнее ненастье. Один из друзей спросил его: «Не боишься ли ты, что судно перевернётся и ты достанешься рыбам на обед?» — «Я оказался бы неблагодарным, если бы испугался отдать себя на съедение рыбам, когда сам столько их съел» (Там же, 35).
41. Одному ритору, который выступал с дрянными декламациями, Демонакт советовал упражняться и работать над собой. «Я всегда сначала выступаю перед собой», — возразил

ритор. «Тогда ясно, почему у тебя такие речи. Твой слушатель — дурак» (Там же, 36).

42. Увидев однажды прорицателя, гадавшего за деньги при народе, он сказал: «Не понимаю, за что ты требуешь плату? Если ты можешь изменить что-нибудь в судьбе человека, то сколько бы ты ни спросил, всё мало. А если всё будет так, как решено богом, чего стоят тогда твои прорицания?» (Там же, 37).

43. Какой-то престарелый и толстый римлянин демонстрировал Демонакту в полном вооружении упражнение, состоящее в борьбе с деревянным чучелом, изображавшим неприятеля. Потом спросил: «Как, по-твоему, я сражался, Демонакт?» — «Прекрасно, — ответил философ. — Только бы твой противник всегда был из дерева» (Там же, 38).

44. Его никогда не мог застать врасплох самый затруднительный и неожиданный вопрос. Некто с издевательской целью спросил его: «Если я сожгу тысячу мин дров, сколько из них получится мин дыма, Демонакт?» — «Взвесь золу, — посоветовал он, — все остальное придется на дым» (Там же, 39).

45. Один человек, по имени Полибий, крайне невежественный и говоривший по-гречески совсем как варвар, похвастался: «Император оказал мне честь и сделал римским гражданином». — «Было бы лучше, если он сделал бы тебя эллином, а не римлянином», — заметил Демонакт (Там же, 40).

46. Увидев, как один человек, одетый в шерстяную тогу с пурпурной каймой, хвастался её шириной, Демонакт наклонился к его уху, взялся за край одежды и сказал: «Вот это до тебя носил баран, да и сейчас носит» (Там же, 41).

47. В бане он стоял перед бассейном с очень горячей водой и не решался окунуться. Кто-то обвинил его в трусости. «Скажи, мой друг, — обратился к нему Демонакт, — не для блага ли отчизны должно мне ошпариться?» (Там же, 42).

48. Некто спросил его, что, по его мнению, происходит и Аиде. «Подожди, я оттуда пришлю тебе письмо», — ответил Демонакт (Там же, 43).

49. Адмет, один из бесталанных поэтов, сообщил, что сочинил надпись в один стих и завещает её начертать на своём надгробном памятнике. Впрочем, вот она:

Тело приеми, земля. Сам Адмет перед богом предстанет. Философ не мог удержаться от смеха и проговорил: «До того изящна твоя эпиграмма, Адмет, что я хотел бы увидеть её уже начертанной на камне» (Там же, 44).

50. Кто-то, увидев на его ногах естественные для старости пятна, спросил: «Что это у тебя, Демонакт?» Мудрец улыбнулся и сказал: «Это следы от укусов Харона» (Там же, 45).

51. Демонакт увидел, как какой-то лакедемонянин плёткой бил своего раба. «Остановись! — закричал философ. — Не показывай свою рабскую душу» (Там же, 46).

52. Какая-то женщина, носившая имя Данаи, вступила в тяжбу со своим братом. «Судись. Ведь ты не Даная, дочь Акрисия», — съязвил Демонакт (Там же, 47).
53. Больше всего он воевал с теми, кто занимался философией не ради истины, а для видимости. Повстречав однажды киника, в плаще, с котомкой и вместо посоха с дубиной в руках, который заявлял во всеуслышание, что он ревностный последователь Антисфена, Кратета и Диогена, Демонакт сказал ему: «Не ври, твой учитель — дубина» (Там же, 48).
54. Он обратил внимание на то, что многие атлеты плохо выступали в соревнованиях и, нарушая правила, вместо того чтобы бороться, кусали друг друга. На это он заметил: «Нет ничего удивительного, что нынешних атлетов болельщики называют львами» (Там же, 49).
55. Однажды Демонакт весьма тонко поддел проконсула, который был из тех, кто сводил смолой волосы на ногах и на всём теле. Какой-то киник взобрался на камень и стал за это его бранить и называть развратником. Проконсул вышел из себя и приказал стащить киника с камня, намереваясь забить его розгами или приговорить к изгнанию. Присутствовавший при этом Демонакт просил помиловать киника, который говорил так дерзко в соответствии с традиционной для киников свободой слова. Проконсул внял уговорам Демонакта: «Ладно. Сейчас я его отпускаю. Но если он ещё раз осмелится что-либо подобное сделать, что тогда?» — «Прикажи тогда выдрать у него все волосы», — посоветовал Демонакт (Там же, 50).
50. Другому человеку, которому император вверил власть над войском и многочисленным населением, Демонакт на его вопрос, как ему лучше всего править, ответил следующими словами: «Не поддавайся гневу, меньше болтай и больше слушай» (Там же, 51).
57. Некто спросил его, ест ли он медовые пряники. «Ты думаешь, что пчёлы только для дураков наполняют свои соты», — ответил Демонакт (Там же, 52).
58. Увидев в Пёстрой Стое статую с отбитой рукой, Демонакт заметил: «Поздновато афиняне поставили памятник в честь Кинегира» (Там же, 53; о Кинегире см.: Геродот, VI, 114).
59. Руфин Кипрский (я говорю о том хромоногом перипатетике) часто предавался философствованию во время прогулок. Демонакт это заметил и сказал: «Нет ничего противнее хромоногого на перипатетических прогулках» (Лукиан. Жизнь Демонакта, 54).
60. Как-то Эпиктет упрекал Демонакта и советовал ему взять себе жену и воспитывать детей, ибо согласно природе философу надлежит оставить вместо себя другого. Демонакт ответил ему очень язвительно: «Тогда выдай за меня одну из твоих дочерей» (Там же, 55).
61. Стоит упомянуть и замечание Демонакта в адрес Термина, последователя Аристотеля. Зная его как человека в высшей степени дрянного и способного на тысячи подлостей, хотя всегда упоминавшего имя Аристотеля и его десять категорий, Демонакт обратился к нему: «Слушай, Термин, ты в самом деле заслуживаешь десятка категорий»[288](Там же, 56).
62. Когда афиняне, соперничая с коринфянами, решили вопрос об организации у себя гладиаторских боев, он явился к ним и сказал: «Афиняне, прежде чем вынести решение,

снесите алтарь Милосердия» (Там же, 57).

63. Когда Демонакт однажды прибыл в Олимпию, элейцы решили поставить в его честь статую. Демонакт возразил: «Граждане Элеи, ни в коем случае не делайте этого, чтобы не показалось, что вы попрекаете ваших предков за то, что они не поставили статуй ни Сократу, ни Диогену» (Там же, 58).

64. Однажды я слышал, как Демонакт разговаривал с одним законником о том, что законы, по его мнению, бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше (Там же, 59).

65. Из стихов Гомера он любил больше всего вот этот:

Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много
(Там же, 60; см.: Илиада, IX, 320/ Пер. И. Гнедича).

66. Он хвалил Ферсита как своеобразного киника, выступавшего перед народом (Лукиан. Жизнь Демонакта, 61).

67. Однажды на вопрос, кто из философов ему больше всего нравится, Демонакт ответил: «Все вызывают моё восхищение, но особенно я почитаю Сократа, восторгаюсь Диогеном и люблю Аристиппа» (Там же, 62).

Эномай Гадарский. Из сочинения «Обличение обманщиков» («Против оракулов»)

1. ...Такого рода оракул приводится и вместе с тем очень остро и убедительно критикуется одним, жившим сравнительно недавно писателем в превосходном сочинении под названием «Обличение обманщиков». Теперь послушайте не мои слова, а его, примерно таким образом изобличающие прорицателя:

— Что? Разве не афиняне убили Андрогей и потом, поражённые за это чумой, не высказали раскаяния? Если бы этого не случилось, неужели тебе не следовало лучше сказать «покайтесь», чем дать такое предсказание:

Будет конец и чуме, и голоду злomu тогда лишь,
Ежели, жребий метнув, через море святое пошлёте
Юношей милых и дев за неправоe дело в оплату
К Миносу, моря владыке. Тогда явит бог свою милость.

Я уже не говорю, что смерть одного Андрогей в Афинах вызвала, боги, ваш гнев, а то, что там повсюду и ежечасно погибало столько людей, не потревожило ваш сон В то время Минос властвовал на море, был могуч и богат, вся Эллада находилась у него в услужении, и поэтому его считали и «самым справедливым», «законодателем великим», а Гомер даже сделал его сотоварищем великого Зевса и определил после смерти судьёй в Аиде.

Ты всё это знал, Аполлон, и всё же из-за него наложил на афинян такую кару. Но я пройду и мимо этого обстоятельства, как делаете вы, и мимо того, что, забыв об убийцах, вы посылаете на смерть совершенно невинных, и всё ради человека, которого вы решили объявить общим для всех судьёй, хотя он не мог справедливо решить и своего дела. Скажите по справедливости, сколько ещё афиняне должны посылать на смерть молодых людей? Не столько ли, сколько вы уже нечестиво погубили в отместку за Андрогей? (Евсевий Памфил. Подготовка к Евангелию, V, 18—19. — Вижe, с. 209a).

2. Взяв для примера миф о Гераклидах[289], этот же самый писатель порицает Аполлона за двусмысленность его предсказаний, погубившую столько людей. Вот, что он говорит по

этому поводу:

— Раз уж я коснулся этого вопроса, то послушайте, что я считаю нужным сказать в связи с историей Гераклидов. Попытавшись однажды через Истм вторгнуться в Пелопоннес, они потерпели неудачу. Аристомах, сын Аридея[290], после того как отец погиб во время этого вторжения, отправляется к тебе, чтобы получить оракул на дальнейший путь. Он был одержим тем же необоримым желанием, что и отец. Ты так ему ответил:

Трудный к победе и узкий путь тебе боги являют.

Он также вступил на путь через Истм и погиб в сражении. Его несчастный сын Темен, уже третье поколение несчастного рода, отправился туда же. Ты пообещал ему то же, что и отцу Аристомаху, но и этот, послушавшись тебя, как и отец, погиб во время вторжения. Тогда ты сказал: «Я имею в виду не трудный и узкий путь по суше, а по проливу морскому». Так как тебе трудно было сказать «по морю» (в этом случае он бы так и поступил), ты внушил ему мысль вести вторжение с суши.

Так он разбил лагерь между Навпактом и Рипеей. Там он поразил копьём всадника Карна, сына Филандра, из Этолии. И правильно, по-моему, сделал. Но когда его неожиданно постигла болезнь и он умер, Гераклиды снова начали отступать. Тут явился Темен и стал жаловаться на горькую судьбину, но услышал ответ, что они поплатились за убийство божественного вестника, и, кроме того, нарушили оракул, где говорилось в стихах о торжественном обете Аполлону Карнейскому:

Вестника нашего ты умертвил и понёс наказание.

«Что же, что делать? — спросит Темен. — Как мне умилостивить вас?»

О, презренный и бесстыднейший из пророков! Разве ты не знал, что, услышав об этом узком проходе, он собьётся с пути? Ты просто не знал ничего худшего, поэтому позволил сбиться ему с пути. Правда, двусмысленность названной тобой узкой тропы преследовала цель, чтобы в случае победы ты бы оказался её вдохновителем, а в случае поражения остался бы в стороне и смог скрыться за «морями широкими». Но человек пришёл и на «море широкое», но и тут ему не повезло. Находится новая увёртка — убийство вестника Карна. Но почему, о могущественный из богов, заботясь так о Карне, ты велел ради других сделать его божественным, а ради него самого — нет? И хотя нужно было спасти одного лишь Карна, ты всё же позволил ему умереть.

Из-за этой одной смерти ты напустил на целое войско тот описанный Гомером мор и лишь предлагал молиться о его прекращении. А если мольбы тут не помогли, то у тебя найдётся способ применить твои софизмы, и никогда не наступит конец всему этому: они всё будут спрашивать, а ты — хитрить, чтобы и в случае победы, и в случае поражения не открылся твой обман. Ведь в их страстях и желаниях было столько силы, что они стали доступны обману и не могли разувериться в тебе, даже если бы им пришлось тысячу раз умереть.

К этому стоит присоединить и потерю Креза. Он стал царём Лидии, добровольно приняв власть от самых далёких предков. Затем в надежде добиться ещё большего процветания, чем его предки, он решил свято чтить богов. Познакомившись со многими, превыше всех он

стал почитать Аполлона Дельфийского. Храм этого бога он украшал золотыми чашами и кирпичами, осыпал множеством даров и вскоре сделал его самым богатым на всей земле. Его щедрость не обходила и жертвоприношения. Потратив столько богатств на храм Аполлона[291], лидийский царь, не без основания положившись на столь очевидные свидетельства своего благочестия, задумал поход против Персии, надеясь с помощью бога расширить границы своего царства.

Что же сделал этот удивительный прорицатель? Тот самый, которого почитают в Дельфах, пифиец, бог — покровитель дружбы. Он не только не добыл ему, своему почитателю, своему благочестивому даннику, чужого царства, но и собственного лишил. Конечно, не намеренно, а просто по незнанию будущего (ведь знающий грядущее бог или даже не бог, а какая-нибудь сверхчеловеческая сила не дали бы такого хитроумного предсказания, чтобы его можно было бы толковать совсем по-разному). Вымолвив только одно:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство[292], он до основания уничтожил столь великое и древнее Лидийское царство, перешедшее по наследству от дальних предков к благочестивому мужу, и такой неблагодарностью воздал за исключительное богопочитание и любовь к себе (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 19—20).

3. Послушай, как справедливо негодует по этому поводу наш писатель.

— Поистине, — говорит он, — тебе знакомы вещи, подобные песку, а о настоящем добре ты ничего не знаешь. Ведь знать, чем пахнет варёная черепаха с прочным панцирем, стоит не больше горсти песка[293]. И хотя все подобные знания не содержат в себе ни грана истины, однако они очень нравятся хвастливым и бесстыдным людям и тем, кого эти пустопорожние сведения заставляют высокомерно поднимать брови, а также тому, кто убеждает Креза, этого лидийского раба, не презирать его. Этот человек спустя некоторое время, чтобы проверить всё на собственном опыте, хотел спросить тебя, начинать ли ему поход на Персию, и посоветоваться относительно одолевающих его страстей и желаний. Ты же, ничтоже сумняшеся, ответил ему:

Галис-реку перейдя, Крез разрушит великое царство. Прелестно! Тебя нисколько не беспокоило, что человек, вдохновившись таким двусмысленным оракулом, отправится на завоевание чужого царства и при этом потерпит нечто неслыханное. Тебя не озадачило также, что эти жестокие и злонамеренные люди, которые должны были бы тебя хвалить за то, что свернул шею безумцу, ещё упрекают тебя, что ты не дал такого двусмысленного оракула, чтобы лидийский царь призадумался и поразмыслил.

Но у эллинов слово «разрушить» воспринимается только в одном значении: не как утрата собственного царства, а как захват чужого. А Кир, этот полулидиец или полуперс, из рода тиранов с материнской стороны и простой человек со стороны отца, оказался полuosлом в решении этой загадки и обнаруживает не только напыщенность речи, но и пророческий дар, который ничего не предвидит, если только не знал прорицатель заранее, что он не поймёт этой загадки.

Но если не от незнания, а от суемудрия и злонамеренности пророк решил так пошутить, то что за гадость эти божественные забавы! Если же не по этой причине, а просто потому, что так должно было случиться, то это самая подлая из хитростей. Но если и вправду так должно было случиться, то зачем же ты, несчастный, восседаешь в Дельфах и поёшь свои ничтожные и пустые оракулы? Что нам за польза от тебя? Что за безумие охватывает всех нас, со всех концов земли устремляться к тебе? Зачем тебе весь этот чад от жертвоприношений? (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 20—21).

4. Вот с какой смелой и свободной речью обращается к читателю Эномай в своём «Обличении обманщиков», пропитанном кинической язвительностью. Он хочет, чтобы у всего греческого народа не было оракулов, от каких бы божеств они ни исходили, а чтобы все уловки и хитрости, направленные на его обман, были раскрыты. Так как мы однажды уже их упомянули, то ничто не должно помешать нам услышать и дальнейшие разоблачения. И первый, о ком рассказывает Эномай, это он сам, обманутый Аполлоном Кларосским. Вот что он пишет:

— Нужно было и нам принять какое-нибудь участие в этой комедии и не чваниться, что нас не поразило всеобщее безумие, но расхваливать тот товар, который мы и сами привезли от тебя из Азии, клариец.

Есть далеко, где трахинян земля, сад Геракла чудесный.
Вечно цветёт этот сад, здесь каждый плоды собирает.
Всё ж он иссякнуть не может — вода его щедро питает.

Услышав это, я, глупец, вдохновился и Гераклом, и Геракловым садом вечноцветущим. Размечтался я также из-за этого Трахина о каком-то гесиодовском трудовом поте и о лёгкой жизни, услышав о цветущем саде. Потом я спросил, помогут ли мне боги, и какой-то человек из толпы сказал, что готов поклясться, что сами боги ко мне благосклонны, ибо он точно слышал, что ты предрёк то же самое Каллистрату, некоему понтийскому купцу. Как только я это услышал, тотчас вскричал; «Как, значит ты думаешь, будто я вышел из себя потому, что по его милости лишился благодати?» И хотя я с недовольством смотрел на купца, но стал спрашивать себя, может быть и он обманут именем Геракла. Было ясно, что и он чем-то удручён и жаждет наживы и ожидает от неё счастливой жизни.

Когда стало очевидным, что бог приравнял купца ко мне, я больше не стал принимать близко к сердцу ни оракул, ни Геракла. Я считал недостойным разделять судьбу с тем, кто сегодня испытывает затруднения и ожидает благ от будущего. Данное мне пророчество можно было отнести к кому угодно — к разбойнику, воину, к любовнику и любовнице, к льстецу, ритору, сикофанту — иначе говоря, к тому, кого мучают желания, и к тому, кто считает, что его одолевают горести, а радости ещё впереди (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 21—22, р. 213б).

5. Изложив всё это, он тотчас же добавляет, что, спросив второй и третий раз, понял, что удивительный пророк ничего не знает, скрывая своё незнание только темнотой своих неясных предсказаний. Эномай продолжает: «И когда я со своим товаром собрался в путь, я понял, что нуждаюсь в человеке, который бы повёл меня как друга вместе с собой к

мудрости, но такого не было. Тогда я попросил тебя указать мне нужного человека.

Все достоянье у легких людей и ахейцев положит.

То, что предсказано богом, отнюдь не окажется малым.

Что всё это значит? Если бы я хотел стать скульптором или художником и искал себе учителя, то мне достаточно было услышать: „у легких людей“. Но не сказать ли мне скорее, что прорицатель сошёл с ума? Правда, такое предположение трудно тебе принять — слишком много неясного в человеческом характере. Куда мне лучше направиться из Колофона? И это было не скрыто от бога.

Камни метнув из натянутой туго пращи, человек тот
Выстрелом метким немало гусей поразил травоядных.

„Немало гусей травоядных“! Кто же мне объяснит значение сих слов? Или ещё: „туго натянутая праща“. Кто растолкует? Амфилох? Зевс Додонский? Или, может быть, ты, Дельфиец, если к тебе обратиться? А не пойти ли тебе куда-нибудь подальше и не удавиться этой самой „туго натянутой пращей“ вместе с твоими непостижимыми стихами?»

После этих слов давай снова окинем взглядом всё с самого начата, посмотрим, как он разоблачает древнейшие дельфийские пророчества, больше всего превозносимые в греческой истории.

Против афинян персы вооружили огромное войско, и у афинян не было другой надежды на спасение, кроме как на одного только бога. Хотя они ещё не знали точно, что это за бог, но называли его отчим защитником. Это был Аполлон Дельфийский. Что же сделал этот удивительный бог? Может быть, вступил в бой за своих почитателей? Вспомнил о возлияниях и жертвенном дыме, о гекатомбах, которые они по обычаю предков приносили ему в жертву? Нет, тысячу раз нет. Что же он предложил? Бежать! Бежать в заранее заготовленные деревянные стены (так он назвал корабли). Этим одним, говорил он, они спасутся от гибели после того, как сожгут город. О, помощь великого бога! Затем он притворяется, будто предсказывает, что осада коснётся не только обычных городских строений, но и посвящённых богам. Но для этого не нужно было божественного оракула — во время вражеского нашествия все ожидают подобных действий. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 22—23, р. 215а сл.).

б. Наш писатель, конечно, правильно поступает, снова и снова высмеивая и разоблачая тех, кто обманывает греков.

— Должно быть, это дело какого-нибудь злоумышленника, — продолжает он. — Так следует сказать прежде всего об ответе, адресованном афинянам. Вот каков этот ответ:

Что ж вы сидите, глупцы? Скорее бегите подальше!

Вам головы не снести, погибнет и всё остальное —

Их уничтожат огонь и Арес на своей колеснице.

Крепости также падут крепостенные (много их будет).

Храмы бессмертных богов огонь этот страшный настигнет.

Ныне стоят потрясённые страхом,
Потом они истекают.

Таков этот оракул. Но что же в нём пророческого? Разумеется, ты не верил в него, клянусь Зевсом, — скажет, пожалуй, кто-нибудь. Если бы ты присовокупил ещё то, что он добавил к сказанному, когда они просили у него помощи, тогда всё станет ясным. Поэтому послушай, что было дальше.

Зевса не может унять Паллада ни словом, ни лаской,
Просьбой его не сломить...

Снова тебе я скажу своё непреложное слово.

Плен стал уделом других...

Зевс громоносный даёт Тритогене из дерева стену.

Только её не разрушить: спасёт и тебя, и потомков.

В бегство скорей обратись, не противясь ни конным, ни пешим.

Скоро появится враг. Обращаю к тебе своё слово,

Остров божественный, мой Саламин. Детей ты погубишь,

В пору посева Деметры даров или жатвы то будет.

Зевеса достойный Зевес, о сын Зевса, и Афины достойная Афина, о брат Афины! Эта борьба желаний и стремлений приличествует, конечно, отцу и дочери, особенно же богам. Этот твой олимпиец, который не в состоянии завоевать один лишь город, если не направит к нему из Суз несметные полчища врагов, безусловно, великий бог и всемогущий владыка, к тому же он заставляет перекочёвывать из Азии в Европу столько народов, но в самой Европе не может уничтожить один-единственный город. И ты, отчаянно смелый, когда нет для этого причины, и всегда отважный, можешь удерживаться от рыданий? Так сказали бы люди, ради которых Паллада обращается к Зевсу Олимпийскому с мольбой, но не может его умиловить. Разве Зевс гневался не на людей, а на камни и дерево? И поэтому ты спасал людей, а он сам сжигал дома, наслав на них пожарища? Или молний ему было мало? И если бы мы сами не были такими уж храбрыми и отчаянными, как вы, то не позволили бы вам болтать столько вздора. Скажи, о пророк, как ты мог знать, что божественный Саламин погубит потомство женщин, а будет ли то во время посева даров Деметры или во время жатвы, этого ты не знал?

Пожалуй, кто-нибудь, почувствовав подвох, спросит ещё, как ты не знал, что потомство женщин может быть и у своих, родных тебе, и у врагов. И так, нужно ждать, что произойдёт. Ведь что-нибудь одно обязательно должно случиться. Этот твой божественный Саламин ещё даже не собирался сдаваться, а ты к нему так обратился, чтобы вызвать заранее сострадание. Предстоящее морское сражение, которое разразится то ли в пору сева плодов Деметры, то ли сбора, прикрыто велеречием поэтических слов, чтобы за этими хитросплетениями речи не обнаружилась ложность оракула и не стало сразу же очевидным, что в зимнее время морские сражения не завязываются. Вот уж конец трагедии ясен, как и спор богов, один из которых умоляет, а другой остаётся непреклонным, но оба оракула сгодятся для будущего, для любого исхода войны: один — для победителей, другой — для побеждённых. Ведь если спасутся греки, значит подействовали мольбы Паллады и оказались способными смягчить гнев Зевса. Если же нет, то и в этом случае окажется прав

пророк — не смогла Паллада умиловать Зевса.

К любому повороту судьбы подладил свой оракул великий специалист: и если Зевс выполнит свои угрозы, и если просьбы дочери не останутся без внимания. То, что погибнет много твердынь, если они вторгнутся с нартеком[294], а не с огнём и мечом, скорее всего было бы ложью, хотя такие полчища, вооруженные даже только одним нартеком, могли бы натворить много бед. Но я, сказал он, предложил деревянную стену, и только её одну невозможно одолеть. Это совет, Аполлон, а не прорицание, и похож Он на такие слова:

Бегством спастись и не выстоять, сраму не знать — не позор ли?

Тот, кто раскрыл твою тайну, не хуже тебя мог заметить, что город афинян был для персов только предлогом и весь поход против этого города был направлен против его первенства и выдающейся роли. Поэтому и я сам, вовсе не собираясь предсказывать будущее, поняв это, посоветовал бы не только лидийскому царю, но и афинянину повернуть спины и бежать. Перед тобой в конце концов появится враг, а с ним много конницы и пехоты. Поэтому надо бежать на кораблях, а не по суше. Было бы смешно, если бы люди, обладающие кораблями и привычкой к морю, не стали бы спасаться на них, погрузив туда всё своё имущество и запасы пищи, и не оставили бы землю тем, кто так к ней стремится (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 23—24).

7. Всё это относится к афинянам. Ответ, данный спартамцам, ещё более жалок и смешон. Весь город, сказал он, будет в осаде или оплачет гибель царя. Такое предсказание вообще было легко применить к любому обстоятельству — одно или другое обязательно сбудется. И конечно, не из-за незнания грядущего был таким двусмысленным божественный оракул, который должен был помочь и своевременно указать на спасителя эллинов и обеспечить победу своим близким друзьям — эллинам над врагами и варварами. Если же у него не хватало сил, чтобы добыть им победу, то нужно было бы хоть не допустить, чтобы они попали в плен. А он этого даже не знает, не говоря уже о том, что повлечёт за собой для них поражение. В связи с этим послушай, что говорит наш обличитель:

— Но не следовало, скажешь ты, советовать лакедемонянам то же самое. Верно. Ты ведь не знал, софист, как обернутся дела для Спарты, точно так же как и для Аттики.

Ты боялся посоветовать им бежать: вдруг они обратятся в бегство, а персы не станут наступать? Поэтому, когда пришлось хоть что-то сказать, ты так ответил спартамцам:

Жители Спарты великой, прославленный град ваш погибнет:

Полчища варваров-персов нагрянут на эллинов земли.

Если же выстоит город, придётся оплакивать Спарте

Гибель царя спартиатов, потомка святого Геракла.

И снова сплетение слов, в которых ничего не предсказывается. Но оставим его, чтобы не показаться слишком докучливыми и даже глупыми, дважды обрушиваясь на одно и то же. Посмотрим, что было дальше.

В такой опасности для страны все взоры с надеждой обратились на тебя. Ты был для них и предсказателем будущего, и советчиком в делах. Они верили в тебя, а ты считал их за дураков. Особенно же в наступивший момент, когда можно было заставить этих глупцов нестись не только в Дельфы и Додону, эти гнёзда обманщиков, но и к гадателям по полётам птиц и на муке, и к чревовещателям. В такие времена верят не только в богов, но и в кошек, ворон и в пустые сны. Совершенно очевидно, что они не восприняли бы оба предсказания, а скорее одно, и не более тяжёлое, а более лёгкое, а более лёгким было — пасть одному царю вместо всех. Ясно, что с падением города и царю не было бы спасения. А если он найдёт какой-либо иной выход, то, может быть, произойдёт что-нибудь неожиданное.

Таким образом, остаётся одна возможность для тех, кто так думал, — послать царя воевать, а самим остаться дома и вне опасности ждать исхода событий. Для царя, который вместе с немногими выдерживает натиск бесчисленных вражеских орд, гибель неминуема, а Спарта получает передышку от страха и удивительные надежды. И в случае захвата города, и в случае его спасения хитрость тем не менее остается неразоблачённой. Каким же образом? Ибо, клянусь Зевсом, не было сказано пророком, погибнет ли царь, а город спасётся или погибнет один он или весь город. Погибнет ли он один или не один, всё равно никто не поставит это богу в вину. Вот он, плод невежества и безрассудства! (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 24— 25, р. 218d сл.).

8. Но об этом достаточно. Нельзя также пройти мимо прорицания, данного им жителям Книда, которые не раз молились богу и просили у него помощи. Книдяне попали в сходные с описанными выше условия, когда Гарпаг пошёл на них походом. Пытаясь прорыть тамошний перешеек и превратить свой город в остров, жители Книда приступили к началу работ, но сразу же предприятие показалось им слишком тяжёлым, и в отчаянии они обратились к оракулу. Ты им ответил:

Не стоит в крепость перешеек превращать,
Копать не надо рвов и стены воздвигать.
Коль Зевс того б хотел, то остров был бы здесь.

И эти тупицы повиновались тебе. Отказавшись от намеченного плана, они отдали себя во власть Гарпага. Такова цена легкомыслия. Так как во время работы тем, кто копал, не было надежного убежища, то ты прекратил её. Советуя не браться за работу, ты внушаешь им ещё одну надежду на спасение. Но ты им вовсе не давал лучшего выхода, когда они прекратят рытьё, но только указал, что Зевсу не угодно, чтобы здесь был остров. Если бы ты их разубедил, то при любом исходе твой ответ был бы правилен, а если бы убедил, то могло показаться, что ты предсказал спасение. Поэтому безопасно было хитрецу отговаривать. Таким образом, ничего по существу не сказав людям, ради чего они пришли к тебе, ты отослал их, заставив подумать, что они услышали нечто важное (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 25—26, р. 220с).

9. Я думаю, что всё это достаточно изобличает глупость как тех, кто даёт оракулы, так и тех, кто их спрашивает, и показывает, что в них нельзя найти ничего истинного или божественного. Ты, пожалуй, легко убедишься в бесстыдстве злых демонов или людей, притворяющихся пророками, если узнаешь, что те, кто должен быть вдохновителем мира и

дружбы, очень часто натравливают друг на друга пришедших к ним за советом. То Аполлон Дельфийский своих милых спартанцев натравливает на мессенцев, то мессенцев — на спартанцев, только бы они снова и снова умилоствовали демонов человеческими жертвоприношениями.

Теперь послушай и об этом. Всё определяется так называемой мудростью, которая помогает прорицать и не позволяет болтать что попало; она сама взвешивает все обстоятельства и сама устанавливает цену всему. Она, конечно же не разрешит Пифийцу из-за его беспомощности давать оракулы ни мессенцам, ни спартанцам о мессенцах и о земле, которой владели мессенцы, обманом победив спартанцев.

Битвой решать все дела не советует Феб светозарный,
Только обманом народ твой владеет мессенской землёю.
Тот, кто обманет других, тот сам от обмана погибнет.

Он велит им помнить лучше о мире, о скромности и довольствоваться своей судьбой. Они же пришли к прорицателю вооружённые законами Ликурга, подхлестываемые ненасытностью и суетной жаждой славы, чтобы не казалось, будто они, воспитанные в законах стойкости, уступили военной силе мессенцев. Если бы они действительно были воспитаны в законах стойкости, то должны были бы довольствоваться малым и не нужно было бы им ни сражаться, ни нуждаться в оружии или в других средствах безумия. Таков был твой ответ спартанцам против мессенцев. А мессенцам против спартанцев ты также ответил. Ведь ты вещаешь не только мессенцам против спартанцев, но и спартанцам против мессенцев.

Жребий велит вам пречистую деву из Эпита рода
В жертву подземным богам принести поскорей, не жалея
Только лишь так вы спасёте, пожалуй, родную Итому.

Я не принимаю отговорки, что жертва из рода Эпита была нечистой и потому для мессенцев бесполезной. Ты любого можешь заговорить (Евсевий. Приготовление к Евангелию. V, 26—27, р. 220d сл.).

10. Таковы примеры из древней истории, но можно привести сотни других такого же рода из нашей действительности. По совету оракулов императоры часто начинают бесцельные войны. Их то обманывает неясность прорицания, то отклоняет от начатого обманчивость слов оракула. Что можно сказать, когда в тяжелейших условиях войны или смертельной болезни те, кого считают богами, не приносят никакой помощи или исцеления?! И всегда они получают такие ответы, о которых рассказывается в древней истории.

Среди прославленных у греков оракулов Пифийского Аполлона был особенно знаменит один, данный Ликургу. Пифия ему так ответила:

К храму пришёл моему, повсюду известному в мире,
Зевсу любезный Ликург и всем, кто живёт на Олимпе.
Трудно сказать о тебе — ты бог иль из смертного рода.
Богом скорее сочту я тебя, о Ликург благородный.
Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.

Дам тебе их...

и т. д. Давай же послушаем, что по этому поводу думает наш Эномай, известный обличитель оракулов. Он пишет следующее:

— Когда однажды к тебе пришёл Ликург как вождь и разведчик, ты сказал, что он явился из лощин Лакедемона, любезный Зевсу и остальным богам, обитающим на Олимпе, причем тебя даже охватило сомнение, богу или человеку предстоит давать прорицание. Ты даже присовокупил, что скорее всего это бог, раз он пришёл к тебе с просьбой о благих законах. Но если это был бог, то как он мог не знать законов, если ещё к тому же был любезен Зевсу и всем олимпийцам? Но уж если без бога не могут открыться законы и они объявляются божественнейшему из людей голосом богини, то слушаем этот божественный голос и его ответ Ликургу:

Ищешь теперь у меня наилучших для граждан законов.

Дам тебе их...

— Ну, и дай, — сказал бы я. — Ведь никогда до этого ты никому ещё не обещал такого дара.

Клятвы свои, обещания, данные волею бога,
Выполнить должно тебе, и царит пусть у вас справедливость.
Старость в почёте держать — вот долг ваш святой, непорочный.
Чтите бессмертных мужей священной родины Спарты —
Род Тиндаридов, царя Менелая и прочих героев.
Будет тогда охранять землю вашу небесный владыка.

О, что за божественные поручения и советы, Аполлон! Ради них не долог путь, не то что из Пелопоннеса в Дельфы, но даже к самим гиперборейцам, откуда, как говорят, согласно оракулу некоего пророка Астерия, прибыли

Жители острова Делоса вместе с жрецами святыми.

Этот Ликург, как мне кажется, и кормилицы не имел, и в обществе старших никогда не вращался, от которых мог он услышать нечто более прекрасное и мудрое, чем изречённое богом. Если тебя настойчиво попросит Ликург, вероятно, ты скажешь что-нибудь ещё, но более определённое. Если бы одни давали разумные советы, а другие их принимали, то я попросил бы Ликурга не падать духом и, если может, взять у тебя план государственного устройства и уехать в свою Спарту.

Два есть пути, совершенно не сходных друг с другом у смертных.

Первый ведёт ко дворцу, где прекрасной свободы палаты.

Путь же второй приведёт к безрадостной хижине рабства.

Мужества требует первый, священного в людях согласия.

Этой дорогой надежды вести тебе к счастью народы.

Мрачный раздор и безумье идут рука об руку с рабством...

Вот этого, последнего, ты настойчиво велишь опасаться, а больше всего советуешь нам быть мужественными. Такие советы мы нередко выслушивали даже от трусов. «Надо жить в согласии!» А это услышишь не только от добропорядочных граждан, но и от самих мятежников. Вот почему это твоё наставление мы прощаем тебе. Хоть ты и пророк, а не знаешь, что подобные речи мы часто слышим от многих, хотя они ни лаврами не питаются, ни воду не пьют из Кастальского источника и никогда не поднимают брови в знак особой мудрости. Итак, говори о мужестве, говори о свободе, говори о согласии и о том, как всё это появляется в государстве, но не заставляй нас вести народы этим путём, а веди нас сам. Прекрасен этот путь, но недоступен нам и внушает страх. И продолжает:

— Ты готов говорить и о браке —

С пастбищ аргосских гнедая кобылка к тебе поспешает.

И о детях:

Чтить не хотят Эстиона, хоть он и самый почтенный.
Лабда, дитятей тяжёлая, гору родит вам однажды.

И о колониях:

Шли к золотому народу побольше земли своей граждан.
Меди на плечи возьми, а в руки седое железо.

О тщете славы:

Лучше мира всего Пеласгов родимая почва,
Фракии быстрые кони и славные женщины Спарты,
Пьющие воду мужи из источника — дар Аретузы.

По моему мнению, ты вовсе не лучший из так называемых пророков, как и не лучший из прочей клики шарлатанов и софистов. Меня нисколько не удивляет, когда этот презренный род людей ради денег хватается за горло других, но я крайне удивлен, как ты, бог, и эти люди из-за денег душите друг друга. А известный всем Сократ, когда один человек спросил его, жениться ему или нет, ответил только одно — и в том, и в другом случае он будет раскаиваться. А тому, кто хотел иметь детей, он правильно отсоветовал это делать, ибо если тот, последуя его совету, решит завести детей, то нисколько не станет заботиться, чтобы хорошо их воспитывать, а будет думать только о том, как их породить.

Когда какой-то человек из-за того, что ему плохо жилось на родине, решил уехать на чужбину, он сказал, что тот принял неверное решение, ибо, покинув родную землю, он вместе с собой увезёт и собственную глупость, которая там, как и здесь, сделает его жизнь несносной. Сократ давал советы не только тогда, когда его спрашивали, но и по своей инициативе, идя на подобного рода встречи.

Двадцать пройдет ещё дней до восхода звезды, жар несущей
(Сириус имя её), и потом ещё снова дней двадцать...

Вакх пусть будет врачом в прохладе тенистого дома.

Для афинян, страдающих от жары, эти слова не несли в себе ничего пророческого, а напоминали скорее медицинский совет.

Пресбониада Климена дитя — Эргин благородный,
Поздно сюда ты пришёл в тоске о потомстве достойном.
К старому плугу всё ж новую ручку возможно приделать.

Посоветовать старику, жаждущему детей, обзавестись молодой женой — для этого не нужно быть пророком, а просто человеком, хорошо знающим природу. Но страсть делает людей упорными, поэтому я настоятельно советую приготовить для них розгу покрепче, если тебе не удастся убедить их вместо такого рода паршивых вопросов спрашивать о чём-нибудь действительно достойном твоей божественной мудрости. Антиоху с Пароса, лишившемуся в политической возне всего своего состояния и в горе пришедшему к тебе, ты ответил:

Домом твоим будет Фасос — туда, Антиох, отправляйся!

Но, пожалуй, с большей пользой для себя он услышал бы такой ответ:

Разум скорей обрети, Антиох. Знай, что и бедность — не горе.
А что ты ответил посланцам с Крита?

Жители Феста, и Тарры, и морем омытого Дия,
Вас призываю: ведите жизнь без греха и порока.
Фебу Пифийскому жертву немедля свершите, о люди.
Счастье на Крите своем обретёте, чтя Зевса-владыку.
Тут вам совсем не помогут древнейшие предков законы.
Они несравненно больше почерпнули бы для себя, если бы оракул гласил:

Жители Вздора и Страсти, кто полон тщеславья пустого,
Вас призываю: от собственной глупости будьте подальше.
К мудрости, жизнь без греха и позора ведя, обращайтесь.
К счастью ведут не древнейшие предков законы, но божи.

Чтобы не заниматься больше этими очистительными жертвами для Крита, ты выдумываешь какие-то ещё Орфические или Эпименидские очищения.

Почему, мудрейший из богов, спартанские цари Харилай и Архелай,

Если добра половинную часть отдадут Аполлону,
Лучше им будет намного тогда?

Какого другого Аполлона ты имеешь в виду? Это ведь сказано, конечно, не тобой, бессовестный пророк; иначе тебя станут попрекать за то, что ты так постыдно делишь добычу вместе с разбойниками. Итак, об этом достаточно. (Евсевий. Приготовление к

Евангелию, V, 27—32, р. 222Ь сл.).

11. А теперь расскажем о том, благодаря чему Аполлон снова и снова превозносит Архилоха, поэта, употребляющего в своих стихах в адрес женщин самую непристойную и постыдную брань, которую приличный человек даже слушать не стал бы. Как он восхваляет Еврипида, который отошёл от образа жизни и философии Сократа, и трагедии которого ещё и теперь играют на сцене! Гомера, которого благородный Платон изгоняет из своего идеального государства не только из-за его полной бесполезности, но и как сочинителя поэм, крайне вредных для воспитания молодёжи. В связи с этим наш Эномай следующим образом высмеивает прорицателя-бога:

Будет твой сын, Телесикл, бессмертным средь рода людского,
Слава покроет его.

Этим сыном был Архилох.

Сын у тебя, Мнесархид, на радость появится людям,
Будут его почитать, он к славе поднимется быстро,
Первенства чудный венец в награду за труд получая.

А этим сыном был Еврипид. К Гомеру же он обратился так:

В жизни твоей две судьбы, две доли неравных смешались:
Зренья лишила одна, другая бессмертье дарует.
Будешь и мёртвым живой.

По этой же причине он услышал:

Счастья сын и несчастья, рождённый на то и другое.
Говорит же это не человек, а некто, утверждающий, что он бог, и поэтому ему, как Богу не след заниматься судьбой горемычных людишек.

В таком случае, о боже, смотри не презирай и нас. Ведь все мы, если только в чём-нибудь не ошибаемся, добиваемся своей цели: одни из нас стремятся к высшим почестям, другие — к священным венкам, третьи — хотят быть богоравными, четвёртые — к самому бессмертию. Итак, благодаря чему ты считал Архилоха достойным неба? Не завидуй, гуманнейший из богов, и другим людям в их пути наверх. Что ты нам советуешь делать? Очевидно то же самое, что и Архилоху, если мы хотим оказаться достойными твоего дома. Иначе говоря, поносить последними словами тех женщин, которые не хотят выходить за нас замуж, и нападать на развратников, ибо из всех подонков они, разумеется, самые отвратительные.

Всё это, конечно, нужно делать в стихотворной форме, так как это язык богов и божественных мужей, таких, как Архилох. Здесь нет ничего удивительного: благодаря выдающимся достижениям в этом искусстве и дом в порядке, и частная жизнь в безопасности, и государства живут в согласии, и народы управляются справедливыми законами. Поэтому ты не без оснований считал его служителем Муз, а его убийцу, уничтожившего человека, чей голос звучит и сейчас, недостойным обратиться к вам, богам,

и вашего гласа. Значит, справедливы были угрозы Архию[295], и правильно поступила Пифия, которая, мстя за давнюю смерть Архилоха, изгнала из храма нечестивца, убившего служителя Муз. Даже мне показалось, что ты был справедлив, защищая поэта.

Тут я вспомнил о другом поэте и о его венках. Речь идет о Еврипиде. И хотя я сомневался, но хотел услышать не о том, почему он был награждён венками, а почему эти венки названы священными, и не о том, что он достигнет славы, а почему она высшая. Ему аплодировала толпа. Я это знаю, но я знаю и то, что он нравился тиранам. Он так усердно занимался своим искусством, что им восхищались не только поклонники, но и все Афины, гордясь тем, что только они дали миру трагических поэтов.

Итак, если эти рукоплескания и стол, установленный на акрополе, годятся на роль судей в таком деле, то я больше ничего не скажу, видя, как на акрополе обедает Еврипид, а народ афинский вместе с македонянами единодушно выражают одобрение. Если же, кроме того, есть ещё какое-то мнение богов, а оно, безусловно, заслуживает доверия и ничуть не легче одобрения тиранов или толпы, то скажи нам, пожалуйста, на основании каких заслуг вы, боги, вынесли такое великолепное решение о Еврипиде. Нам это необходимо знать, чтобы постараться взойти на небо по следам ваших похвал. Ведь теперь нет больше ни сабеев, ни ликамбов, чтобы поражать их стрелами сатиры; нет ныне ни Фиеста, ни Эдипа, ни того злосчастного Финея, судьба которых была бы созвучна трагической музе.

Я полагаю, что они не стали бы завидовать ни одному человеку, жаждущему дружбы богов, потому что, как мне кажется, если бы они знали, что некогда появится какой-то Еврипид, ставший другом богов благодаря описанию их деяний, то они позабыли бы о своих прегрешениях и не думали бы об их исправлении, а принялись бы за сочинение стихов. И если бы они слышали прославленные имена прошлых веков, то пользовались бы их примером, чтобы проложить себе путь на небо и там, на Олимпе, сидеть рядом с поэтами при дворе самого Зевса. Так говорит дельфийский поэт. Теперь послушаем, о чём спросил однажды бога счастливый поэт Гомер. В этом вопросе было что-то небесное и достойное обращения к богам, в ином случае бог так легко не назвал бы его счастливым и не обратился бы к этому счастливцу со словами:

Родину ищешь отцову, но будут то матери земли —
Те, что от Миноса дома не так далеки и не близки.
В этой земле материнской свой век многотрудный окончишь.
Юношей речи услышав, полные слов непонятных.

О мудрейший из людей, да нет, из богов, не удивительно ли, что этот счастливый человек не знает, в каком месте на земле он появился на свет из материнского лона и где будет покоиться, навеки сомкнув свои очи. По мне безразлично Гомер ли обращается с вопросом по такому поводу или жук-скарабей и даёт ли бог ответ Гомеру, не знающему, где его родина, или скарабею. Ведь и жук какой-нибудь, который не жил до старости в той же самой навозной куче, где родился, а был подхвачен порывом бурного ветра и по воле злого скарабейского демона перенесён в другую страну и в другую навозную кучу, мог потом прилететь в Дельфы и спросить оракула, где его родная навозная куча и какая земля примет его, когда он подохнет.

Так Эномай рассуждал о поэтах. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 32-33, р. 227d сл.).

12. В связи с тем что наш удивительный бог в своих оракулах причислил к сонму богов кулачных бойцов и атлетов, мне кажется вполне естественным, что Эномай направил стрелы своей критики и в эту сторону.

Тот, кто знает песчинок число и море измерил,
Мысль понимает немного и речь бессловесную слышит[296].

О, если бы ты этого всего не ведал, а знал лишь одно — что искусство кулачного боя ничем не отличается от умения лягаться, тогда бы ты причислил к лику бессмертных и ослов, как ты сделал с Клеомедом, кулачным бойцом из Астипалеи[297], о котором ты сказал-

Это последний герой — Клеомед из Астипалеи.
Жертвы ему приносите его уже нет среди смертных.

Почему ты, эллинов древний пророк, как называет тебя Платон[298], обожествил этого человека? Не потому ли, что на Олимпийских играх одним ударом убил он своего противника, рассёк ему грудь, и, запустив туда руку, вырвал лёгкие? Действительно, Аполлон, поступок, достойный бога. А может быть, на том основании, что, присуждённый к штрафу в четыре таланта, он не захотел его платить и, охваченный досадой и злобой, сорвал свой гнев на детях, находившихся в школе, свалив там колонну, подпиравшую потолок?

Итак, делатель богов, именно по этим причинам ты считал Клеомеда достойным почитания? Или хочешь добавить ещё одно доказательство его мужества и приязни к нему со стороны богов? Не имеешь ли ты в виду, что он спрятался от преследователей в священный ларь, стоявший в храме, и, задвинув над собой крышку, стал для них неуязвим, когда они пытались его оттуда вытащить. О Клеомед, бессмертный герой, каких тяжких трудов стоило тебе бессмертие! Боги сразу же узнали о твоих выдающихся подвигах и вознесли на небо, как некогда гомеровские боги Ганимеда, но последнего за красоту, а тебя за силу, притом исключительно удачно применённую во благо.

Итак, мой прорицатель, если бы ты, наплевав на песок и на море, познал вместо этого сущность кулачного боя, то стал бы считать богами и дерущихся ослов, а из богов самыми достойными — диких ослов-онагров. Тогда бы для мёртвого онагра следовало бы скорее изречь, чем для твоего кулачного бойца Клеомеда:

Не Клеомед из бессмертных, а дикий осёл самый лучший.
Жертвы ему приносите. Его уже нет среди смертных.

Так ты не удивляйся, если и онагр, в изобилие снаряжённый всем божественным, станет претендовать на бессмертие, а услышав твой ответ, не удержится и будет угрожать, что забьёт самого Клеомеда копытами, столкнет его в пропасть и не позволит взять на небо. Ведь он гораздо достойнее, чем Клеомед, этих божественных даров, ибо готов сражаться не только с ним одним, хотя тот и пользовался железными гимантами[299], но и с кулачным бойцом с Фасоса, или даже с ними обоими (из-за статуи этого фасосца боги очень

разгневались и сделали фасосскую землю бесплодной; мы верим в этот рассказ, потому что он исходил не от человека, а от самого бога).

Из всего этого я прекрасно понял, что искусство кулачного боя было своего рода божественным занятием, чего многие, считающие себя умными людьми, не постигли. Им бы бросить свою калокагатию и начать упражняться в кулачном бою по примеру того фасосца, которому боги не даровали бессмертия, как Клеомеду, но проявили к нему исключительную любовь. Так и его бронзовая статуя по сравнению с другими изваяниями людей обнаружила удивительные свойства, когда, как кажется, не без божественного вмешательства она ускользнула из-под ударов врага.

А эти фасосцы, потеряв разум и ничего не смысля в божественных делах, пришли в негодование, прокляли статую и подвергли её наказанию, осмелившись сбросить в море. Но и фасосцы не избежали наказания. Боги показали, какую беду они на себя навлекли, наслав на них голод, спутника справедливого божественного гнева, хотя он и не вполне раскрыл им замыслы богов. Поэтому ты, человеколюбивейший из бессмертных, на свой лад оказал им помощь, произнеся:

Родину изгнанным снова верни — к изобилию вернёшься.

Но эти несчастные решили, что им нужно призвать обратно на родину изгнанников. Ничего-то они не поняли! Разве таких бесчеловечных богов волновали судьбы изгнанных людей, а не возвращение на место статуй? Они так бы и не помогли освободиться этой земле от напастей, если бы один человек, мудрый и знающий, не понял божественного смысла прорицания, в котором под изгнанниками подразумевалась сброшенная в море статуя. Так это было. Статую водворили на место, и земля тотчас же расцвела, а жители Фасоса снова стали гордиться плодородием своего острова.

Разве всё это не доказывает с полной очевидностью божественной сущности атлетики и того, что она достойна божеских почестей? И в другой раз, когда было совершено надругательство над статуей одного пятиборца, боги также разгневались, и локрийцы, так же как и жители Фасоса, пережили из-за этого голод, пока их не исцелило следующее изречение оракула:

Чти оскорблённого честь, и земля тебя щедро одарит.

Локрийцы тоже не поняли смысла божественного совета, прежде чем ты не разъяснил им его. Они бросили этого пятиборца по имени Эвтикл в тюрьму, обвинив в том, что он якобы принял дары от врагов своей родины. Но дело этим не кончилось. После его смерти локрийцы продолжали глумиться над его статуями до тех пор, пока боги не потеряли терпения и не наслали на них тягчайший голод. И они бы погибли от голода, если бы от тебя не подоспела помощь, гласящая, что им следует чтить тучных людей, которых боги любят не меньше, чем крестьяне быков, и благодаря которым люди, принося их в жертву, иногда умилостивляют вас.

Не меньше, а, может быть, даже больше тучных быков вам нравятся тучные люди, и притом так, что порой вы изливаете свой гнев на целый город и на весь народ, когда они поступают

несправедливо с одним или двумя такими созданиями. О мой пророк, ты должен был вместо пророка родиться у нас учителем гимнастики с тем, чтобы Дельфийское прорицалище было одновременно и гимнасием. Ведь не был чужд пифийским играм пифийский гимнасий. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 34, р. 230 сл.)

13. К сказанному прибавлю и то, что говорит Эномай, разоблачая лесть богов, о которых раньше шла речь, в адрес тиранов.

Счастлив тот муж, что в мой дом поскорее войти поспешает, —
Града Коринфа властитель Кипсел, потомок Эака[300].

Таким образом, сами тираны, а не только враги тиранов провозглашаются вами счастливыми, в том числе Кипсел —

Тот, кто причиной Коринфу немалых несчастий и горя, —
и Меланипп[301], который добыл множество богатств для города Гелы.

Если Кипсел счастливее, то почему нельзя считать счастливым и похожего на него Фаларида? Поэтому вам надо было бы лучше провозгласить:

Счастлив ты, Фаларид, Меланипп был также счастливым.
Вы провозвестники споров богов среди смертных.

Я однажды слышал от тебя прорицание о Фалариде, где ты хвалил его и одобрил за то, что отпустил на волю схваченных и подвергнутых жесточайшим пыткам заговорщиков, увидев и поразившись, с какой стойкостью они выносят эти пытки. Локсий и Зевс-отец решили отсрочить смерть Фалариду за его мягкое обращение с Харитоном и Меланиппом.

Великолепно, хоть и с трудом, ты объяснил нам, как обстоит дело с жизнью и смертью и что в жизни есть нечто прекрасное. Свидетельством этого пусть послужит следующий твой ответ:

Будет значительно лучше всему населению Метимны,
Ест вы Вакха главе деревянной почёт воздадите.

Города приносят жертвы и совершают посвящения в таинства не только перед деревянными головами Диониса, но и перед каменными, бронзовыми и железными и не только перед головами, но и перед самими Дионисами и ещё перед многими другими гесиодовскими богами. И впрямь на земле-кормилице находится тридцать тысяч[302] не бессмертных, а каменных и деревянных властителей рода человеческого. Если бы они наблюдали за справедливостью и её нарушениями у людей, тогда дело не дошло бы до такой нелепости, когда зло проникает даже к вам, на самый Олимп, где, как говорят, «дом нетленный бессмертных».

Если он действительно «нетленный», то был бы недоступен для всякой ерунды, и никто бы из олимпийцев не докатился до такой глупости, чтобы объявить богом простой обрубок масличного дерева. Такой кусок, запутавшийся в неводе, вытащили однажды рыбаки из

Метимны, а потом это случилось дважды или, кажется, трижды и ещё несколько раз на том же самом месте. Затем они вывезли этот обрубок в Ливийское море вместо того, чтобы выбросить его на берег — тогда, клянусь Дионисом, он не попался бы им снова в сети. Верхняя часть этой деревяшки была похожа на человеческую голову (поразительная, следует сказать, Аполлон, работа!).

Что с ней случилось там, в море? Трудно сказать. Наверное, клянусь Зевсом, болталась, пока безумные люди (не скажу — боги) не наткнулись на неё и не подумали, что это чудо, посланное им не Зевсом, а Посейдоном. Потом его увезли в город, как некое доброе предзнаменование, хотя в действительности оно было не добрым и не счастливым, а нечто вроде факела поджигателя. Им явно было мало той гибели, которая грозила их городу изнутри, её дополнительно укрепило и увеличило, так сказать, приглашённое из Дельф и посланное богами всеобщее помешательство. Таковы слова Эномая. (Евсевий. Приготовление к Евангелию, V, 34; 35; 36, р. 233 сл.).

14. Итак, послушай снова, с каким юношеским задором и смелостью автор, озаглавивший своё сочинение «Обличение обманщиков», критикует заблуждения толпы и самого Аполлона. Вот дословно его рассуждения.

— Ты сидишь себе в Дельфах и, даже если бы хотел, не можешь молчать. Сейчас Аполлон, сын Зевса, хочет молчать не потому, что хочет, а потому, что вынужден необходимостью. Хотя я пришёл к этому, сам не знаю какими путями, мне всё же кажется необходимым отбросить всё остальное и заняться исследованием весьма своеобразной и достойной внимания проблемы. Из человеческой жизни исчезла, по крайней мере с точки зрения философов, исчезла, повторяю, совсем свобода распоряжаться своей жизнью (как бы эта свобода ни называлась — кормило, опора или основание), которую мы считаем верховной властительницей всех самых необходимых потребностей, а Демокрит[303], старается объявить это высшее из благ рабством, а Хрисипп, если я не ошибаюсь, — полурабством. Доводы этих знаменитых философов могут повлиять на того, кто, будучи человеком, пускает в дело человеческое же оружие. Но если теперь против нас ополчатся ещё и божественные силы, увы, что нам придётся претерпеть! Было бы несправедливым и недостойным, если бы мы стали руководствоваться таким оракулом:

Враг ты соседним народам, но друг небожителей верный.
Дротик оставь свой в покое, сиди под укрытием дома.

«Значит, — скажет аргивянин, — если бы я захотел, то мог по своему усмотрению сидеть дома и укрываться от опасностей?» — «Да, — скажешь ему, — тебе позволено так поступать. В ином случае как бы я тебе это предписал?»

Карист, потомок повсюду известного Хирона милый,
Пелий покинь и ступай на вершину Евбеи гористой,
Роком тебе суждено основать там священное царство.
Смело иди и не медли!..

— Тогда, Аполлон, в самом деле что-то зависит от человека и даже я могу проявить желание покинуть Пелий? А я слушал от многих мудрых людей, что если мне уж суждено прийти на вершину Евбеи и там основать священное царство, то я приду туда и заложу новый город, скажешь ли ты об этом или нет, захочу я того или нет. Но если мне надлежит желать только то, что указано судьбой, и желать даже вопреки моему желанию, тогда ты, Аполлон, безусловно, достоин доверия. Поэтому, как мне кажется, я должен ещё внимательнее к тебе прислушиваться.

Гражданам Пароса должно тебе, Телесикл, поведать:
Солнечный я приказал основать на Ээрии город.

— Клянусь Зевсом, я сообщу им об этом (скажет, пожалуй, какой-нибудь ослеплённый тщеславием человек или твой недоброжелатель), даже если ты и не прикажешь. Ведь такова моя судьба. Ээрия — это остров Фасос, и туда придут паросцы, так как мой сын Архилох утверждает, что прежде этот остров назывался Ээрия. Ты же, будучи в силах жестоко карать, не станешь, я думаю, терпеть неблагодарность и наглость человека, который никогда ничего не сообщил бы против твоего желания, да и Архилох, его сын, не вывел бы колонию паросцев на чужбину, а паросцы не поселились бы на Фасосе. Впрочем, не знаю, скажешь ли ты так: ты ведь не отдаёшь себе отчёта в том, что говоришь. У нас, как мне кажется, сейчас вполне достаточно времени для подробного разговора, а разговор этот важный, потому, выбрав из многого лишь немного и самое главное, поговори со мной вот о чём.

Итак, мы с тобой что-нибудь собой представляем, я и ты? Вероятно, ты скажешь «да». Откуда нам это известно? Просто оттого, что мы это знаем? А может быть, только благодаря нашим чувствам и ощущениям? Далее. На основании чего мы решили, что являемся живыми существами? А из живых существ, как бы это мне сказать поточнее, — людьми, а один из людей — обманщиком, другой же — его обличителем, один — пророком, другой — клеветником. Пусть меня кто-нибудь опровергнет, в этом случае ты будешь прав.

Откуда нам известно, что мы сейчас говорим друг с другом? Что ты на это скажешь? Разве мы неправильно оценили наши ощущения в ходе этого процесса? Конечно, правильно. Значит, нет ничего, что было бы выше, значительнее или достойнее доверия, чем наши ощущения. В противном случае пусть к тебе, в Дельфы, не явится впоследствии некто по имени Алкмеон, убивший мать и изгнанный из родины, однако стремящийся вернуться домой. Ведь сам он не знает, представляет ли собой вообще какую-то ценность, изгоняют ли его из дома и стремится ли он туда снова.

Пусть Алкмеон лишился разума и думает о том, чего нет, но Пифиец-то ведь не сошёл с ума. Тогда не говори так:

В землю родную вернуться стремишься, о сын Амфиарая, ибо и ты не можешь знать, спрашивает ли тебя какой-то Амфиарай, да и ты сам, к кому обращены вопросы, не знаешь, что собой представляешь и в состоянии ли отвечать на то, о чём тебя спрашивают. И пусть Хрисипп, введший понятие полурабства, хотя и не знает, что это такое, не является в Стою. Пусть не думает, что встретится там со слизняками, пришедшими послушать его, человека,

который для нас ничто. И пусть он ни о чём не спорит ни с отсутствующим Эпикуром, ни с присутствующим Аркесилаем.

Ведь он не знает и знать не может, ни что такое Аркесилай, ни что такое Эпикур, что собой представляет Стоя, молодёжь — никто, а прежде всего не знает, чем является сам. Ни вы, ни Демокрит не сможете ничего возразить на подобные речи, ибо нет более верного довода кроме того, о котором я говорю. А если кажется, что есть ещё какие-то доводы, то по крайней мере с этим они сравниться не могут, а если и могут, то превосходить никак не могут. Потому, скажет, пожалуй, кто-нибудь, и ты, Демокрит, и ты, Хрисипп, и ты, пророк, негодуете, что хотят лишить вас ощущений или ваших многочисленных книг. Тогда давайте и мы будем возмущаться. В чём же, наконец, дело? Где что вам покажется, то и будет самым достоверным и главным. А там, где не покажется, там будет царствовать некая скрытая и, я бы сказал, неотвратимая необходимость, о которой думают по-разному.

Разве один не утверждает, что всё зависит от бога, а другой — от тех маленьких телец, которые низвергаются вниз, потом подсакаивают вверх, сплетаются и расходятся, отдаляются и снова по необходимости приближаются друг к другу[304]. Каким образом мы познаём самих себя, так же мы воспринимаем и происходящие в нас процессы, возникающие как сами по себе, так и под влиянием внешних сил. Ведь мы прекрасно знаем, что существует значительная разница между тем, когда мы сами ходим или нас ведут, между свободным выбором и принуждением.

С какой целью присовокупил я все эти рассуждения к уже сказанному? Потому что ты, пророк, не знаешь, над чем мы властны, и ты, всеведущий, не ведаешь того, к чему протянуты нити от наших желаний. Ясно, что этот принцип лежит в основе многих явлений и поступков. Тот, от которого скрыт этот принцип, являющийся причиной последующего, может ли знать, что вытекает из этого принципа? Было, конечно, постыдно предсказывать Лаю, что его убьёт собственный сын, ибо если бы он мог быть хозяином своих желаний, то ни Аполлон, ни какое-нибудь другое, ещё более могущественное божество никак не могло бы постичь ни происходящего, ни необходимости его рождения.

Самое же смешное во всём этом заключается в соединении и смешении того, что зависит в какой-то степени от людей и наличия ряда объективных причин и следствий. Как говорят умники, здесь есть много сходного с повествованием Еврипида[305]. Лай захотел породить детей, что было в его власти, но это ускользнуло от проницательности Аполлона. После того же когда у Лая родился сын, вступила в силу неизбежная необходимость — погибнуть ему от руки сына. Таким образом, необходимость, диктующая неизбежность будущих событий, дала возможность пророку предвидеть то, что должно случиться. Но и сын был в какой-то степени хозяином своего желания, как и его родитель. Отец — породить или не породить, сын — убить или не убить.

Так обстоит дело со всеми вашими прорицаниями И Аполлон у Еврипида действовал в том же духе, предсказывая:

Шагать по морю крови будет весь твой дом, потому что и сын вырвет себе глаза своими собственными руками. На матери своей женится и царём станет, разгадав загадку Сфинкса,

а потом начнётся братоубийственная война, после того как один из братьев будет изгнан из родины, а другой — жаждать власти, а изгнанник женится в Аргосе, и состоится поход семи достойных осмеяния вождей, и, наконец, поединок. Когда все участники трагедии были разбросаны по разным царствам и землям, как ты мог всё разузнать и каким образом могла соединиться причинная цепь?

Если бы Эдип был сам себе хозяином и не хотел получить царскую власть, а захотев и получив её, не пожелал жениться на Иокасте или, женившись, не обезумел от печали и горя, как могло бы произойти всё последующее? Разве он вырвал бы себе глаза и проклял своих детей своими проклятиями и теми, которыми можно найти у Еврипида? Каким образом произошли бы дальнейшие события, если бы они не были обусловлены упомянутыми уже причинами, да и как бы ты сам мог в таком случае предсказывать будущее?

С другой стороны, если бы дети Эдипа царствовали вместе или договорились царствовать по очереди или изгнанный решил отправиться не в Аргос, а в Ливию или к перребам, или же, прибыв в Аргос, стал торговать селёдками и женился бы не на богатой девушке, а на подёнщице или на торговке, Адраст же не отдал бы за него свою дочь, изгнанник, в свою очередь, не захотел бы вернуться на родину, а если бы и захотел, то поборол бы своё желание; если бы Адраст отказался ему помочь, а за Адрастом не пошли бы ни Амфиарай, ни Тидей, ни другие вожди или если бы они согласились последовать за ним, а Полиник не стал бы сражаться с братом или захотел совместно с ним царствовать, когда же тот не захотел бы, ушёл, прислушавшись к словам Еврипида:

Пришёл ты к нам, незванный, родину сгубить, а если бы не захотел уйти, то брат его Этеокл сложил бы с себя власть, попав под влияние других хитроумных речей Еврипида:

Как солнце, так и ночь на службе у людей,
А дома равного терпеть не можешь ты? —
как тогда стали бы они сражаться друг с другом и весь дом Лая утонул в крови?

Но ведь всё так и произошло, возразишь ты. Да, произошло. Но ты-то благодаря чему сумел предвидеть эти события? Разве ты не наблюдаешь, как часто нарушает весь ход событий сила, заключённая в нас, участниках этих событий? Хочешь, я возьму любое событие, разорву эту вашу самую необходимую причинную связь и покажу её несостоятельность. Ты утверждаешь, что тебе известен исход событий. Но все события возникают под влиянием силы, разрушающей необходимую причинную связь вещей.

Может, тебе не понятно, о чём я говорю? В любом событии, пророк, живые существа часто образуют в нём самом несколько или много элементарных исходных пунктов, которые всегда как бы пронизывают его и, в свою очередь, являются первопричиной других явлений. Этот процесс продолжается до тех пор, пока появившийся откуда-нибудь другой элементарный исходный пункт, другая первопричина не принудят соединиться не с предыдущим и не последующим, а с самим собой. Этим исходным пунктом может быть и осёл, и собака, и блоха. Ведь, клянусь Аполлоном, даже у блохи тебе не отнять её свободы! Она может сама избрать себе любое направление, которое, иногда переплетаясь с человеческими действиями, образует исходный пункт какого-нибудь нового действия. Ты

же, занимаясь прорицаниями, не замечаешь, что сам руководишься такого рода закономерностями.

Взял ты город Трахин, обитель святого Геракла,
Зевс уж тебя покарал и ещё, локриец, накажет.

Что ты скажешь на это? Разве не вы решили, что Трахин будет взят? Разве в этом виноваты мы, а не ваша неизбежная необходимость? Ты поступаешь несправедливо Аполлон, и твои угрозы мы не заслужили, ибо ни в чём не виноваты. А этот ваш Зевс, необходимость вашей необходимости, почему он нас наказывает (если это ему уж так необходимо), а не сам себя за то, что обнаружил существование такой необходимости? Почему он нам ещё и угрожает? За что должны голодать, будто во всём виноваты мы? Будет ли восстановлен нами город или не будет, в обоих случаях решается судьбой.

Так оставь же свой гнев, Зевс, насылающий голод! Ведь произойдёт лишь то, чему суждено произойти, и это диктуется твоей необходимой причинной связью вещей. В сравнении с ней мы ничто. Поэтому и ты, Аполлон, прекрати свои бессмысленные пророчества: всё равно произойдёт то, что суждено, хоть ты и будешь молчать. Какого же мы заслуживаем наказания, Зевс и Аполлон, если совершенно непричастны к вашему законодательству, точнее говоря, к установленной вами необходимости? Что нам до ваших наказаний и гнева, которые по справедливости должны были бы пасть на ваши собственные головы за то, что вы нас принуждали совершать всякие преступления.

Жители области Эты, оставьте преступные мысли!

А мы их не питаем, Аполлон. Это вы нас к ним толкаете, и не из-за нашей преступности, а в силу вашей необходимости. Как ты, Аполлон, можешь хвалить того самого Ликурга, который не был хорошим человеком ни по своей воле, ни по своему характеру, а против своей воли? Если только кто-нибудь может стать хорошим против своей воли. То, что вы сейчас делаете, кажется похожим на такое положение, когда кто-нибудь стал бы хвалить и награждать физически красивых людей, а безобразных — порицать и наказывать.

Дурные люди могли бы справедливо упрекнуть вас, боги, за то, что вы не потрудились сделать их добродетельными, а, напротив, заставили быть дурными. И когда по улицам горделиво прогуливаются высоко нравственные люди, никто спокойно не сможет вытерпеть это зрелище, а скажут: «Хрисипп и Клеанф, и вы все, принадлежащие к этой компании (вас ведь заставили быть хорошими), мы хвалим добродетель, а не вас, добродетельных. Даже Эпикура, которого ты, Хрисипп, так часто поносил, мы от твоего имени объявляем свободным от всех обвинений. Ты часто бранил его за изнеженность и несправедливость, но он был таким не по своей вине. Какую же тогда должен он нести ответственность?

Милость богов знает каждый, кто к праведной жизни стремится.

Боги от их благочестья святые дары принимают.

Мне кажется, что этого вы не сказали бы, если не были убеждены в том, что не против своего желанья, а вполне добровольно идут они к тому, к чему идут. Всё то, что они захотят сделать из предсказанного им, ни бог, ни софист какой-нибудь из смертных не осмелятся

приписать необходимости. А если осмелится, то разговаривать с ним мы больше по станем, а возьмем плётку покрепче, да и отдерём его посильнее, как непослушного мальчишку».

Таково содержание сочинения Эномая, в котором он обрушивается на прорицателя.

(Евсевий. Приготовление к Евангелию, VI, 6, 7, р. 277б сл.).

Дион из Прусы (Хрисостом). Речи

VI. Диоген, или О тирании

- 1.. Диоген Синопский, бежав из Синопы, прибыл в Элладу; там жил он то в Коринфе, то в Афинах, утверждая, что подражает в образе жизни самому персидскому царю, который проводил зиму в Вавилоне и Сузах, а иногда в Бактрах, т. е. в самых теплых областях Азии. Летом же он жил в Экбатанах Мидийских[306], где стоит всегда прохладная погода, похожая на зиму в районе Вавилона.
2. Вот и Диоген менял свое местожительство в соответствии с временами года. В Аттике нет высоких гор и обильных водою рек, как на Пелопоннесе или в Фессалии. Земля там бедная, а климат сухой, так что даже когда выпадают редкие дожди, влага в почве долго не задерживается. Зато Аттика почти целиком окружена морем, благодаря чему и получила свое название, словно вся она представляет собой одно сплошное побережье[307].
3. Город Афины расположен в долине на юге Аттики. Доказательством служит то, что корабли, плывущие от Суниона в Пирей[308], не могут достичь цели, если только не дует южный ветер; понятно, что зима там мягкая; Коринф, напротив, летом овевают холодные ветры, всегда дующие со стороны заливов[309]. Город лежит в тени Акрокоринфа, спускаясь по направлению к Лехею и простираясь на север[310].
4. Эти два города (Афины и Коринф) намного красивее, чем Экбатаны и Вавилон; Коринфский Краний, афинские Акрополь и Пропилеи значительно величественнее царских дворцов, которым они уступают только в размерах. Афины в окружности составляют двести стадиев[311], если включить Пирей и стены, их соединяющие, так как не в столь уж отдаленные времена всё это сплошь было обитаемо.
5. Если говорить по правде, то Афины вдвое меньше Вавилона, но красотой своих гаваней, статуй и живописью, золотом, серебром, бронзой, порядками, утварью и меблировкой домов Афины намного превосходят всё, что можно увидеть в Вавилоне. Впрочем, Диогена всё это мало волновало.
6. «Персидский царь, чтобы сменить резиденцию, должен преодолеть весьма солидные расстояния: ему приходится проводить в дороге большую часть зимы и лета. Мне же, — говорил Диоген, — не составляет труда, остановившись на ночлег вблизи Мегар, на следующий день оказаться в Афинах. Если же нет, ещё более близкий путь через Саламин. И не нужно преодолевать пустынные переходы. Тут у меня явное преимущество перед

царём персов и больше удобств, потому что я располагаю лучшими условиями».

7. Вот таким образом любил шутить Диоген. Однако тем, кто восхищался богатствами персидского царя и его хвалёным счастьем, он доказывал, что в жизни царя нет ничего из того, о чём они воображают. От одной части его имущества нет никакой пользы, а в остальном он не отличается от самых жалких бедняков.

8. При всём том нельзя сказать, что Диоген не заботился о телесном здоровье и о самой жизни, как часто думали иные из глупцов, наблюдая, как он мёрзнет, живя под открытым небом, и испытывает жажду; а он, снося все тяготы, был здоровее тех, кто всегда сыт, живёт под крышей, никогда не мучается ни от холода, ни от жажды. Он испытывал даже больше удовольствия, чем они, греясь на солнышке и вкушая пищу.

Особенно радовался он смене времён года: приходу лета, когда становилось теплее, но и не огорчался, когда оно кончалось, ибо вместе с тем прекращалась сильная жара. Так, следуя за сменой времён года и понемногу приравливаясь к ним, он легко переносил крайности жары и холода.

10. Диоген редко прибегал к помощи огня или тенистого укрытия, если не появлялась крайняя необходимость. Остальные же люди в любой момент могут разжечь огонь, имеют запас одежды, жилище и, едва ощутив холод, тотчас же скрываются внутрь домов, изнеживают свои тела, делая их неспособными переносить зимнюю стужу,

11. Поскольку летом они когда угодно могут пользоваться тенью и пить в досталь вина, то, лишённые солнца, проводят так всё время и никогда не дожидаются, пока появится естественная жажда. Подобно женщинам, большую часть времени они проводят дома, сидят без дела, не зная, что такое физический труд, с одурманенной от пьянства головой; чтобы помочь себе, они придумывают дешёвую пищу и отправляются в бани. На протяжении одного и того же дня они испытывают нужду и в свежем ветре, и в тёплой одежде; им нужны одновременно и лёд, и пламень, а что самое нелепое — при этом они желают еще испытывать голод и жажду.

12. Будучи нетерпеливыми, они не получают удовольствия, даже занимаясь любовью, так как не дожидаются, пока появится естественное желание, поэтому они жаждут гнусных и безрадостных наслаждений.

Что касается Диогена, то он только тогда принимался за трапезу, когда его посещало чувство голода и жажды, считая, что именно это и есть самая лучшая и острая приправа к еде. Поэтому для него ячменная лепёшка казалась вкуснее любого самого изысканного блюда, а проточную воду он пил с большим удовольствием, чем остальные фасосское вино.

13. Диоген смеялся над теми, кто, испытывая жажду, проходил мимо источников и рыскал повсюду в поисках места, где можно было бы купить вино с Хиоса или Лесбоса. «Эти людишки глупее скота, — замечал он. — Любое животное, когда ему захочется пить, не пройдёт мимо родника или ручья с чистой водой, а когда испытывает голод, не откажется от нежных побегов или травы, способных его насытить».

14. Для него в любом городе были открыты самые красивые и здоровые жилища — храмы и гимнасии. Летом и зимой он довольствовался единственным плащом, ибо легко переносил ставший для него привычным холод.

15. Ноги его никогда не знали обуви и не требовали прикрытия, потому что, как он говорил, они не более изнежены, чем его глаза или лицо. Хотя глаза и лицо — от природы наиболее восприимчивые части тела, однако они прекрасно переносят холод благодаря тому, что постоянно открыты: невозможно людям ходить с завязанными глазами, словно они ноги, которые обычно обувают. Диоген говорил, что богачи похожи на новорождённых, которые всегда нуждаются в пелёнках.

16. Вот о каких вещах больше всего заботятся люди, вот на что тратят больше всего денег, вот из-за чего разоряются многие города и многие народы погибают самым ужасным образом. А Диогену всё это казалось не стоящим трудов и расходов. Ему не нужно было идти куда-нибудь для удовлетворения своих любовных желаний. Он говорил, шутя, что Афродита у него всегда под рукой и притом совершенно бесплатно.

17. Поэты, утверждал он, клеветают на эту богиню, называя её «золотой»[312] из-за собственной распущенности. Но так как немало людей сомневались в правоте его слов, то он занимался этим открыто, у всех на виду, и добавлял при этом: «О, если бы все поступали точно таким же образом, то Троя никогда не была бы взята, а Приам, царь фригийский, ведущий свой род от самого Зевса, никогда не был бы заколот у его алтаря».

18. Ахейцы же были столь глупы, что верили, будто даже покойники нуждаются в любовных утехах с женщинами, и закололи Поликсену на могиле Ахилла[313].

Диоген говорил, что в известном отношении рыбы умнее людей: когда к ним приходит желание выбросить сперму, они покидают свои убежища и трутся о что-нибудь жёсткое.

19. А люди, удивлялся он, не хотят за деньги потерять или ногу, или руку, или какую-нибудь другую часть тела, и даже самые богатые не заплатили бы за это ни одной драхмы, а вот за то, чтобы ублажить тот, всем известный единственный член, они не то что готовы потратить много талантов, но некоторые ради этого рискуют даже самой жизнью!

20. «Тот способ удовлетворения любовного желания, которым пользуюсь я, — продолжал, шутя, Диоген, — изобрёл Пан. Влюбившись в нимфу Эхо, он гонялся за ней, но не мог её поймать, дни и ночи рыская по горам. Он скитался до тех пор, пока Гермес, отец его, не сжалился над ним и не научил его этому способу, а Пан, познав его, избавился от многих неприятностей и научил, в свою очередь, пастухов».

21. Такими вот приблизительно словами он порой высмеивал людей самонадеянных и глупых, но больше всего насмеялся над софистами, претендовавшими на особое уважение и уверенными в том, что они знают гораздо больше всех остальных учёных. Он утверждал, что из-за своей изнеженности люди ведут более жалкий образ жизни, чем звери.

22. Питьём им служит вода, пищей — растения, большинство из них ходят голыми круглый год, никогда они не заглядывают в дома, не знают огня, живут так долго, как им

предопределено природой, если только никто не лишит их преждевременно жизни. Они живут, сохраняя силу и здоровье, не нуждаясь во врачах и лекарствах.

23. Что же касается людей, столь привязанных к жизни, придумавших столько средств, чтобы отдалить час смерти, то многие из них даже не доживают до старости, страдая множеством болезней, которые и перечислить-то трудно. Им уже мало земли для производства лекарств, теперь они нуждаются в железе и огне.

24. Ни советы Хирона, ни учеников Асклепия, как и предсказания гадателей или очистительные обряды жрецов, не приносят им пользы. Причина тут одна — распущенность и дурные нравы людей.

25. Они собираются вместе в города, чтобы защитить себя от внешних врагов, но поступают так незаконно по отношению друг к другу и совершают столько тяжких преступлений что можно подумать, будто они собирались туда именно ради этой цели. По мнению Диогена, в мифе потому и рассказывается, что Зевс покарал Прометея за изобретение огня и передачу его людям, ибо это послужило началом и первопричиной изнеженности и распущенности людей. Ведь нельзя же сказать, что Зевс ненавидит людей и завидует их благам.

26. Находились и такие, кто возражал Диогену, говоря, что нельзя человеку жить, подобно другим животным; у него плоть нежнее, и он беззащитен не имеет ни шкуры, ни перьев, как другие звери и кожа у него тонкая.

27. На это Диоген возражал: «Виной изнеженности людей — их образ жизни. Они избегают по большей части быть на солнце, скрываются от холода, и дело вовсе не в том, что тело их ничем не покрыто». Он указывал, что лягушки и немало других животных ещё более не защищены, чем человек, но некоторые из них не только легко переносят холодный воздух, но могут даже зимой жить в ещё более прохладной воде.

28. Диоген неоднократно подчёркивал: глаза и лицо человека не нуждаются в защите и вообще живое существо не зарождается в среде, где оно не могло бы существовать. Как бы в ином случае выжили первобытные люди, не имевшие ни огня ни домов, ни одежды и никакой другой пищи, кроме той, что давала природа сама по себе? Не очень-то облегчили жизнь последующим поколениям всякого рода хитрости, изобретения и придумки, потому что люди пользовались своими способностями не для доблести и справедливости, а ради наслаждения.

29. Преследуя во всём только собственные удовольствия, они постоянно живут жизнью более тягостной и трудной. Полагая, что они себя заранее всем обеспечивают и всё предусматривают, в действительности же люди этой самой чрезмерной заботой и предусмотрительностью только губят себя наихудшим образом.

30. Поэтому справедливо, что Прометей, как рассказывают, был прикован к скале, а коршун клевал его печень.

Диоген отвергал всё, что требовало больших расходов, забот и причиняло страдания, и показывал, какую опасность несут они тем, кто этим пользуется. Но он не отказывался от

всего, что можно легко и без особых усилий добыть для насущных физических потребностей, против холода и голода и для удовлетворения других желаний.

31. Он предпочитал здоровую местность гиблой и выбирал наиболее подходящую для каждого времени года. Заботился и о достатке в пище, и о скромной одежде, но чуждался общественной деятельности, судов, соперничества, войн, бунтов.

В образе жизни более всего он подражал богам. Только они, как утверждает Гомер, живут беззаботно[314], в то время как человечество проводит дни в трудах и тягостях. Добрые примеры, говорил он, можно найти и в мире животных.

32. Так, аисты, избегая летнего зноя, прилетают в области с умеренным климатом; проведя там приятно время, они собираются вместе и улетают, чувствуя приближение зимы. Журавли, легко переносящие стужу, прилетают туда, где идёт сев, и находят там себе пищу.

33. Олени и зайцы с наступлением холодов спускаются с гор в долины и на равнины (в горах они скрывались от ветра в удобных пещерах), от жары же они укрываются в лесах и в самых северных краях.

34. Диоген, наблюдая жизнь людей, делал вывод, что дни свои они проводят в хлопотах, злоумышляют все против всех, беспрестанно находятся среди тысячи бед, не зная передышки хоть на миг, даже в праздники, в пору общегреческих игр и священного перемирия. Они готовы всё свершить и всё претерпеть ради единственной цели — лишь бы выжить, но более всего они страшатся, что у них не хватит того, что они относят к самым необходимым жизненным благам; они думают и постоянно пекутся ещё о том, чтобы оставить своим детям побольше богатств. Диоген не переставал удивляться тому, что только он один не действует таким же образом, что лишь он один истинно свободен среди всех и по-настоящему счастлив, чего никто другой не понимает.

35. Поэтому он даже не хотел сравнивать себя с персидским царём, ибо его можно считать самым несчастным из людей; купаясь в золоте, он боится нищеты; страшится болезней, хотя не может избавиться от того, что вызывает множество недугов; в ужасе от одной только мысли о смерти воображает, что все участвуют в заговоре против него, его детей и братьев.

36. Он не получает удовольствия от еды, хотя ему подают изысканнейшие блюда, и даже драгоценное вино не в состоянии заглушить в нём тревогу. Нет дня, который бы он прожил беззаботно и не претерпевал бы величайшего страха. Когда он трезв, то мечтает напиться допьяна, чтобы забыться от всех треволнений, но, напившись, считает себя конченным человеком, ибо становится беззащитным.

37. Еще не успев проснуться, уже мечтает о сне, чтобы забыться от своих страхов; лишь снизойдёт на него сон, он тут же вскакивает, опасаясь умереть во сне. И нет ему никакой пользы от золотого платана[315], дворцов Семирамиды и стен вавилонских.

38. Нелепее не придумать — боится безоружных, а вверяет себя в руки вооружённых до зубов телохранителей; заставляет обыскивать всех проходящих в поисках спрятанного

кинжала, но живёт в окружении воинов, опоясанных мечами. От безоружных бежит к вооружённым, от вооружённых — к безоружным. От народа его защищают телохранители, от телохранителей — евнухи. У него нет никого, кому бы он мог довериться, на земле нет места, куда бы он мог скрыться и прожить там один-единственный день, никого не боясь.

39. Он не доверяет ни еде, ни питью, а содержит специально слуг, которые все это должны отведать до него, словно разведчики на пути, кишасщем врагами. Не доверяет он даже самым близким — ни детям, ни жене. И всё же, живя в таких тягостных и невыносимых условиях, он не отказывается от царской власти, не хочет этого и не может.

40. Хотя людей со всех сторон окружают несчастья, однако у них есть утешение — рано или поздно им наступит конец. Заключенный в оковы узник надеется когда-нибудь освободиться; изгнанник, покинувший родину, питает надежду на возвращение; больной вплоть до смертного часа уповает на исцеление. Тирану же невозможно уйти от своих напастей, ему остаются только молитвы, как и всем прочим. Каждому, кому приходилось пережить смерть одного из своих друзей, хорошо известно, что наступит время, когда скорбь пройдёт. Что же касается тиранов, то у них, наоборот, несчастья со временем всё нарастают.

41. Нелегко тирану дожить до старости, а старость у тирана тяжка. Она совсем не похожа на старость у лошадей, как гласит пословица[316]. К старости у тирана накапливается больше жертв его произвола и, следовательно, самых ожесточённых врагов, а он, утратив физические силы, уже не в состоянии сам себе помочь.

Все несчастья — голод, изгнание, тюрьмы, утрата гражданских прав — больше страшат, когда их ожидают, чем огорчают того, кто уже их испытал.

42. Стоит устранить страх смерти, — продолжал Диоген, — как больше уж нечего будет бояться. Смерть не может тревожить тех, кого она уже настигла, ибо мёртвые вообще ни о чём не беспокоятся. Но страх перед смертью столь велик, что многие даже дожидаются её естественного прихода. Одни, оказавшись на корабле во время бури, не дожидаясь, пока корабль пойдёт ко дну, кончают жизнь самоубийством, другие же, попав в окружение врагов, делают то же самое, хотя уверены, что ничего страшнее смерти их не ожидает.

43. Что касается тиранов, то этот страх их никогда не покидает — ни днём, ни ночью. Осуждённые на смерть преступники знают, когда им предстоит умереть, а тираны даже того не ведают: наступит ли их смертный час через день или уже пришёл. Ни на одну минуту, ни на короткое мгновение не оставляет их страх смерти: и во время приёма пищи, и в момент жертвоприношений в честь богов.

44. Когда приходит время для развлечений, даже в минуты акта любви, в миг наивысшего напряжения страстей, они не забывают о смерти, опасаясь быть убитыми своими возлюбленными.

45. С этим же чувством они пьют с ними вино и ложатся в постель.

Таким образом, по-моему, тиран только тогда счастлив, когда его сразит смертельный удар, ибо тогда он избавляется от своего самого большого несчастья. Но самое нелепое вот что: все другие люди знают, что, попав в безвыходное положение, они не будут долго страдать, если возможно умереть. Тираны же, в окружении величайших несчастий, считают, что живут среди величайших благ, так как, на мой взгляд, они обмануты мнением других людей, не прошедших искуса властью.

46. Это сам бог внушил им это неведение, чтобы наказание длилось всю их жизнь.

Людям благополучным жизнь кажется лучше, а смерть, естественно, чем-то дурным, а тем, кто влачит свою жизнь в печалях, она представляется более тяжкой, а смерть желанной.

47. Что же касается тиранов, то и жизнь, и смерть для них более тяжка, чем для остальных людей, ибо они живут гораздо хуже, чем те, кто обуреваем желанием умереть, а смерти они боятся так, будто ни на минуту не расставались с наслаждениями.

48. Удовольствия, разумеется, приносят больше радости, когда редки, но надоедают, если ими пользоваться постоянно, а беды, если они нескончаемы, переносятся еще тяжелее.

Примерно так всегда обстоит дело у тиранов и с удовольствиями, и с несчастьями: беды у них никогда не кончаются, а удовольствия они никогда не чувствуют.

49. Они всегда опасаются могущества богатых, а у бедняков их пугает жажда обогатиться. На свете нет человека, даже процветающего, который бы испытывал по отношению к тиранам чувство благодарности, потому что люди никогда не довольствуются достигнутым, а тот, кому в жизни ничего не удаётся достигнуть, особенно сильно их ненавидит.

50. Особенно ненавистен людям тот, кто добыл свои неисчислимые богатства несправедливым путём, поэтому нет никого ненавистнее тирана. К тому же ему ещё необходимо доказывать своё расположение к придворным. В противном случае он тотчас же погибнет, а оказывать благодеяния многим, причём неоднократно, нелегко, не отнимая у других. Те, у кого отнимают, становятся врагами, а тот, кто получает, обуреваем подозрениями и старается как можно быстрее отделаться от подарка. Далёкое пугает тирана своей отдалённостью, близкое — своей близостью. От тех, кто далеко, он ожидает военного нападения, от тех, кто близко — предательства.

51. Мир для него нежелателен, так как он предоставляет людям досуг, а войну считает опасной, поскольку приходится нарушать покой подданных, заставляя предоставлять деньги и отправляться в поход. Таким образом, во время войны они жаждут мира, а когда воцаряется мир, они тотчас затевают войну.

52. Когда народ обеспечен всем необходимым, они боятся его наглости; когда же приходит нужда, страшатся его гнева. Они никогда не уверены в своей безопасности: отправляясь на чужбину и оставаясь дома, показываясь на народе и живя в одиночестве; они не смеют пойти даже туда, где вполне безопасно, ибо повсюду им чуются засады и заговоры.

53. Каждый из них припоминает известные им случаи смерти тиранов и когда-либо направленные против них заговоры. Всё это они считают дурным для себя предзнаменованием, и они так напуганы, будто им предстоит умирать много раз всеми этими смертями. Они всегда хотят за всем уследить и не терять ничего из виду, ибо ожидают удара с любой стороны, но именно этого-то они и не могут делать из-за чувства стыда и страха; ведь насколько заметнее страх властителя, настолько смелее вступают люди в заговор против него, презирая за трусость.

54. Вот так и живут тираны, словно запертые в тесную клетку, со всех сторон утыканную направленными против них мечами, почти касающимися их тел.

55. Не только тела, но и самой души тирана так близко касаются острия мечей, что даже в Аиде самому Танталу, которому, как говорят:

грозит над головой висящий камень[317],

приходится значительно легче. Ведь Танталом больше, не владеет страх смерти, а тирану, пока он жив, грозят такие муки, какие выпали Танталу только после смерти.

56. У тех, кто стал тираном в каком-нибудь городе или небольшой стране, есть возможность бежать куда-нибудь и жить там изгнанником, но никто ещё не испытывал любви к тирану, а, напротив, все ненавидят его, относятся к нему подозрительно и ждут только удобного случая, чтобы выдать обратно его жертвам. Ну а тем, у кого под властью находится множество городов и народов, кто владеет огромной страной, как, например, персидский царь, тому невозможно никуда убежать, даже если к ним наконец придёт понимание меры всего содеянного ими зла и кто-нибудь из богов лишит их счастливого неведения.

57. Тираны никогда не живут в безопасности, даже если они превратятся в бронзу или железо. И в таком виде им грозит гибель — быть разрубленным на куски или пущенным в переплавку.

Если кто-нибудь рискнёт говорить с тираном откровенно, тот выходит из себя, пугаясь этой смелости в речах; если же кто говорит раболепно и униженно, то само это раболепие кажется ему подозрительным.

58. Говорят с ним как с равным — считает, что над ним глумятся; унижаются — думает, что обманывают. Когда бранят, оскорбляется намного сильнее, чем любой другой, ибо, властелин, он слышит о себе только дурное.

59. Его хвалят, он не радуется, потому что не верит в искренность похвал. В окружении самых прекрасных и роскошных сокровищ, которыми тиран владеет, он чувствует себя самым обездоленным. На любовь или дружбу он не может рассчитывать: воспитатель диких львов испытывает к своим питомцам больше любви, чем придворные и приближённые к тиранам.

60. А я иду туда, куда мне заблагорассудится, совсем один, хоть ночью, хоть днём, — сказал в заключение Диоген, — и я не испытываю никакого страха, когда прохожу, если нужно, без

жезла глашатая по военному лагерю и даже через разбойничий привал. На своём пути я не встречаю ни врага, ни недруга. Если исчезнет вдруг всё золото мира, всё серебро, вся медь, меня это ничуть не встревожит.

61. Если землетрясение уничтожит даже все дома, как это случилось некогда в Спарте[318], если погибнут все овцы и нельзя будет изготовить одежды, если неурожай охватит не только Аттику, но и Пелопоннес, Беотию и Фессалию, как это уже, по слухам, бывало и раньше, моя жизнь не станет от этого ничуть не хуже, не беднее.

62. Разве можно мне стать ещё более нагим, чем теперь, или ещё более лишённым дома? Всё мне пойдёт на пользу — и яблоки, и просо, и ячмень, и вино, и самые дешёвые бобы, и жёлуди, испечённые в золе, и кизилловые ягоды, которыми, как рассказывает Гомер[319], Кирка кормила спутников Одиссея, и, питаясь которыми, могут существовать самые крупные животные.

VIII. Диоген, или О доблести

1. Когда Диоген, уроженец Синопы, был изгнан из своей родины, он пришёл в Афины, ничем не отличаясь по своему обличью от беднейших нищих, и застал там ещё немало сподвижников Сократа — Платона, Аристиппа, Эсхина, Антисфена и Евклида Мегарянина; Ксенофонт в это время был в изгнании за своё участие в походе Кира[320]. Диоген вскоре проникся презрением ко всем, кроме Антисфена; с ним он общался охотно, но хвалил, впрочем, не, столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям;

2. сравнивая же самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его боевой трубой — шума от неё много, но сама она себя не слышит.

Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так как он восхищался характером Диогена,

3. а в отместку за то, что Диоген называл его трубой, он говорил, что Диоген похож на овода: овод машет своими крылышками почти не слышно, но жалит жестоко. Острый язык Диогена Антисфену очень нравился: если всадникам достанется конь норовистый, но смелый и выносливый, его тяжёлый нрав они переносят охотно, а ленивых и медлительных коней терпеть не могут и от них отказываются.

4. Подчас Антисфен подзадоривал Диогена, а иногда, напротив, пытался обращаться с ним мягче; так поступают и те, кто, изготовляя струны для музыкальных инструментов, сильно натягивают их, но тщательно следят за тем, как бы они не порвались.

После смерти Антисфена Диоген переселился в Коринф, полагая, что больше ни с кем общаться не стоит; в Коринфе он не нанял себе жилья и не поселился ни у кого из гостеприимцев, а стал жить под открытым небом возле Крания.

5. Он видел, что именно в Коринфе собирается больше всего народу из-за того, что там и гавань есть, и гетер много и что этот город лежит как бы на перекрестке всех дорог Греции. Диоген думал, что, подобно хорошему врачу, который идёт помогать туда, где больных больше всего, и философу необходимо находиться именно там, где больше всего встречается людей неразумных, чтобы обнаруживать их неразумие и порицать его.

6. Поэтому, когда пришёл срок Истмийских игр[321] и весь народ повалил на Истм, он тоже направился туда; таков уж был у него обычай — на больших сборищах изучать, к чему люди стремятся, чего желают, ради чего странствуют и чем гордятся.

7. Он уделял время любому человеку, который хотел с ним встретиться, и говорил, что одно его удивляет: если бы он объявил себя зубным врачом, к нему пришли бы все, кому надо вырвать зуб; если бы он — Зевс свидетель — обещал излечивать от глазных болезней, к нему тотчас же явились бы все, страдающие глазами; то же самое случилось бы, если бы он заявил, что знает средства от болезней селезёнки, от подагры или от насморка;

8. но когда он говорит, что излечит всех, кто последует его указаниям, от невежества, от подлости, от необузданности, — никто не приходит к нему, не просит об излечении и вовсе не думает о том, как много приобрёл бы он от такого лечения, как будто человек меньше страдает от этих болезней души, чем от болезней тела, и как будто для него хуже иметь разбухшую селезёнку или гнилой зуб, чем душу безрассудную, невежественную, трусливую, необузданную, жаждущую наслаждений, несвободную, гневливую, недобрую, коварную, т. е. во всех отношениях дурную.

9. В ту пору всякий мог слышать возле храма Посейдона, как орут и переругиваются толпы жалких софистов, как сражаются между собой их так называемые ученики, как множество писак читают вслух свои нелепые сочинения, множество поэтов распевают свои стихи и как слушатели восхваляют их, как множество фокусников показывает разные чудеса, множество гадателей истолковывают знамения, как бесчисленные риторы извращают законы, как немалое число мелких торговцев распродают всякую всячину.

10. Конечно, и к Диогену бросилось несколько человек; из коринфян, правда, не подошел ни один: они полагали, что им от него никакой пользы не будет, так как они привыкли видеть его в Коринфе ежедневно; те, кто подходил к нему, были пришельцами из чужих городов, да и они, немного поговорив с ним или послушав его речи, скоро удалялись, боясь его упрёков.

11. Именно поэтому Диоген сравнивал себя с лаконскими псами: когда их показывают на зрелищах, всякому хочется погладить их и с ними поиграть, но покупать их охотников нет, так как обращаться с ними не умеет никто.

Когда кто-то спросил его, зачем он пришёл сюда, не для того ли, чтобы поглядеть на состязания, он ответил:

— Нет, чтобы участвовать в них.

Его собеседник засмеялся и спросил, с какими же противниками он собирается помериться силами;

12. Диоген, бросив, как обычно, взгляд исподлобья, ответил:

— С самыми страшными и непобедимыми, с теми, кому ни один эллин не смеет взглянуть в глаза; они, правда, не бегуны, не борцы, не прыгуны, не кулачные бойцы и не стрелки из лука, но они делают человека разумным.

13. — Кто же они?

— Труды, — сказал Диоген, — тяжкие труды, непреодолимые для обжор и безрассудных людей, которые весь день пируют, а ночью храпят; эти труды под силу одолеть только людям сухощавым, худым, с животами, подтянутыми, как у ос.

14. Неужели ты думаешь, что от толстопузых много толку? Людям разумным следовало бы провести их по городу, подвершить очистительным обрядам и изгнать[322], а ещё лучше — убить, разрубить на мясо и употребить в пищу, как делают с крупными рыбами, мясо которых вываривают и вытапливают из него жир; у нас в Понте так добывают свиное сало для умащения. Право, я думаю, у таких людей не больше души, чем у свиней.

15. А человек благородный считает труды самыми мощными своими противниками, и с ними он добровольно сражается и ночью, и днём; и делает он это не для того, чтобы ухватить, уподобясь козлам, немножко зелёного сельдерея, ветку маслины или сосны[323], а чтобы завоевать себе благоденствие и доблесть, и притом на всю жизнь, а не только на то время, пока находишься в гостях у элейцев, коринфян или у целого сборища фессалийцев[324].

16. Такой человек не боится никого из своих противников, не просит, чтобы ему позволили состязаться не с тем, а с другим противником, нет — он вызывает на бой всех подряд, сражается с голодом, терпит холод и жажду, сохраняет силу духа, даже если приходится переносить побои, не малодушествует, если его тело терзают или жгут. Бедность, изгнание, бесславие и другие подобные бедствия ему не страшны, их он считает пустяками; такой совершенный человек нередко даже забавляется всем этим, как забавляются дети игрой в кости или в пёстрые шары.

17. — Эти противники, — продолжал Диоген, — кажутся страшными и неодолимыми только людям ничтожным; но кто презирает их и смело выйдет на бой, увидит, что они трусливы и не способны одолеть человека сильного; они как собаки, которые преследуют бегущих и кусают их, а тех, кого схватят, рвут на куски; но, если кто прямо идёт на них и вступает с ними в бой, они пугаются и отступают, а потом, познакомившись поближе, начинают вилять хвостом.

18. Большинство людей смертельно боятся таких противников, уклоняются от встречи с ними, обращаются в бегство и даже не имеют мужества взглянуть им прямо в глаза; напротив, искусные кулачные бойцы, если опередят своего противника, не дожидаясь его удара, часто выходят из боя победителями; если же они, испугавшись, отступят, то на них обрушатся сильнейшие удары; так же и того, кто презирает трудности и храбро принимает

бой, выходя им навстречу, они не могут одолеть; если же он отшатнётся и отступит, они будут казаться ему всё более непреодолимыми и грозными.

19. Ты видишь это и на примере борьбы с огнём: схватись с ним смело — и ты погасишь его, а будешь присматриваться и подходить к нему с опаской — сильно обожжёшься; так подчас обжигаются дети, когда, играя, они пытаются погасить пламя языком. Все те противники, о которых я говорил, похожи на умелых борцов — они душат, терзают, а иногда и бьют насмерть.

20. Но есть и более страшная битва, состязание вовсе не лёгкое, но ещё более трудное и опасное, — это борьба с наслаждением. Битва эта не похожа на ту, о которой говорит Гомер:

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва...

Бились секирами тяжкими, взад и вперёд с лезвиями,

Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу[325].

21. Нет, это не такая битва: ведь не открыто использует наслаждение свою мощь, оно обманывает и чарует страшными зельями, как, по словам Гомера, опаивала Кирка спутников Одиссея и превращала кого — в свиней, кого — в волков, кого — в разных других животных. Вот таков нрав и у наслаждения — оно прибегает не к одной какой-нибудь коварной уловке, а к самым различным, оно пытается соблазнить нас и через зрение, и через слух, через обоняние, вкус, осязание, через пищу, питьё и любовные приманки, во время бодрствования и во время сна.

22. Против наслаждения нельзя выставить стражу, как против вражеского войска, и потом спокойно уснуть, нет — именно тогда оно сильнее всего нападает на человека, то расслабляя и поработывая его посредством сна, то посылая ему преступные и дурные сновидения, напоминающие ему о наслаждении.

23. Кроме того, трудности можно преодолеть по большей части силой мускулов, а наслаждение действует через любое чувство, которое присуще человеку; трудностям надо глядеть прямо в лицо и вступать с ними врукопашную, а от наслаждения следует бежать как можно дальше и не общаться с ним, разве что в случаях крайней необходимости.

24. И поэтому самым сильным человеком поистине является тот, кто сумеет убежать от наслаждения дальше всех, ибо невозможно пребывать в общении с наслаждением или даже хотя бы мимолетно встречаться с ним и не попасть полностью в его власть. Когда же оно завладевает душой и опутывает её своими чарами, тогда-то и происходит то, что случилось в жилище Кирки:

25. оно легонько ударяет человека своим жезлом, загоняет его в свиной хлев, и с этой поры он уже не человек, а свинья или волк; от наслаждения рождаются также и всевозможные ядовитые змеи, и всякие прочие пресмыкающиеся; они поклоняются наслаждению, ползают у его дверей, жаждут его, служат ему, терпят при этом бесчисленные муки — и всё напрасно,

26. ибо наслаждение, победив их и завладев ими, насылает на них бедствия, отвратительные и тяжкие.

Вот в каком состязании я испытываю свои силы, борясь против наслаждения и преодолевая трудности, но эти вот ничтожные люди на меня внимания не обращают, а глазят на прыгунов, бегунов и плясунов.

27. Наверное, и прежде люди не видели, как борется и трудится Геракл, и его труды не трогали их; верно, и тогда они восхищались какими-нибудь атлетами вроде Зета, Калаида, Пелея[326] и прочими скороходами и борцами; одними они восторгались за их красоту, другими — за их богатство (например, Язоном и Киниром);

28. о Пелопсе даже рассказывали, будто одно плечо у него было из слоновой кости, словно человеку есть какой-то прок от того, что у него рука из золота или слоновой кости или глаза из алмазов и изумрудов; а какая у Пелопса была душа, этого не знал никто. Геракла же, трудившегося и боровшегося, все жалели и называли злосчастливым среди людей. Поэтому-то его труды и дела прозвали «подвигами», полагая, что жизнь, полная трудов, и есть жизнь злосчастливая[327]; а после его смерти его почитают больше всех, его считают богом, дают ему в жёны Гебу и ему, поборовшему столько бедствий, молятся об избавлении от них.

29. Люди думают также, будто Еврисфей[328] имел власть над Гераклом и давал ему свои повеления, и в то же время Еврисфея считают все ничтожным человеком и никому никогда не приходило в голову молиться ему или приносить ему жертвы; а Геракл прошёл пешком всю Европу и всю Азию, причём вовсе не был похож на нынешних борцов:

30. куда он мог бы пойти, если бы таскал на себе столько мяса, нуждался бы сам в таком количестве мясной пищи и спал бы таким крепким сном? Нет, он был неутомимым, поджарым, как лев, с острым зрением, острым слухом; он не боялся ни стужи, ни зноя, не нуждался в подстилках, плащах и коврах, носил косматую шкуру, терпел голод, добрым помогал, дурных карал.

31. Диомеда Фракийца, который носил богатую одежду, восседал на престоле, пьянствовал целые дни, утопал в роскоши, обижал чужестранцев и своих собственных подданных и держал множество коней, — этого Диомеда Геракл хватил палицей своей и разнёс вдребезги, как старую миску. Гериона, владельца огромнейших стад, самого богатого из всех западных владык и самого надменного, он убил вместе с его братьями и угнал его быков.

32. А когда Геракл увидел, как усердно занимается гимнастическими упражнениями Бусирид, как он целыми днями ест и как чванится своими успехами в борьбе, он бросил его оземь и распорол его тело, как слишком туго набитый мешок; он распустил пояс Амазонки, соблазнявшей его и воображавшей, будто она одолевает его своей красотой; он овладел ею и показал ей, что он никогда не будет побеждён красотой и никогда не отступит ради женщины от своих подвигов[329].

33. Прометея же, который, я полагаю, был чем-то вроде софиста, он нашёл погибающим от людской молвы; ведь у него раздувалась и увеличивалась печень, когда его хвалили, и

сморщивалась, когда его порицали[330]; Геракл пожалел его [...] освободил его от его безрассудства и честолюбия, а вылечив его, сейчас же пошёл дальше.

34. Всё это он совершил вовсе не в угоду Еврисфею; золотые же яблоки, которые он добыл и принёс с собой, — яблоки Гесперид — он действительно отдал Еврисфею: самому Гераклу они были ни на что не нужны; от золотых яблок ведь никакого проку нет, да и самим Гесперидам они нужны не были. Но вот, когда он стал уже не таким быстроногим, стал терять силы, он испугался, что больше не сможет жить, как прежде, — я думаю, у него была и какая-нибудь болезнь, — и позаботился о себе лучше, чем кто-либо из людей; он сложил у себя на дворе костёр из сухих дров и показал, что даже самое жаркое пламя он не ставит ни во что.

35. Однако незадолго до этого — чтобы люди не думали, будто он совершал только громкие и великие дела, — он выгреб навоз из хлебов у Авгия, накопившийся там за много лет, и своими руками вычистил хлевы. Он полагал, что он должен не менее упорно бороться и сражаться с предрассудками, чем с дикими зверями и злодеями.

36. Пока Диоген говорил всё это, много народа стояло вокруг него и слушало его слова с большим удовольствием. И тогда, как я думаю, вспомнив о Геракле, он оборвал свою речь, сел на землю и повёл себя непристойно; сейчас же все отшатнулись от него, называли его полоумным, а софисты снова заорали, как орут лягушки в болоте, пока не завидят водяную змею.

IX. О состязаниях (Истмийская речь)

1. Однажды во время Истмийских игр[331] Диоген, живший в это время, по-видимому, в Коринфе, спустился на Истм. Однако он направился на празднество не с теми целями, как большинство пришедших туда, которые хотели поглазеть на участников состязаний, а кстати, и на славу полакомиться. Диоген же, я думаю, хотел поглядеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержанны из страха перед опасностью.

2. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче поддаться лечению — ведь и телесные болезни, когда они ясно проявятся, врачам легче исцелить, чем пока они ещё скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают. Поэтому-то Диоген и посещал празднества.

3. Он говорит в шутку, когда его порицали за «собачьи» повадки, — ведь за его суровость и придирчивость его называли псом, — что собаки действительно часто увязываются за хозяевами на празднества, но они никому не чинят никакого вреда, а лают и набрасываются только на злоумышленников и грабителей; если же кто-нибудь, опьянев, заснёт, то собаки не спят и охраняют его.

4. Когда Диоген появился на празднестве, то никто из коринфян не обратил на него внимания, так как они часто видели его и в городе, и возле Крания; ведь люди не слишком-то интересуются теми, кто всегда у них на глазах и с кем, как они полагают, они могут общаться в любое время, когда им вздумается; а к тем, кого они видят только время от времени или кого они вообще никогда не видели, они сразу бросаются. Именно поэтому коринфянам всех меньше было пользы от Диогена (так же как больные не хотят обращаться к врачу, живущему вместе с ними); они думали, что им хватит и того, что они видят его в своем городе.

5. Что касается жителей других городов, то больше всего обращались к нему те, кто приходил издалека — из Ионии, Сицилии, Италии; были и пришедшие из Массилии и из Борисфена[332]; все они, правда, скорее хотели поглядеть на него и послушать его хотя бы короткое время, чтобы потом было что рассказать, и вовсе не думали о том, как бы им самим стать лучше.

6. Ведь Диоген славился своим острым языком и умел, не задумываясь, метко отвечать на любые вопросы. Как неопытные люди пробуют понтийский мёд, а испробовав, с отвращением выплёвывают его, так как он горек и противен на вкус, так же многие из пустого любопытства хотели испытать Диогена, но, сбитые им с толку, отворачивались от него и обращались в бегство.

7. Когда он порицал других, им было смешно, но если дело касалось их самих, то они пугались и старались поскорее убраться с дороги. Когда он сыпал шутками и насмешками — как подчас он имел обыкновение, — они приходили в восторг, но если он начинал говорить более возвышенно и с жаром, они не могли стерпеть его резкости. Мне кажется, подобным же образом дети охотно играют с породистыми собаками, но если те рассердятся и залают громче, дети пугаются до смерти?

Диоген всегда держал себя одинаково, никогда не изменяясь и не обращая внимания на то, хвалил ли его кто-нибудь из присутствующих или порицал, заговаривал ли с ним, подойдя, какой-нибудь богач, знаменитый герой, полководец, правитель или какой-нибудь жалкий бедняк.

8. Если кто начинал болтать пустяки, Диоген просто пропускал это мимо ушей, но тех, кто много думал о себе и гордился своим богатством, происхождением или каким-либо другим преимуществом, он особенно ядовито язвил и порицал очень резко. Одни восхищались им, как мудрецом, другим он казался сумасшедшим, большинство же презирало его как бедняка и ни к чему не пригодного, некоторые осуждали его,

9. а были и такие, что старались его оскорбить, бросая ему кости, как собакам, некоторые, подходя к нему, дёргали его за плащ, большинство терпеть его не могло и негодовало на него, так, говорит Гомер, издевались над Одиссеем женихи, а Одиссей в течение нескольких дней терпел их наглость и дерзость[333]. Диоген во всём этом был сходен с ним: поистине он казался царём и властелином в рубище нищего между своими рабами и слугами, превозносившимися в неведении того, кто находится перед ними; а он без труда терпел их присутствие, пьяных и безумствующих по тупости и невежеству.

10. Руководители Истмийских игр и некоторые другие почётные граждане, имевшие власть, были смущены и старались держаться в стороне от Диогена и молча проходили мимо, если видели его. Но когда он увенчал себя венком из сосновых веток, то коринфяне послали к нему нескольких прислужников и велели снять с себя венок и не совершать никаких противозаконных поступков;

11. а он спросил их, почему же для него противозаконно надевать сосновый венок, а для других — нет. Тогда один из пришедших сказал: «Ты же никого не победил, Диоген». — «Победил я, — возразил он, — многих противников, и очень мощных, не таких, как те рабы, которые вон там борются, мечут диск и состязаются в беге;

12. я победил более жестоких противников — бедность, изгнание и бесславие, а кроме того, гнев, тоску, страсть и страх и самое непобедимое чудовище, подлое и расслабляющее наслаждение; никто из эллинов, никто из варваров не может похвалиться тем, что он в борьбе с этим чудовищем победил его силой своей души; все оказались слабее его и пали в этом сражении, персы и мидийцы, сирийцы и македоняне, афиняне и лакедемоняне, — все, кроме меня.

13. Не кажусь ли я вам достойным соснового венка, или, отняв его у меня, вы отдадите его тому, кто больше всех набил себе брюхо мясом? Вот это всё и передайте тем, кто вас послал, и скажите им, что как раз они-то и поступают противозаконно: они, ни в одном бою не одержав победы, расхаживают в венках; скажите, что именно я прославил Олимпийские игры тем, что надел на себя венок — ведь, в сущности, из-за венка следовало бы сражаться между собой не людям, а козлам».

14. Вскоре после этого Диоген увидел одного человека, шедшего со стадиона и окружённого огромной толпой; он даже и не шёл сам, а толпа несла его на руках; из его спутников одни вопили, другие прыгали от радости и воздевали руки к небу, третьи бросали ему длинные ленты. Диоген спросил, почему столько шума вокруг этого человека, что же такое случилось. Этот и человек ответил:

15. «Я победил, Диоген, всех в беге на целый стадий»[334]. — «Ну, и что же из этого? — спросил Диоген. — Ты не стал ни чуточки умнее от того, что ты обогнал других бегунов, ты ничуть не рассудительнее теперь, чем был прежде, ты не стал менее труслив, ты вовсе не менее подвержен страданиям, ты и в будущем будешь во многом нуждаться, и жизнь твоя не станет менее подвержена разным бедствиям».

16. «Да, это правда, клянусь Зевсом, — сказал тот, — но ведь я бегаю быстрее всех эллинов». — «Но никак не быстрее зайцев и оленей, — возразил Диоген, — а ведь именно эти животные, бегающие быстрее всех, они-то трусливей всех других; они боятся и людей, и собак, и орлов и ведут самую несчастную жизнь. Неужели ты не знаешь, что быстрый бег — признак трусости? Как раз те животные, которые бегают быстрее всех, они же и самые робкие.

17. А Геракл, например, был тяжёл на ногу, не мог пешком догонять злодеев и потому носил с собой лук и стрелы, чтобы поражать ими бегущих». — «Но, — возразил победитель, —

Ахилла поэт называет и быстроногим, и храбрейшим». — «А почему ты думаешь, — сказал Диоген, — что Ахилл был таким быстроногим, — он, который не мог догнать Гектора[335], хотя гонялся за ним весь день?»

18. «И тебе не стыдно, — продолжал он, гордиться тем, в чём ты отстаешь от самых слабых животных? Я думаю, что ты даже и лисицу не сможешь обогнать. На сколько же ты обогнал своего соперника?» — «На самую малость, Диоген; именно это и есть самое удивительное в моей победе». — «Вот как, — ты, значит, оказался счастливее его только на какую-нибудь пядь?» — «Да, ведь мы все отборные бегуны». — «Ну, скажи, а насколько быстрее вас пролетают над стадионом жаворонки?»

19. «Так ведь они крылаты». «Следовательно, — сказал Диоген, если самое быстрое существо в то же время превосходит всех других, то, пожалуй, лучше быть жаворонком, чем человеком. Тогда нечего жалеть соловьев и удонов за то, что они из людей превратились в птиц, как рассказывают нам мифы[336]». — «Но я ведь человек, — возразил победитель, — и из всех людей самый быстроногий я».

20. «И что же из этого? Может быть, у муравьев один бегаёт быстрее другого; разве они восхищаются им? Не показалось ли бы тебе смешным, если бы кто-нибудь стал восхищаться муравьём за то, что он быстро бегаёт? А если бы все бегуны были хромыми, то стоило ли бы тебе особенно похваляться тем, что ты, хромая сам, обогнал других хромых?»

Говоря так, Диоген обесценил само состязание в беге в глазах многих слушателей и заставил победителя уйти огорчённым и присмирившим.

21. Так он оказывал не раз немалую пользу людям: если он встречал кого-нибудь, кто гордился пустяками и не хотел слушать никаких разумных доводов по самому нестоящему делу, Диоген понемногу сбивал с него спесь и освобождал его хотя бы от малой частицы его неразумия; так же врач, делая прокол в опухшую часть тела, заставляет опухоль опасть.

22. Однажды во время беседы Диоген увидел, как два коня, связанные вместе, накали брыкаться и лягать друг друга; вокруг них стояла и глазела на них целая толпа, пока один из коней не сорвался с привязи и не обратился в бегство. Тогда Диоген подошел к тому, который остался на месте, увенчал его и провозгласил победителем в ляганье. Ответом на это был всеобщий хохот и шум, Диогеном многие восхищались, а над участниками состязания насмехались. Говорят, что некоторые зрители даже совсем ушли, не поглядев на состязание, в особенности те, которые жили в плохих помещениях или вовсе не имели пристанища.

Х. Диоген, или О слугах

1. Как-то раз, когда Диоген шёл из Коринфа в Афины, он встретил по дороге своего знакомого и спросил его, куда он идёт; спросил он его, однако, не так, как обычно спрашивают люди, желающие показать, что они не относятся равнодушно к делам своих друзей; но, едва выслушав ответ, они уже бегут дальше; Диоген же ставил вопросы, как

делают врачи, расспрашивая больных о том, что они намерены делать, они ставят вопрос, чтобы потом дать им добрый совет: одно они приказывают делать, другое — запрещают. Так и Диоген стал спрашивать этого человека о том, что он делает.

2. Тот ответил: «Я иду в Дельфы попросить совета у божества. Но когда я шёл по Беотии, от меня сбежал мальчишка-раб, сопровождавший меня, и я возвращаюсь в Коринф[337]; может быть, найду этого мальчишку там». Тогда Диоген возразил, как всегда, очень серьёзно: «Как же ты, чудак ты этакой, думаешь, что ты сумеешь воспользоваться советом божества, раз ты не сумел использовать раба? Не кажется ли тебе, что это последнее дело гораздо легче и менее рискованно, чем первое, особенно для тех, кто не умеет ничем пользоваться как следует? Да и чего ты собственно добиваешься, разыскивая этого мальчишку?

3. Разве он не был скверным слугой?» — «Да, конечно, очень даже скверным. Хотя я не сделал ему никакого зла и даже приблизил его к себе, он всё-таки сбежал». — «Очевидно, он считал тебя дурным хозяином; если бы ты казался ему хорошим, он бы не покинул тебя». — «Но, Диоген, может быть, он и сам был дурным». — «Итак, — сказал Диоген, — он, считая тебя дурным, сбежал, чтобы ты не причинил ему какого-нибудь вреда; а ты считаешь его дурным и всё же разыскиваешь его, — очевидно, тебе очень хочется, чтобы он тебе навредил;

4. разве дурные люди не причиняют вреда тем, кто ими владеет или кто пользуется их услугами, будут ли это фригийцы или афиняне, свободные или рабы? Ведь даже если кто считает свою собаку непригодной к делу, то он не станет её искать, если она сбежит от него; напротив, он выгонит её вон — пускай убирается! А те, кто отделается от дурного человека, ничуть не радуются этому, а начинают хлопотать, оповещать своих друзей, пускаются сами в путь, тратят деньги, лишь бы снова заполучить беглеца.

5. А ты думаешь, от скверных собак бывает больше вреда, чем от дурных людей? Скверные собаки загубили одного Актеона[338], да и то потому, что они были бешеные, а сколько народа погибло от дурных людей, и не сосчитать, — и частные лица, и цари, и целые города; одни — от слуг, другие — от воинов и придворных копьеносцев, третьи — от мнимых и ложных друзей, немало погибло и от руки сыновей, братьев и жён;

6. неужели же это не удача, если удастся избавиться от дурного человека? Надо ли его искать и гоняться за ним? Ведь это всё равно, что, освободившись от недуга, начать его искать и стараться снова как бы внедрить его в своё тело».

Знакомый Диогена ответил: «То, что ты говоришь, Диоген, пожалуй, и верно; но трудно не попытаться отмстить тому, кто тебя обидел; рабу этому я ничего худого, как видишь, не сделал, а он посмел бросить меня; ведь он у меня никакой работы, какую обычно выполняют рабы, не делал, а сидел, бездельник этакий, дома, ел и пил и не имел никаких обязанностей, кроме как сопровождать меня».

7. «И ты полагаешь, — сказал Диоген, — что ты справедливо поступал с ним, кормя его, бездельника и неуча? Ты же ещё больше портил его; ведь лень и безделье больше всего другого губят людей неразумных. Он совершенно правильно решил, что ты его портишь; и

хорошо сделал, что сбежал, очевидно, чтобы взяться за работу, а не испортиться вконец, бездельничая, зевая и объедаясь, а ты ведь, по-видимому, считаешь пустячным проступком то, что ты портишь человека. Разве не следует сбежать именно от такого человека, как ты, как от самого злостного врага и злоумышленника?»

8. «А что же мне теперь делать? При мне ведь нет другого слуги?» — «А что ты сделаешь, если у тебя неудобная обувь, которая натирает ногу, а другой у тебя нет? Неужто ты не снимешь её как можно скорее и не пойдёшь босиком? А если эта обувь сама развяжется, неужто ты не завяжешь её потуже и не стянешь ногу покрепче? Как босые иногда ходят быстрее, чем те, у кого жмёт обувь, так же многие, не имея слуг, живут легче и имеют меньше неприятностей, чем те, у кого их много.

9. Посмотри-ка, сколько хлопот у богачей; одним приходится заботиться о своих заболевших слугах; им нужны врачи и сиделки — ведь рабы обычно не очень-то следят за собой и не берегутся, если захворают, отчасти по неразумию, отчасти потому, что они думают — если что-нибудь с ними случится, то от этого больше вреда будет их господину, чем им самим; другим богачам приходится каждый день сечь своих рабов, заковывать их в цепи, третьим — гоняться за беглыми рабами. Не могут они ни уйти из дома, когда им вздумается, ни дома они покоя не видят;

10. а смешнее всего то, что иногда они обслужены хуже, чем бедняки, у которых вовсе нет рабов.

Богачи похожи на сороконожек — я думаю, ты видал их; у них ужасно много ног, но они самые медленные из всех ползающих. Разве ты не знаешь, что от природы тело каждого человека устроено так, что он может обслуживать себя сам? Ноги у него — для ходьбы, руки — для работы и для заботы о других членах тела, глаза — чтоб видеть, уши — чтоб слышать;

11. к тому же и желудок ему дан такого размера, что человеку не нужно больше пищи, чем он может добыть себе сам; и он вмещает как раз столько, сколько человеку нужно и полезно для здоровья. Рука, на которой больше пальцев, чем положено природой, слабее; человек с такой рукой считается калекой; если у него лишний палец, то он и другими пальцами не может пользоваться, как следует; также если у кого-нибудь будет много ног, много рук, много желудков, то — клянусь Зевсом — это ни мало не придаст ему силы для труда; ничуть не легче будет для него добывать себе всё то, что ему нужно, а, напротив, гораздо труднее и неудобнее.

12. Теперь тебе надо будет доставать пищу только для себя одного, — продолжал Диоген, — а прежде — для двоих; если заболеешь, придётся заботиться только о себе, а прежде пришлось бы ухаживать и за другим больным. Если ты останешься один в доме, то тебе нечего бояться, что ты сам у себя что-нибудь украдёшь, а если заснёшь, то нет опасности, что раб натворит каких-нибудь бед, если не заснёт. Прими во внимание ещё вот что: если ты женат, то жена не будет считать нужным заботиться о тебе, раз у тебя есть в доме раб; к тому же она, конечно, будет ссориться с ним, то бездельничать и приставать к тебе жалобами; а теперь ей будет не на кого жаловаться и она сама станет больше заботиться о

тебе.

13. Где есть раб, там и дети портятся, становятся ленивыми и надменными, раз есть кто-то, кто их обслуживает и на кого они могут смотреть свысока; если же их предоставить самим себе, то они будут мужественней и сильней и с самого детства научатся заботиться о родителях».

«Но, Диоген, я сам беден, и если мне не следует держать раба, то я продам его». — «И ты не постыдишься, — сказал Диоген, — во-первых, обмануть покупателя, продавая ему негодного раба? Ведь ты либо должен скрыть правду, либо ты не сможешь его продать».

14. Кроме того, если человек продаст плохой плащ или какое-нибудь орудие, или животное, больное и непригодное к работе, то ему придётся взять проданное обратно, тогда ты ничего не выгадаешь: а если тебе удастся кого-нибудь обмануть и он не заметит недостатков твоего раба, неужели ты не боишься тех денег, которые ты выручишь? Возможно ведь, что ты купишь еще худшего раба, если наткнёшься на продавца, который окажется похитрей тебя, покупателя; а может быть, ты используешь эти деньги на что-нибудь, что тебе повредит: деньги далеко не всегда приносят пользу тем, кто их приобрёл; от денег люди претерпели гораздо больше бед и больше зол, чем от бедности, особенно если у них нет разума.

15. Ты, очевидно, не постарайся приобрести то, что может научить тебя из всего извлекать пользу и правильно устраивать все свои дела? Ты будешь добиваться не ума, а денег и владения землёй, конями, кораблями и домами? Ты сам станешь их рабом, они принесут тебе много огорчений, заставят тебя много и напрасно трудиться, и ты проведёшь всю жизнь, хлопоча то о том, то о другом, а пользы ни от чего не увидишь.

16. Разве ты не замечаешь, насколько беспечальнее, чем люди, живут звери и птицы? Жизнь для них слаще, они здоровее и сильнее людей, и каждый из них живёт столько времени, сколько ему положено, хотя у них нет ни рук, ни человеческого разума. Но вместо этого и многого иного, чего им недостает, у них есть одно величайшее благо — они не имеют собственности».

«Да, пожалуй, Диоген, я предоставлю своему рабу идти, куда ему угодно, разве что я случайно натолкнусь на него». — «Клянусь Зевсом, — возразил Диоген, — это всё равно, как если бы ты сказал: не стану я искать эту брыкливую и лягающуюся лошадь, но если она мне попадётся, то я подойду к ней поближе, чтобы она меня хорошенько лягнула».

17. «Ну, ладно, оставим это дело. А почему ты не хочешь, чтоб я воспользовался указанием божества?» — «Что? Я отговариваю тебя воспользоваться его указанием, если ты способен к этому? Вовсе не это я сказал, а вот что: очень трудно и даже невозможно использовать указание бога или человека или даже пользоваться своими собственными силами, справиться, если не умеешь; а попытаться что-то делать, не умея, — вот это хуже всего. Или ты думаешь, что человек, не умеющий обращаться с конями, много пользы от них получит?» — «Конечно, нет». — «А если применить силу, то не столкнёшься ли скорее с ущербом, чем с пользой?» — «Ты, конечно, прав».

18. «Вот ещё один пример. Если кто-нибудь не умеет обращаться с собаками, может ли он получить от них пользу? Разве пользоваться чем-нибудь не значит ли получить от этого пользу?» — «Пожалуй, что так». — «Следовательно, никто из тех, кто понёс ущерб, не пользуется тем, что ему наносит вред?» — «Нет, не пользуется». — «Разве тот, кто пытается пользоваться собаками, не имея на то необходимых знаний, не расплачивается за это?» — «Разумеется, расплачивается». — «Значит, он и в самом деле не использует их, ибо нет использования без пользы, и притом дело обстоит именно таким образом не только тогда, когда имеются в виду собаки и кони, но и быки, и мулы.

И вот что, пожалуй, самое удивительное: без надлежащего опыта нельзя управиться даже с ослом и бараном.

19. Разве тебе не известно, что одни получают доход, а другие — только ущерб от занятия овцеводством и эксплуатации ослов?» — «Конечно, знаю». — «Не ясно ли, что как раз неопытные люди несут убытки, а специалисты получают пользу и от ослов, и от свиней, и от гусей, и от любого другого животного». — «Видимо, так». — «Вот именно. Разве то же самое нельзя сказать и обо всём остальном? Может ли на кифаре играть человек, не обученный музыке? Даже когда он только пробует играть, само его неумение уже вызывает смех, не говоря о том, что он портит инструмент и рвёт струны».

20. «Что ещё скажешь?» — «Если кто-нибудь захочет играть на флейте, не будучи флейтистом, и с этой целью явится в театр, не забросают ли его в наказание камнями, а флейту он и сам в ту же минуту сломает? А если кто станет за кормовое весло, не умея править, разве он не пустит тотчас же корабль ко дну, погубив себя и пассажиров? Разве дело обстоит иначе? Принесут ли пользу копье и щит трусам и неумехам? Разве при первом же испытании они не погубят не только своё оружие, но и самих себя?»

“ «Я согласен с тобой, Диоген, но пока ты бесконечно задаёшь вопросы, солнце успеет закатиться».

21. «А не лучше ли слушать полезные слова до самого захода солнца, чем без толку идти вперёд? Значит, во всех тех случаях, когда ты не умеешь чем-либо пользоваться, нельзя быть уверенным в исходе дела; а чем важнее та вещь, которую ты хочешь использовать, тем больше вреда при неумелом обращении она может принести. Уже не думаешь ли ты, что с конём можно обращаться так же, как с ослом?» — «Что ты? Конечно, нет». — «А можно ли обращаться с богом так же, как с человеком?» — «Об этом даже говорить не стоит, Диоген», — ответил собеседник. «Итак, существует ли такой человек, который может пользоваться чем-нибудь, не будучи с ним знаком?» — «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. «Тот, кто не знает человека, не может пользоваться услугами этого человека.

22. Это ведь невозможно. И тот, кто не знает самого себя, не может, пожалуй, пользоваться даже самим собой». — «Кажется, ты прав». — «Должно быть, ты слышал уже о надписи в Дельфах: „Познай самого себя“ [339]?» — «Конечно». — «Не ясно ли, что бог предписывает заниматься этим всем как не познавшим самих себя?» — «По-видимому, так». — «Но ведь и ты, должно быть, один из них?» — «Почему же нет?» — «Разве ты уже познал себя?» — «Мне кажется, что не познал». — «Но если ты сам не знаешь, что ты есть, то, значит, не знаешь,

что такое человек, а не зная этого, ты не способен пользоваться другим человеком. Не будучи в состоянии пользоваться человеком, ты в то же время пытаешься пользоваться услугами бога, что, по общему мнению, во всех отношениях значительно сложнее и труднее первого».

23. «Ты что же думаешь, — продолжал Диоген, — Аполлон говорит по-аттически или на дорийском наречии? Разве у людей и богов один и тот же язык? Они ведь настолько отличаются друг от друга, что даже река Скамандр в Трое на их языке называется Ксанфом[340]. Птицу „кюминдис“ они называют „халкида“, а некую местность, расположенную за чертой их города, троянцы называют Батиейя, а боги — „Могила Мирины“[341]. Из-за различия в языках возникает и неясность оракулов, которые многих ввели уже в заблуждение.

24. Для Гомера, должно быть, имело смысл отправиться к Аполлону в Дельфы, ибо он знал два языка, если, конечно, не все вообще, и притом не кое-что, вроде тех, кто, заучив два-три слова по-персидски, по-мидийски или ассирийски, обманывают несведущих.

А ты не боишься того, что боги говорят одно, а подразумевают другое? Вот что, например, рассказывают о знаменитом Лае[342], который стал возлюбленным Хризиппа[343]; он пришёл в Дельфы и спросил у бога, обзавестись ли ему детьми. Оракул ответил, чтобы тот не имел детей, а если уж появится ребенок то следует от него избавиться[344].

25. Лай же был настолько неразумен, что не понял двойного смысла, скрытого в словах Аполлона, и родил и воспитал сына. Впоследствии он и сам погиб, и весь свой дом погубил, так как был не способен „пользоваться“ богом[345]. Ведь если бы он не услышал этого оракула, то не бросил бы Эдипа, и последний, выросший в доме, не убил бы Лая, зная, что он его сын.

26. Слышал ты, верно, и то, что рассказывают о лидийском царе Крезе[346], который, полагая, что более всего следует повиноваться богу, пересёк реку Галис, лишился своего царства, сам попал в плен и едва не сгорел живьём.

Думаешь, ты мудрее Креза, человека, обладавшего огромным богатством и повелевавшего таким множеством людей, дружившего с самим Солоном и многими другими мудрецами?

27. Тебе, конечно, известна также история Ореста и ты видел трагедии, в которых он в припадке безумия порицает бога, будто тот посоветовал ему убить собственную мать[347]. Не считаешь ли ты, что Аполлон мог предписать кому-нибудь из спрашивавших его содействовать чему-либо дурное или позорное? Но, как я уже сказал, не будучи в состоянии „пользоваться“ богом и тем не менее пытаюсь сделать это, люди потом обвиняют не самих себя, а божество.

Если ты последуешь моему совету, — сказал Диоген, — то будешь осторожен и постарайся сперва познать самого себя, а потом, когда ты уже сам станешь разумным, тогда и иди к оракулу, если сочтёшь это необходимым.

28. Но я уверен, что тебе не понадобится никакой оракул, если у тебя будет свой разум. Подумай-ка, например, оракул прикажет тебе правильно читать и писать, а ты не знаешь

грамоты — ведь ты не сможешь сделать, как он велит; а раз ты знаешь буквы, то ты и без веления божества будешь писать и читать, как следует. Также и во всяком другом деле: если тебе дадут совет делать что-то, чего ты делать не умеешь, ты не сможешь это выполнить. И жить правильно ты не сможешь, если не подумаешь сам, как это сделать, хотя бы ты надоедал Аполлону своими вопросами каждый день, а он занимался бы только тобой одним. А имея разум, ты и сам сообразишь, что тебе надо делать, и как[348].

29. Есть, правда, ещё одна сторона вопроса, о которой я забыл сказать, когда речь шла об Эдипе. Он не отправился в Дельфы за оракулом, а встретился с Тирезием и, получив от него прорицание, только по причине своего неразумия претерпел великие бедствия. Он узнал, что женился на своей матери и она родила ему детей. После этого, может быть, следовало бы лучше скрыть этот факт от фиванцев, но Эдип, во-первых, широко его обнародовал, а затем стал негодовать и громко кричать, что он отец и брат своих детей, а матери своей он муж и сын.

30. Однако петухи вовсе не негодуют в подобной ситуации. Не делают этого и собаки, и ослы, и даже персы, которые славятся самыми благородными в Азии. Вдобавок ко всему Эдип сам ослепил себя, а потом, слепой, скитался повсюду, будто не мог этого делать, сохранив зрение».

Тогда в ответ на эти слова возразил собеседник: «Ты, Диоген, изображаешь Эдипа самым тупым из людей, эллины же, напротив, считают, что хотя не было на свете более несчастного человека, однако не было и более мудрого.

31. Ведь только он один смог разгадать загадку Сфинкса»[349]. На это Диоген рассмеялся. «Если бы только разгадал! — воскликнул он. — Не слышал ли ты, что это сам Сфинкс подсказал ему ответ: „Человек“? Эдип же сам не мог сказать, что есть человек, так как не знал. Произнося слово „человек“, он думал, что отвечает на вопрос. Точно таким же образом, когда спрашивают: „Что есть Сократ?“ — отвечающий ничего иного сказать не может, кроме как назвать имя „Сократ“. Я, по крайней мере, слышал, как кто-то утверждал, что Сфинкс — это символ невежества, которое как раньше, так и теперь наносит вред беотийцам[350]. Это оно не позволило им что-либо познать, ибо они самые невежественные из людей. И хотя находились люди, сознававшие своё неразумие, однако Эдип, считая себя самым мудрым, думал, что он избежал гибели от Сфинкса и убедил в этом остальных фиванцев, тем не менее погиб самым злосчастным образом. Таким образом, невежды, убеждённые, что они мудрецы, гораздо несчастнее всех остальных. Таково и племя софистов».

Максим Тирский.

Предпочитать ли кинический образ жизни?

1 Я хочу тебе по примеру мудроу лидийца[351] рассказать сказку; но в этой сказке должен говорить я, а не лев, или орёл, или — ещё более бессловесные, чем они, — деревья. Да, здесь надо говорить мне.

Некогда был Зевс, были небо и земля; обитателями неба были боги, а питомцев земли — людей — тогда ещё на свете не было. И вот призывает Зевс Прометея и приказывает ему населить землю простыми животными, по своему образу мыслей более всего близкими богам; а тело их должно быть нежным, прямым и соразмерным; у них должен быть приветливый взгляд, ловкие руки и твёрдая поступь.

И вот повинуется Прометей Зевсу, создаёт людей и населяет ими землю. Когда они обрели бытие, то не тяжкой оказалась для них жизнь; ведь пищу им щедро доставляла земля; были у них луга пышные, горы кудрявые и плодов достаток — всё, что земля охотно доставляет, пока ещё её не тревожат пахари.

Нимфы предоставляли им чистые источники и прозрачные реки, всякую влагу в изобилии и неиссякаемые родники. Жар солнца разливался по их телам умеренно, вливая в них бодрость, а ветерки, веявшиенад рекой в летний зной, навевали им прохладу, освежая тело. Спорить им было не о чем, так как они жили в полном довольстве, получая всё без всякого труда.

Мне кажется, что и поэты ближе всего стоят к этой нашей сказке, рассказывая в сокровенной форме о жизни, какой она была во времена Крона, царя богов, — о жизни без войн, оружия, без охраны, о жизни мирной, без распрей, здоровой и не знающей нужды. И Гесиод, как кажется, именно эту жизнь называет золотым веком[352], поступая подобно нашей сказке.

2 Но оставим сказку, и пусть из неё возникнет разумное слово: сравним теперь один образ жизни с другим, век, бывший прежде, с последующим — назвать ли его «железным» или как-нибудь иначе, — когда люди стали делить землю между собой; они разрезали её, обнеся оградами и стенами, и каждый захватил себе какую-нибудь часть; свои тела они стали облекать в мягкие одежды, ноги обматывать кожами и обвивать золотом то шею, то голову, то пальцы, надевая на себя красивые блестящие оковы; они строили дома, снабжая их засовами, воротами и преддверьями; они начали мучить эту землю, отыскивая в ней

металлы, разрывая и копая её. Даже море они не оставляли в покое, они построили ему на беду суда — для войны, для перевозок, путешествий и торговли. Не удержали они своих рук и от воздуха, — даже ему они причинили вред, вылавливая стаи птиц при помощи птичьего клея, силков и других разнообразных хитростей.

Они не жалели приручённых животных за их слабость, не отступали перед дикими зверями из страха, но набивали свой желудок при помощи кровопролития, убийства и всяческого осквернения. Постоянно ища новую пищу для своих страстей, с презрением отвергая всё прежнее, они гонялись за наслаждениями и терпели бедствия, стремясь к богатству; они всегда считали то, чем владели, хуже того, чего им не доставало, а то, что приобрели, ценили меньше того, что надеялись захватить. Они боялись нужды, а насытиться никак не могли; они страшились смерти, но о жизни не заботились; боялись болезней, но не воздерживались от всего, что порождает болезни, подозревали одних, но сами строили козни против большинства; страшные для безоружных, трусливые перед вооружёнными, они ненавидели тиранию, а сами жаждали стать тиранами; они порицали всё позорное, но от позорных дел не воздерживались; перед удачей они преклонялись, но доблестью не восхищались; о несчастьях они сокрушались, но пороков не избегали; при успехе становились дерзки, при неудачах нерешительны; мёртвых они считали счастливыми, но цепко держались за жизнь; ненавидели жизнь, но боялись смерти; затевали войны, а соблюдать мир не умели; в рабстве покорные, при свободе наглые, при народном правлении необузданные, при тирании робкие, они страстно желали иметь детей, но об уже рождённых нисколько не заботились; они молились богам, ожидая от них помощи, и презирали их, не веря в их кару; боясь богов наказующих, они в то же время приносили ложные клятвы, как будто богов вовсе не существует.

3 Итак, если такие распри и такой разлад вторглись в этот, второй, образ жизни, то какому же из них мы должны присудить победную награду? Какой из этих двух образов жизни нам следует назвать естественным, простым и вполне свободным и какой — неестественным, стеснённым, достойным сожаления и преисполненным несчастий?

Так вот, пусть муж от каждого из двух веков явится на суд нашей речи, и она спросит обоих, и прежде всего представителя первого образа жизни, того, кто наг, обездолен и неискусен, — гражданина и обитателя всего мира[353] — спросит, нарисовав ему образ жизни другого, хочет ли он сохранить за собой свою прежнюю пищу и свободу или, обретя наслаждения при втором образе жизни, получить вместе с ними и всевозможные горести. После него пусть выступит другой, пусть ему представит она образ жизни и свободу его предшественника, пусть спросит, выберет ли он свой прежний образ жизни или захочет переменить его и как бы переселиться в жизнь другого — в жизнь мирную, свободную, не знающую нужды и беспечальную. Кто из двух станет перебежчиком? Кто добровольно променяет свой образ жизни на образ жизни другого?

4 Какой человек столь неразумен, кто так любит зло, кто столь злополучен, что из любви к ничтожным и эфемерным наслаждениям, сомнительным благам и обманчивым надеждам, из любви к непрочным счастливым случайностям не захочет отправиться в путь и переселиться в жилище истинного блаженства? Особенно если он знает, что он должен благодаря этому избавиться от многочисленных зол, которые крепко слились со вторым образом жизни;

разве не осудит он этот образ жизни, полный скорби, жалкий и несчастный?

Я, со своей стороны, пожалуй, сравню теперь оба эти образа жизни: этот, будто бы столь великолепный и разнообразный, я сравню с жестокой тюрьмой, в мрачной глубине которой томятся несчастные люди; ноги их закованы в крепкое железо, вокруг шеи у них тяжёлая цепь, а на обеих руках висят ужасные оковы; они грязны, находятся в постоянной тревоге и стенаниях. Но со временем и от ежедневной привычки они даже там находят себе радости: иногда напиваются допьяна в своей тюрьме, орут песни, набивают желудок, предаются любви. Но не наполняет это спокойствием никого из них: всего они страшатся, ни во что не верят и помнят постоянно о своих несчастьях. Так, в каждой тюрьме можно услышать одновременно и пени и песни, и стенания и пеаны.

Далее, я сравню другой образ жизни с человеком здоровым, живущим светло и чисто: его ноги и руки не связаны, он свободно поворачивает шею, поднимает взоры к солнцу, видит звёзды, различает день и ночь, спокойно ожидает прихода времён года, чувствует дыхание ветра и наслаждается чистым и вольным воздухом; его я сравню с человеком, который обходится без наслаждений, а вместе с тем и без оков, кто не пьянствует, не предаётся любовным страстям, не набивает свой желудок, не стенает, не поёт хвалебных гимнов, не распевает песен, не плачет и не наедается до ожирения, но лишь настолько, чтобы жить с лёгким и необременённым желудком.

Какой из этих двух образов жизни надо признать счастливым? Какую жизнь счесть достойной сожаления? Какую избрать? Неужели ту жизнь, неразлучную с тюрьмой и ненадёжную? Неужели мы дадим обольстить себя горьким и жалким удовольствиям, в которых

Вместе смешались победные крики и смертные стоны?[354]

Нет, ты не хочешь этого, моя несчастная душа.

5 Но оставь все эти образные сравнения вместе со сказками и обратись к человеку, жившему не во времена Крона, но в самой гуще нашего железного века, человеку, освобожденному Зевсом и Аполлоном[355].

Он не был ни уроженцем Аттики, ни дорийцем, он не был вскормлен Солоном и не был воспитан Ликургом[356] (ведь ни страны, ни законы не порождают доблестей), но происходил он из Синопы на Понте.

Спросив совета у Аполлона[357], он сбросил с себя все узы окружающего мира и освободился от его оков; свободный, он стал обходить землю, уподобясь птице, обладающей разумом, не боясь тиранов, не подчиняясь насилию закона, не обременяя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком, не занимаясь обработкой земли, не обременяя себя военной службой и не промышляя морской торговлей; напротив, он осмеивал всё это — людей и их занятия, подобно тому как мы смеёмся над малыми детьми всякий раз, как видим их с увлечением играющими в бабки, когда они бьют и получают удары, отнимают и в свою очередь отдают. Он жил жизнью царя, не знающего страха, и свободного, он не проводил времени зимой среди вавилонян и не

обременял собою мидян в летний зной[358], но вместе с временами года переселялся из Аттики на Истм, а с Истма снова в Аттику.

Его царскими чертогами были храмы, гимнасии и священные рощи, его богатством, не вызывающим никакой зависти, надёжным и неотъемлемым, была вся земля и её плоды, были рождённые землёй источники, которые изливали для него питьё щедрее, чем весь Лесбос и Хиос[359].

Он любил чистый воздух и свыкся с ним так же хорошо, как львы, и не старался избежать того, что временами посылает Зевс, и не прибегал ни к каким ухищрениям, чтобы создавать для себя тепло зимой, а летом освежать себя прохладой. Был он поистине настолько привычен ко всему на свете, что при таком образе жизни оставался здоровым и сильным и дожил до глубокой старости, он никогда не нуждался в лекарствах, ни в железе, ни в огне[360], ни в Хироне, ни в Асклепии, ни в Асклепиадах[361], ни в предсказаниях прорицателей, ни в очистительных обрядах жрецов, ни в пении магов-заклинателей.

Когда Эллада была охвачена войной и все нападали на всех, В поле сходились недавно, стремимые бурным Ареем[362],

лишь он один призывал к миру, он, невооружённый среди вооружённых, мирный среди сражающихся; его сторонились незаконные тираны и доносчики, ибо он обличал дурных людей, обличал не словесными ухищрениями, докучливо порицая их, но делами, сопоставляя всякий раз дела их и свои. Обличая, он всегда достигал цели и был миролюбивым. Поэтому против Диогена не выступил ни Мелет какой-нибудь, ни Аристофан, ни Анит, ни Ликон[363].

6 Итак, как же мог Диоген не отдать предпочтения такому образу жизни, который он добровольно избрал себе, который ему указал Аполлон и восхвалил Зевс и которому удивляются все, кто имеет разум?

А чем, кроме непосредственной пользы дела, может руководствоваться тот, что не по собственному выбору приобрёл что бы то ни было?

Например, спроси женатого человека: «Для чего ты женился?» Он скажет: «Для того, чтобы иметь детей». Спроси воспитывающего детей, ради чего он их родил, он скажет: «Страстно желая наследника». Спроси воина, он скажет: «Хочу богатой добычи». Спроси земледельца, он ответит: «Хочу собрать плоды». Спроси у ростовщика, он скажет: «Жажду богатства». Спроси занимающегося общественными делами, он скажет: «Жажду славы».

Однако все предметы этих желаний в большинстве случаев оказываются обманчивыми и превращаются в свою противоположность: удача — дело случая, а не результат мудрости или искусства. Ведь всякий, кто поставит перед собой одну из этих целей, испытывает в жизни несчастье и потерпит заслуженные бедствия, так как он не может сослаться на то, что не знал, каковы те блага, которые он избрал по своей воле.

Кого же из всех этих людей можно назвать свободным? Народного вождя? Но ведь он раб многих господ! Судебного оратора? Но он раб суровых судей! Тирана? Но он раб

необузданных наслаждений! Полководца? Но он раб неверного случая! Мореплавателя? Но он раб ненадёжного ремесла! Философа? Но какого именно? Я, конечно, восхваляю Сократа, но я же слышу, как он говорит: «Я подчиняюсь законам, добровольно иду в тюрьму и охотно принимаю яд». «О Сократ, понимаешь ли ты, что говоришь? Неужели охотно или только желая мужественно противостать своей неизбежной судьбе?» — «Я повинуюсь закону». — «Какому закону? Ведь если это закон Зевса, я прославляю такого законодателя; если же по законам Солона, то чем Солон был лучше Сократа?»

Но пусть ответит мне Платон во имя философии, неужели её не поколебало ничто: ни Дион, вынужденный бежать, ни грозный Дионисий[364], ни Сицилийское или Ионийское море, вздымающие свои волны?

Упомяну, пожалуй, и о Ксенофонте[365] и брошу взгляд на его жизнь, заполненную странствиями, не верным счастьем, вынужденной военной службой командованием войсками против воли и почётным изгнанием.

И вот все эти злоключения, утверждаю я, проходят мимо того образа жизни, которым Диоген прославился более, чем Ликург и Солон, Артаксеркс и Александр и стал свободнее даже самого Сократа: ведь он не был ни судим, ни заключён в тюрьму и прославился не своими страданиями.

Лукиан из Самосаты.

Киник

1. Ликин. Почему это ты, приятель, бороду отпустил и волосы отрастил, а хитона у тебя нет? Почему показываешься голым, ходишь босоногим и ведёшь жизнь бродячью, не человеческую, а звериную? Зачем, вопреки тому что все делают, ты собственное своё тело умерщвляешь всячески и бродишь кругом, находя то там, то здесь ночлег на жёсткой и пыльной земле, так что всякую мерзость носишь на жалком своём плаще, и без того уж нетонком, нецветистом?

Киник. Да мне такой и не надобен. А нужен такой, чтоб раздобыть его полегче было и чтобы хлопот он своему владельцу доставлял поменьше: такого и довольно с меня...

2. Ну, а теперь скажи, богов ради: разве, по-твоему, с роскошью не сопряжён порок?

Ликин. Ещё как!

Киник. С простотою же — добродетель?

Ликин. Ну ещё бы!

Киник. Так почему ж тогда, видя, что я веду жизнь более простую, чем прочие, они же — более пышную, ты меня, а не их порицаешь?

Ликин. Потому что, видит Зевс, ты, по-моему, не в большей, чем другие, простоте живёшь, но в большем убожестве, сказать точнее, в полном недостатке и бедности: ведь ты ничем не отличаешься от нищих, выпрашивающих себе пропитание на каждый день.

3. Киник. Так не хочешь ли, раз уж зашла об этом речь, рассмотрим, что значит «недостаточно» и что «достаточно»?

Ликин. Если ты считаешь это нужным.

Киник. Итак, для каждого человека является достаточным то именно, что достаёт до уровня его потребности. Или, может быть, ты это понимаешь как-нибудь иначе?

Ликин. Допустим — так.

Киник. Недостаточным же всё то, чего недостает именно для потребности, что не достигает размеров необходимого. Не правда ли?

Ликин. Правда.

Киник. Значит, я не терплю ни в чём недостатка, так как всё, что у меня есть, вполне удовлетворяет мою потребность.

4. Ликин. Что ты, собственно, хочешь этим сказать?

Киник. А вот посмотри: для чего существует каждая из вещей, в которых мы нуждаемся? Например, дом: разве он существует не для прикрытия?

Ликин. Так. Дальше!

Киник. Но, ради богов, для чего же нужно нам само это прикрытия? Не для того ли, чтобы прикрытый чувствовал себя лучше?

Ликин. Мне кажется, что так.

Киник. Итак, во-первых, мои ноги: неужели, по-твоему, они в худшем положении, чем ноги других людей?

Ликин. Вот уж не знаю.

Киник. Ну, может быть, вот так тебе это станет яснее: скажи, что должны делать ноги?

Ликин. Ходить.

Киник. Так что же? Ты полагаешь, что мои нош ходят хуже, чем у остальных людей?

Ликин. Нет, это совсем неправильно.

Киник. А значит, и состояние их не хуже, раз они не хуже других выполняют свою работу.

Ликин. Правильно.

Киник. Следовательно, что касается ног, я, оказывается, нахожусь в положении ничуть не худшем, чем другие люди.

Ликин. Непохоже, что ты был хуже.

Киник. Что же? Может быть, тогда остальное моё тело в худшем состоянии? Но ведь если оно хуже, то, значит, и слабее, так как достоинство тела — в его силе. Ну, а разве мое тело слабее других?

Ликин. На вид — нет.

Киник. Итак, оказывается, что ни ноги мои, ни остальное тело не терпят недостатка в прикрытии. Ибо, испытывая недостаток, они находились бы в плохом состоянии, так как нужда всегда и всюду делает то, что ею охвачено, всё более скверным и более слабым.

Впрочем, и питается моё тело, по-видимому, не хуже других оттого лишь, что питается чем придётся.

Ликин. Ясно: стоит лишь посмотреть на тебя.

Киник. Не было бы моё тело и сильным, если бы плохо питалось: разрушается ведь тело от плохого питания.

Ликин. Согласен и с этим.

5. Киник. Почему же, скажи мне тогда, если так обстоят дела, ты порицаешь меня, презираешь мой образ жизни и зовёшь его жалким?

Ликин. Да потому, Зевсом клянусь, что природа, которую ты чтишь, и боги раскинули перед нами землю и заставили её производить многое множество благ, чтобы мы все имели в избытке не только на потребу себе, но и на радость, — ты же ни в чём этом, или почти ни в чём, не имеешь своей доли и ничуть не больше животных. Посмотри: пьёшь ты воду ту же, что и звери, ешь всё, что тебе попадётся, подобно собакам, и ложе твоё ничуть не лучше, чем бывает у псов: охапки сена довольно для тебя, как и для них. Да и плащ на тебе несколько не лучше, чем на обездоленном нищем. А между тем если согласиться, что ты, довольствуясь этим, правильно мыслишь, то, следовательно, бог поступил неправильно, сотворив и овец тонкорунных, и сладкие винные гроздья, и многое множество иных чудес для нас приготовив — и масло, и мёд, и многое другое, чтобы были у нас яства разнообразные, и сладкий напиток, деньги, мягкое ложе, чтобы мы имели красивые жилища и всё остальное, на диво изготовленное, а также произведения искусств: они ведь тоже дары богов. Жизнь, лишённая всех этих благ, — жалкая жизнь, даже если человек лишён их кем-нибудь другим, как те, что сидят в темницах. Но ещё более жалок, кто сам лишит себя всего, что прекрасно: это уже явное безумие.

6. Киник. Что ж? Может быть, ты и прав... Однако вот что скажи мне: положим, богатый человек от всего сердца ласково и радушно угощает и принимает у себя многочисленных и самых разнообразных гостей, болезненных людей и крепких. Хозяин покрывает для гостей стол множеством кушаний всякого рода, и вот кто-нибудь из гостей всё захватит и всё съест — не только то, что стоит перед ним, но и то, что дальше, что приготовлено для слабых здоровьем, тогда как сам он совершенно здоров и притом имеет лишь один желудок, нуждается в немногом, чтобы насытиться, и когда-нибудь будет раздавлен обилием съеденных блюд, — скажи-ка, что это за человек, по-твоему? Наверно, разумник?

Ликин. Как для других, для меня — нет.

Киник. Тогда что же? Скромник?

Ликин. Тоже нет.

7. Киник. Ну, а теперь положим, что кто-нибудь из находящихся за тем же столом, не обращая внимания на обилие всевозможных блюд выберет одно из них, что поближе, достаточное для его потребности, и благопристойно съест его, им одним воспользовавшись,

а на остальные даже не поглядит, — не признаешь ли ты, что этот человек и благоразумнее, и порядочнее первого?

Ликин. О конечно!

Киник. Итак, понимаешь? Или я должен ещё разъяснить тебе?

Ликин. Что именно?

Киник. А то, что божество, подобно нашему радушному хозяину, выставило перед нами обильные разнообразные и разнородные кушанья, чтобы каждый получил то, что для него подходит: одно — для здоровых, другое — для больных, одно — для сильных, другое — для слабых. Божество не хочет, чтобы мы все пользовались всем, но чтобы каждый — тем, что ему свойственно, а из того, что ему свойственно, именно тем, в чём он окажется наиболее нуждающимся.

8. Вы же всего более уподобляетесь тому человека. в своей ненасытности и невоздержанности старающемуся всё захватить, ибо вы домогаетесь использовать, все блага из всех мест земли, а не только свои отечественные: вы считаете, что вам недостаточно вашей земли и вашего моря, но из-за тридевяти земель привозите товары себе на усладу, всё заморское предпочитая местному, роскошное — простому, малодоступное — доступному. Короче говоря, вам больше правится терпеть хлопоты и беды, чем жить беззаботно. Ибо, конечно, всё это множество дорогих и пышных приготовлений, которыми вы блистаете, добываются вами путём великих несчастий и бедствий. Да, да, не хочешь ли — посмотри на вожделенное золото, посмотри на серебро, посмотри на одежды, предмет стольких усилий, посмотри на всё, что тянется вослед перечисленному, — ценою каких хлопот всё это покупается, каких трудов, каких опасностей! Более того, каким количеством человеческой крови, смертей и раздоров, — и не потому только, что многие гибнут в далёких плаваниях и терпят ужасы, добывая и изготавливая, — нет, это всё вдобавок родит множество битв и побуждает вас строить взаимные козни: друзья — друзьям и дети — отцам, а жёны — мужьям.

9. И всё это совершается, несмотря на то что разноцветные плащи ничуть не лучше греют, и дома с золочёными кровлями ничуть не лучше укрывают от непогоды, и кубки серебряные не делают попойку веселее, не делают этого и золотые. Также ложе из слоновой кости не приносит снов более сладких, но нередко ты увидишь богача, который на драгоценном ложе, на роскошных тканях не может забыться. А уж о том, что всякие заботы о кушаньях насыщают несколько не лучше, но лишь разрушают тело и причиняют ему болезни — стоит ли говорить?

10. Нужно ли говорить также о том, сколько трудов и испытаний выносят люди ради утех Афродиты? А между тем так легко утишить эту страсть тому, кто не ищет излишеств. Но и для этой страсти безумств и раздоров кажется людям ещё недостаточно, и они доходят до того, что опрокидывают естественное назначение вещей и пользуются установленными не для той цели, для какой это установлено природой как если бы пожелал кто-нибудь вместо повозки воспользоваться ложем будто повозкой.

Ликин. Но кто же это делает?

Киник. Вы делаете, вы, которые пользуетесь людьми как упряжной скотиной и велите им тащить на плечах ваши носилки, словно повозки, а сами возлежите на них, в неге и роскоши, и правите сверху людьми, как мулами, приказывая им поворачивать не в ту, а в эту сторону. И чем больше вы совершаете таких поступков, тем блаженнее считаете себя...

11. А те, кто плоть живого существа употребляет не просто в пищу, но ухитряется обратить её в краски, — каковы, например, красильщики пурпуровых тканей — разве и эти люди не вопреки природе используют создания божества?

Ликин. Видит Зевс, нет, так как пурпурица[367] может окрашивать, а не идти только в пищу.

Киник. Но не для того она существует. Ведь иной человек и кратером мог бы, учиня над ним насилие, воспользоваться как простым горшком, тем не менее кратер[368] существует не для этой цели. Да что там. Разве возможно описать подробно всю одержимость этих несчастных? Так велика она. А ты мне ставишь в упрёк то, что я не хочу в такой жизни участвовать, но сижу, подобно скромному гостю, угощаясь тем, что мне подходит, употребляя лишь самое простое и нисколько не стремясь к другим затейливым и разнообразным кушаньям.

12. Но, более того: если я, по-твоему, живу звериной жизнью оттого только, что я нуждаюсь в немногом и довольствуюсь малым, то богам угрожает опасность, в соответствии с твоими взглядами, оказаться ещё ниже зверей, ибо боги уж совершенно ни в чём не нуждаются. Но, чтобы точнее понять, что значит «нуждаться в немногом», обрати внимание на следующее: количеством нужд дети превосходят взрослых, женщины — мужчин, больные — здоровых. Короче говоря, всегда и везде низшее нуждается в большем, чем высшее. Вот почему боги ни в чём не нуждаются, а те, кто всего ближе стоит к богам, имеют наименьшие потребности.

13. Ну, а Геракл, лучший из смертных, божественный муж, сам справедливо признанный за бога? Неужели ты думаешь, что несчастная судьба заставляла бродить его по земле обнажённым, с одной лишь львиной шкурой на теле, и не знать ни одной из ваших нужд? Однако далеко не был несчастным он, сам защищавший других от бед; не был он равно и бедняком, ибо и суша и море были ему подвластны. В самом деле, куда бы Геракл ни направился, он повсюду всех одолевал и ни разу среди своих современников не встретил никого, равного себе или сильнее, пока не ушёл сам из мира людей. Или ты думаешь, что Гераклу нечего было подстлать под себя, не во что обуться и потому он странствовал в таком наряде? Нет, этого никто не скажет. Но Геракл был силён духом и вынослив телом, хотел силы, а роскоши не желал. А Тезей, ученик Геракла? Разве он не был царём всех афинян и сыном Посейдона, как гласит преданье, и самым доблестным мужем своего времени?

14. Но что же? И Тезей предпочитал не иметь сандалий, бродил наг и бос, и любо было ему носить бороду и длинные волосы; да и не ему одному было это приятно, но и всем мужам

древности, потому что они были лучше вас, и не потерпел бы бритвы ни один из них, точно так же, как ни один лев не позволил бы побрить себя. Тело нежное да гладкое, думали они, приличествует женщинам, сами же они, чем были на деле, тем и казаться хотели — мужчинами, считая, что борода служит украшением мужу, подобно тому как грива коню или льву клок шерсти на подбородке даны на красу и на гордость, так и мужчине дана борода. Они-то, мужи древности, возбуждают мою ревность, им я хочу подражать, и нисколько не завидую удивительному счастью, которое ныне живущие люди находят в своих обедах, нарядах и в том, чтобы вылощить каждый член тела и не оставить на нём ни одного волоска, хотя бы они вырастали в самых сокровенных местах.

15. Я же молю богов, чтобы ноги мои ничуть не отличались от конских копыт, как, по преданию, ноги кентавра Хирона[369], чтобы самому мне, подобно львам, не нуждаться в постели и чтобы роскошная пища была мне потребна не больше, нежели псам. Да будет дано мне всю землю иметь своим ложем, в другом не нуждаясь; считать жилищем Вселенную, а пищу брать ту, какую добыть всего легче. В золоте же и серебре пусть никогда не почувствуем надобности ни я сам, ни мои друзья, так как из этой страсти рождаются для людей все бедствия: междоусобия, войны, заговоры, убийства. Всё это имеет своим источником страсть к обладанию большим. Пусть же она не подступает к нам, пусть никогда не увлекает меня жажда корысти, и да буду я в силах довольствоваться малым.

16. Вот тебе мои взгляды. Конечно, они резко расходятся с желаниями толпы. И ничего нет удивительного, что и по внешнему виду мы отличаемся от большинства, раз мы так сильно отличаемся своими убеждениями. Но вот чему я дивлюсь: ты признаёшь, что играющий на кифаре должен иметь особое платье и отличаться внешним видом, тоже и флейтист; да, да, флейтист должен иметь особую наружность и отличное платье — актёр; за честным же человеком ты не признаешь права на отличие в наружности, наряде, но считаешь, что все признаки должны быть такими же как у толпы, хотя толпа к тому же состоит из негодяев. Если же должна быть у честных людей единая, им свойственная наружность, то разве не подойдёт для этой цели больше всего как раз самая оскорбительная для всяких распутников, самая для них неприемлемая?

17. Итак, для меня отличающая наружность состоит в том, что я грязен, космат, ношу грубый плащ и длинные волосы, хожу босиком, тогда как вы по внешности подобны искажающим природу распутникам[370], и различить вас никому не возможно, ибо всё у вас одинаково: и разноцветные тонкие ткани, множество всяких рубашечек, и верхнее платье, и обувь, и прическа, и духи. Да, да: вы уж и благоухать стали совсем как те, особенно самые, по-вашему, счастливые. Однако много ли можно дать за мужчину, от которого несёт духами как от продажного мальчишки? И в самом деле: в работе вы ничуть не больше их выносливы, в наслаждениях же — ничуть не меньше; и кушаете вы, и причёсываетесь одинаково с ними, и ходите так же или, лучше сказать, так же не желаете ходить, а предпочитаете, чтобы вас носили, как какую кладь, кого — люди, кого — мулы. Меня же несут мои собственные ноги, куда я только пожелаю. Я способен и холод выдерживать, и жар переносить, и не брюзжать на установленное богами, — а всё потому, что я несчастен и жалок, вам же, с вашим счастьем, ничто совершающееся не по нраву. Всё вы браните, того что имеется, выносить не желаете, а стремитесь к том чего нет: зимой молитесь о лете, летом — о зиме, в зной — о холоде, а в холод — о зное. Вы, точно больные, ничем не довольны и

привередливы; но у тех виною болезнь, у вас же — ваш собственный нрав.

18. И после всего этого вы требуете от нас, чтобы мы переменили и исправили своё поведение, так как мы-де нередко дурно обдумываем свои поступки, между тем как сами вы неосмотрительны в собственных и ни одного из них не совершаете, следуя разумному решению, но всегда руководитесь привычкой или страстью. Поэтому вы ничем не отличаетесь от людей, уносимых бурным потоком: куда устремится течение, туда люди и несутся; так и вы — куда увлекают вас страсти. С вами происходит совершенно то же, что произошло, говорят, с одним человеком, севшим на бешеного коня: конь, конечно, подхватил его и помчал, а человек этот уже не мог сойти с коня во время скачки. И вот кто-то, встретив его, спросил, куда он мчится. "Куда ему заблагорассудится", — ответил тот, указав на коня. Так и вы: если бы кто-нибудь спросил вас: "куда вы несётесь?" — и если бы вы пожелали ответить правду, вы должны были бы сказать или просто "куда угодно нашим страстям", или, точнее, в одном случае — "куда угодно наслаждению", в другом — "честолюбию", в третьем — "жадности". Один раз вас может умчать гнев, другой раз — страх, третий — ещё что-нибудь подобное, так как не на одном, но на множестве различных коней носитесь вы, садясь то на одного, то на другого, но все они равно дики и потому заносят вас в пропасти и стремнины. Но пока вы не свалитесь, до тех пор вы никогда не понимаете, что вас ожидает падение.

19. Что же касается грубого плаща, над которым вы насмехаетесь, то и он, и мои длинные волосы, и вся моя наружность такой огромной обладают силой, что дают мне возможность жить спокойно, делать что захочу и дружески встречаться с кем пожелаю. Ведь из людей невежественных и необразованных ни один не захочет подойти ко мне из-за моего вида, а разные неженки, так те ещё издали сворачивают в сторону. Сближаются же со мной люди самого тонкого ума, строгой совести, жаждущие стать лучше. Эти люди чаще всего приходят ко мне, и с такими я рад вести беседы. У дверей же так называемых счастливых я не прислуживаю, их золотые венки и пурпурные ткани почитаю за дым и смеюсь над этими людьми.

Если же ты хочешь убедиться в том, что моя наружность, которую ты высмеиваешь, не только честным людям, но и богам приличествует, рассмотри изображения богов: с кем они покажутся тебе схожими, с вами или со мной? И не только эллинские, но варварские храмы обойди и посмотри, как изваяны и написаны боги: с длинными волосами и бородами, как у меня, или стриженными и бритыми, подобно вам? Впрочем, в большинстве случаев ты и хитонов не увидишь на них, как и на мне. Так что же? Неужто ты ещё осмелишься говорить о такой наружности, будто она никуда не годится, когда и самим богам она оказывается подходящей?